

Виктория Лысенкова

4 Угла

16+

Виктория Лысенкова

Четыре угла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368125

SelfPub; 2022

Аннотация

Главный герой произведения, молодой и амбициозный врач-психиатр, не подозревая о своей судьбе, начинает работать в загадочной Психиатрической больнице. Что ждёт его, кроме установки диагнозов и регулярных ночных дежурств? Кто покажет герою настоящий облик мира? И выдержит ли молодой врач испытания в самых ужасающих и темных углах человеческой души? Ответы на эти вопросы вы найдете здесь. Книга является попыткой автора разобраться в сложном строении человеческой сущности.

Содержание

Часть 0	5
Глава 1	5
Часть 1	17
Глава 1. Убивающее зло	17
Глава 2. Людская ненависть	36
Глава 1. Начало страха	79
Глава 2. Страх	87
Глава 3	92
Глава 4	95
Глава 5	101
Глава 6	104
Глава 7	109
Глава 8	114
Глава 9. Поступь к одиночеству	137
Глава 10	141
Глава 11 . Не заставляющее себя долго ждать одиночество	145
Глава 12. Одиночество	154
Часть 3. Эгоизм и самолюбие	182
Глава 1. Начало эгоизма	182
Глава 2. Эгоизм	193
Глава 3. Самолюбие	209
Глава 4. Чрезмерное самолюбие	227

Часть 4. Любовь и Счастье	241
Глава 2. Герман и Марлен	248
Глава 3. Болеют ли любовью	259
Глава 4. Мосты должны быть сожжены	320

Виктория Лысенкова

Четыре угла

Часть 0

Глава 1

Опять свист холодного ветра пронесся над крышей этого злополучного здания. Психиатрическая больница на юге города давно стояла на проклятом месте, обрастая легендами и трагическими поворотами судеб.

Сложность психического устройства здешних пациентов привлекала немалое внимание великих докторов, ученых и даже политиков, одержимых изучением душевных страданий больных. Раскол человека на несколько личностей, неврозы, мании и прочие расстройства ставили вышеупомянутых лиц в положение полного восхищения.

Врачи самостоятельно изъявляли желание работать в этой больнице по разным причинам. Одной из них было стремление разгадать человеческую душу, человеческую сущность, другой – желание помочь тем, кто сам себе помочь не может. Врачом с благими намерениями был и Герман Риц – замечательный человек с высокими умственными и моральными

показателями. Именно так было написано в его рекомендации при поступлении на работу в психиатрическую больницу №1.

Герману Рицу на тот момент было около двадцати трех – двадцати пяти лет. Он был темноволосым, худым молодым человеком с выразительными шикарными скулами на лице. На его слегка остром носу часто можно было увидеть круглые очки, что лишь украшали лицо и каре-зеленые глаза, обрамленные густыми ресницами.

После отправления рекомендации Герман незамедлительно принял предложение местной психиатрической больницы работать помощником лечащего главного врача.

Учреждение на юге города не было ограждено или поставлено в удаленное место от местных жителей. И в виду данного факта, дорога до места работы Рица не составляла никакого труда.

Герман оставлял свою старую, разваливающуюся четырехколесную колымагу, некогда именуемую автомобилем, переходил улицу по широкой проезжей части. Затем пролетал над газоном, в котором росли тонкие и хилые деревья в три метра в высоту, и, ступая на не широкий плиточный тротуар, взбирался по лестнице к квадратной тяжелой двери желтого четырехэтажного здания с решетками на окнах.

На первом этаже справа от двери, за большим округлым столом сидела Маргерет. Она принимала и отправляла документы на рассмотрение в определенные кабинеты, учиты-

вая содержание листов и болезней, описываемых в них. Под ее ногами была положена черно-белая плитка, напоминавшая шахматную доску, что распространилась по всему этажу. На столе у Маргерет стояла лампа, стеклянный стакан с карандашами внутри и пачки документов, писем. Где-то в них затерялся колокольчик. Эта женщина была приветлива, но всегда увлечена своей работой, и потому редко улыбалась. Если же бывало, что улыбка сияла на ее лице, то всем своим ртом, открывая белые зубы. Волосы каштанового цвета с небольшой рыжеватостью укладывала в кичку, закалывая одну прядь волос заколкой. Она всегда ходила в белой юбке и рубашке, поверх которых надевала фартук на поясе, запачканный бледными каплями лекарств.

В этот день, Маргерет сидела всё в той же одежде за тем же столом и все так же дружелюбно, но с занятостью, поприветствовала Германа. Он прошел дальше, оглядев затемненный к началу, но светлый и блестящий к концу коридор в двадцать квадратных метров, квадратной формы. На другом конце уже стоял Савелий Оснач – главный врач, ожидающий своего подопечного.

– Здравствуйте, Савелий Оснач. – Увидев врача, поторопился Герман.

– Здравствуй, Герман.

Оснач был человеком большим. Большим в плане объемов тела и наград за заслуги перед людьми. Его уважали и ценили, находили в нем отца и друга, порой доброго и при-

ветливого, а порой и сердитого, готового вот-вот наказать, поставив в угол или уволив... Словом – человек открытый. Главврач был высоким, уже совсем седым, с небольшой бородой и усами и... лысиной. Глаза были серо-голубыми, нос с горбинкой, а лицо бледное и серьезное. Оснач крепко жал руку. Герман, протянув свою ладонь, получил вместе с вежливостью ещё и боль.

Врачи последовали в помещение слева от лестницы, ведущей на этажи выше. Табличка гласила «Только для персонала». Дверь открылась перед лицом Германа и из помещения вышла медсестра с подносом, на котором стояли лекарственные препараты в небольших стеклянных чашках и бумажные мешочки с таблетками.

– Всё взяли? – спросил главврач.

– Да. – Ответила она.

Герман и Савелий Оснач шли, убрав руки за спину. Пройдя друг за другом по очереди в помещение для персонала, они вышли оттуда через минут десять с папками документов в руках и карандашами.

Поглядывая на пожелтевшие от времени и солнечного света обои, Оснач и Риц поднимались на второй этаж по мраморной лестнице с деревянными перилами. На втором этаже их встретила железная дверь из мощного переплетения и с увесистым замком.

Герман и Савелий Оснач открыли дверь, вошли и заперли этаж обратно.

Развеем сразу стереотипы о мрачности таких больниц. Второй этаж психиатрической больницы №1 был длинным коридором, вдоль одной стены которого находились "комнаты больных" с железными, крепкими дверями, напоминающие решетки, а между ними были встроены огромные окна, создававшие душевно нестабильным людям личное пространство. И всё было там светлым: пол, стены, потолок, свет из окон. Они, кстати, я сейчас про окна, служат и лампочками днём, освещая всё лучами солнца, и лампочками ночью с лучами от луны. Другие источники света применялись редко и неохотно.

Итак, оба врача вошли. На их лицах заиграло солнце, все казалось прекрасным, кроме одного...

Душераздирающие крики пронизывали и тело и разум. Образы прыгающих на решётки людей, похожих на взбесившихся животных, протягивающих руки, старающихся тебя схватить, смущали и брызгали в лицо страх. Стуки ударов головы об пол или стены, вызывали нервный тик у слабых, а разговоры в повышенных тонах людей самих с собой давали понять красноту собственной разумности.

Герман показал налево, предложив тем самым начать день с левого крыла, а там, как пойдёт. Савелий согласился, покачав своей лысоватой головы, и нога в ногу психиатры отправились на поиски знаний.

- Я хочу вас расспросить. – Заговорил Оснач.
- Меня?

– А вы тут видите другого врача? Конечно, вас. Сегодня я побуду вашим учеником, а вы, так получается, будете моим учителем.

Герман начал почти заикаться от столь неожиданного предложения, но взял себя в руки и проговорил спокойно свое согласие.

– У вас не было выбора. Начнем. Вы не против?

Риц и Оснач сделали несколько шагов и настигли первой комнаты больного. Его было прекрасно видно через железную решетку, подобной тюремной. Он метался по «камере», все время кричал, пытался вырвать из своей головы волосы, он злобно смотрел на все вокруг, было понятно – он всех ненавидит.

– Что у нас в этом случае? – Задал вопрос глав – врач.

– Минуточку. – Герман вытянул свою красивую шею, приблизился лицом к больному и в этот момент, психически нестабильный накинулся на врача. Но решетка приняла удар на себя, и Герман лишь, с колотящемся сердцем, отпрыгнул в сторону.

– Не совсем разумно так близко стоять возле них.

– Вы могли подумать, Савелий Оснач, что я повел себя безрассудно, но это не так. Мне нужна была информация и таким путем я ее заполучил. Теперь я могу сказать, что перед нами случай фебрильной шизофрении.

– Обоснуйте.

– Человек ведет разговор самим с собой, не внятно и им-

пульсивно. Явное преобладание желания выдрать себе волосы над разумом. Явное агрессивное поведение с признаками ненависти. Иии, это не точно, но болезнь прогрессирует в ускоренном виде.

– Так. Вы совершенно правы, мой мальчик.

Оснач первый сделал шаги к следующему пациенту.

– А здесь что за случай?

Герман догнал доктора и внимательным взором окинул комнату перед ним стоявшую. В ней находился пожилой человек, совсем старичок с седой бородой. Он спокойно сидел у себя на кровати и что-то бурчал под нос. Его правый глаз немного тикал, но это не выглядело странным.

– Доброе утро. Я могу у вас поинтересоваться вашим самочувствием? – почти крича, заговорил Герман.

Но ему не ответили. Нет, была попытка ответить разумно и разборчива, но она обвенчалась крахом.

Начинающий врач задумался, он почувствовал капли пота на своей спине, ему стало некомфортно, он боялся дать неверную характеристику пациента главному врачу. И, в момент, когда Герман уже хотел опустить руки, старичок закричал.

«Нет! Нет! Не сейчас! О милые люди, не уходите. Поговорите со мной хоть минуты три. Для вас это малость». И тут же сменил тему. «Если сыр убежал, то он не вернется. А если вернется, значит он задумал что-то не хорошее. Например, расплавиться».

И тут нашему герою стало легче. Карты раскрыты.

– Я все еще жду – проговорил главврач спокойным тоном.

– Да. Это было почти сложно, Савелий Оснач. Я уверен, что этот пожилой мужчина болен среднепрогредиентной шизофренией. Представленная параноидной клинической формой. Доминируют симптомы бреда.

– Причем, симптомы второго ранга.

– Второго ранга?

– Ну как же. Не помните? Напоминаю симптомы второго ранга: обманы восприятия, наличие бредовых идей, растерянность, колебание настроения, ощущение эмоционального истощения.

– Да. Теперь я припоминаю. Мне жаль, что я сразу не смог дать полного верного ответа.

Пожилой доктор положил свою руку на плечо нашего героя.

– Не переживайте. Вы забыли не самое главное. В целом, вы молодцы. Хорошо определяете болезнь и даже ее разновидность. Я думаю, сегодня я готов дать вам еще одно задание, намного сложнее этого. И если вы не будете испуганы, то сможете сейчас взять отдых, а позже приступить к работе.

– Я... я не побоюсь.

– Послушайте для начала. Я предлагаю вам заступить этой ночью на дежурство. Вашими задачами будут – обход этажа, присмотр за больными. В случае чего просто потяните за веревку на одном из устройств на этаже. Такова практика по-

может еще лучше понимать больных и их недуги.

Герман не стал тянуть с ответом и тут же высказал свое согласие.

Врачи прошлись по этажу. Убедились в целостности пациентов и ушли.

Приближалась ночь и вместе с ней и ночное дежурство ассистента -Германа Рица.

Германа оставили на дежурство. Луна, проходя через стекла окон, освещала второй этаж полностью. И картина всего изменилась. Как по щелчку, по волшебным обстоятельствам коридор из приятно светлого пространства преобразился в худшую сторону. На стене высыпалась плесень, чёрная и древняя, краска пошла трещинами, ветер задувало внутрь, больные утихли и пытались не подавать признаков жизни. Тут явно что-то нечисто.

Это было первое дежурство Германа.

Идя по коридору второго этажа, высматривая неизвестного происхождения вмятины стен и кривизны пола, он увидел в конце всех "комнат больных" старика шизофреника, того самого, о котором Герман говорил днём. Тот смотрел на врача-ассистента и тихо поглаживал бороду.

– Вы знаете? – Вдруг совершенно нормально, но не известно о чем заговорил он.

– О чем? – Герман приблизился к собеседнику и посветил на его лицо фонарем с теплым свечением.

– Не свети, мальчик мой, мне так в лицо. Это неприят-

но. В свой возраст я и ослепнуть могу. – Герман изумился – больной ещё днём, старик ночью совершенно нормален. Относительно, нормален.

– Так о чем вы?

– Я о ней. – И неожиданный гость показал большим пальцем себе за спину, на стену.

– Это стена. Их тут много. И эту я видел.

– Нет! – Бешено открыв глаза, закричал старик. Но сообщив, тут же стих. – Это не стена. Нет. Зайди за ее оболочку, и ты узнаешь правду.

Герман послушал старшего по возрасту человека. Он подошёл к стене и, постучав пальцем по ней, выдохнул:

– Ну вот. Нет там ничего.

Но старик, открыв от изумления и глаза и рот, показал указательным пальцем обратно на стену, стоявшую за спиной врача.

– Ну что там?

И повернувшись, Герман увидел, как штукатурка с краской и кусками кирпичей рухнула на пол, подняв пыль.

Риц закашлял, закрыл нос локтем и согнулся, пытаясь набрать воздуха. Как только пыль улеглась, Герману предстала дверь, заменившая полстены. Одна деревянная закругленная сверху тяжёлая дверь с круглой ручкой теперь смотрела на врача. По ее доскам сходил мох, из щелей проникала в коридор тьма, а ее вид вызывал страх.

– Это что такое? – Прошептал Риц.

– Зайдёшь и узнаешь, мой мальчик. Узнаешь всё, чего вы не видите. Всё, что видим мы. . . .

Герман постоял меньше минуты и, приняв это все за галлюцинации, повёл больного обратно в его "комнату".

– Как же ты выбрался? Не пойму. – Говорил Риц сам с собой, пока закрывал решетку.

– Зайди. Ты умный, ты поймёшь.

Это были последние слова бородатого больного, которые прослушал Герман.

Риц всю ночь старался не посещать то крыло второго этажа, где дверь манила его к себе. Он доходил до середины коридор и поворачивал обратно, пустив лишь свет и беглый взгляд на запретную для него сторону. Его мучили мысли о таинственном старике, о не менее таинственной двери, он потерял счёт времени и, наконец, был озарён светом солнца, тёплым и успокаивающим. "Солнце! Утро!" Прошептал Герман и пустился в бегство со своего поста, он, не замечая всех, вылетел, а не вышел, из больницы, даже не ответив Маргрет, что-то кричащей в след.

Мысль о том, что произошло ночью, побудила, нет! Заставила Германа сесть за дневник. Голос, таинственный и не похожий на голос человека подталкивал, придаваясь различным уговорам. Не зная почему, Герман поддался. Он быстро вошёл в свою маленькую однокомнатную квартиру, с пожелтевшими обоями, новым полом, стертой мебелью. Коридор образовывали не стены, а стеллажи с вещами, в гостиной

круглый стол стоял по середине комнаты в компании двух бордовых низких кресел, а кирпичный камин со своей чёрной таинственностью смотрел на всю собственность владельца. Ничего в этой простой и скромной квартире не было дорогим, ценным. Ничего, кроме библиотеки, ведь она была сокровищем тихой обители тихого начинающего психиатра, она была его золотом, его драгоценностью.

Но вот Герман вошёл в квартиру, бросил своё пальто на что-то, что сам не рассмотрел и, удалившись в комнате, принёс увесистую, но чистую, в коричневом твёрдом переплётё тетрадь, ставшую дневником.

Он и раньше вёл дневники, но они были об учебе или семье. Этот же будет другой, этот не будет хранить в себе историю жизни Германа, он буду таить в себе историю души Германа...

И так, первая запись...

Часть 1

Глава 1. Убивающее зло

«Сегодня, нет, уже вчера утром я имел честь быть представлен больным. Ничего удивительного не произошло, пока ночь не опустилась на мою голову, как боль теперь царящая в ней. Я надеюсь, я не сошёл с ума, но я видел дверь... Ее показал мне старый мужчина с шизофренией, но спокойный в тот момент, и я бы мог даже поклясться, что здоровый. Бородат и истощён, он смог выбраться из камеры и показать ее. Дверь на втором этаже, закрытую от глаз людей, появляющуюся только ночью. Она смотрела своей черноватой старостью прямо на меня и, возможно, звала, но я не хотел слышать. Я хотел забыть этот момент, но любопытство овладело мной, и я решился. Решился войти в неё...»

Позже появилась вторая запись... но об этом чуточку позже.

Решение было принято окончательно и бесповоротно. Нужно зайти туда, в то, что прячет эта дверь. Но пока, чувствуя усталость и тяжесть век, Герману следовало лечь спать и бодрым и свежим придти завтра сутра в психиатрическую больницу, где вновь бы его встретила Маргарет. Это оказа-

лось тяжелой задачей, ведь неусмеримое возбуждение не давало найти в себе силы спокойно принять душ и уснуть. Германа бросало из угла в угол квартиры. Его широкий и тяжёлый шаг раздавался эхом. Молодой человек с опустившейся головой не мог додумать хоть одной мысли – все они перемешивались и ускользали, исчезали где-то вдали.

Прошел час, Риц перестал ходить. Разум и благоразумие взяло вверх. Герман, как ни в чем не бывало, улёгся спать, в той одежде, в какой пришёл. Он проспал весь день и всю ночь, лишь изредка вставая, чтобы попить воды и съесть что-нибудь ещё съедобное.

Утро застало начинающего психотерапевта с примятым лицом в подушку.

"Уже утро. Пора идти"

По обыкновению своему, по привычкам, возникшим за пару месяцев, он переоделся в чистую одежду и помчался по лестнице вниз, по винтовой, крученной лестнице наружу, на свежий воздух. Риц уселся в свою старую колымагу и отправился на работу, испытывая воодушевление, шепотку нетерпения и океан волнения. Холодные мурашки кочевали по его телу. Герман знал: сегодня новое дежурство, а значит и новая встреча с загадочной дверью.

Опять заглухнув, машина противилась ехать дальше. До места прибытия оставалось немного. Герман не стал терять времени на бессмысленные попытки завести свою старушку и просто вышел из автомобиля. Гордо шагая, главный герой

добрался до больницы. Он поздоровался с Маргарет, на сей раз без улыбки, с тонкой ноткой досады, зашел в дверь «для персонала», разделся, и начал искать Оснача.

Оказалось, что Савелия на сегодня не предстоит увидеть Гермону, ведь тот, весь день будет занят чем-то, что важнее работы. Или не важнее... Не нам судить.

День прошел. Подступала ночь.

В Германе Рице нарастали сомнения «А стоит ли рисковать? Ведь, не знаешь ты, – говорил он сам себе – что находится внутри?!»

Но! Как было сказано, решение было принято бесповоротно.

Ночь. Уже луна стояла на вершине своего царствования, она окутала всех и всё своими холодными размывами. Черные вороны влетали в стекла окон и разбивались об них. Стены здания на втором этаже почернели, в углах пошли трещины, больные затихли и притворились мертвыми. Они почти не дышали.

Опять старик возник ниоткуда. Он смотрел своими умными, добрыми, но слегка испуганными глазами прямо в душу Германа. Старая, иссыхающая рука поднялась перпендикулярно телу, и указательным пальцем старик вновь показал на дверь.

– Не думаешь ли ты, что я действительно спятил? Да, да, не отрицай в, коем месте мы находимся. Все мы, все, знаем, что это наша могила... Я уйду вновь в свою «комнату»

и буду сидеть тихо, днем пытаюсь быть живым, ну а ты? Ты, мой мальчик, слишком молод, чтобы подобно нам, притворяться живым! Тебе нужно жить, в тебе еще столько крови, ума, сообразительности. Я стар, я бел, иссох, но я еще вижу в людях людей. Зайди. Узнай мир тот, что видим мы – твои пациенты. Пойми нас.

– Я удивлен как вы, мой милый друг, умудряетесь выйти из своей камеры... то есть комнаты. Но ваши слова мне кажутся близки. И поверьте мне, я сам уж принял решение зайти туда. Мне, правда, совсем не по себе, сомнения еще грызут меня, а от ваших слов не становится легче, хотя не становится и труднее.

– Так ты решился? – Старичок изменился в лице, радость полностью заволокла его. – Правильно! Правильно, ступай. Но помни, совет старика никогда не повредит, так вот, помни, что всегда нужно быть собой. А я пойду. Пойду доживать свой век в камере.

Старичок повернулся и, слегка шаркая по полу, удалился. Остался наш славный герой наедине с ней... с дверью. Как на ринге, в левом углу, в черной плесени чемпион по неожиданностям и страхуууууу – Двееерь. А в правом углу в комбинезоне страха и недоумения – Герман Рииииц! Ваши ставки, дамы и господа?

Ну, пошутили и хватит. Все таки это вам не комедия, а серьезная история с добавлением авторского не смешного и позорного юмора. Были бы курсы по шуткам – я бы записал-

ся, но не в этой жизни.

Герман уставился в дверь, махнул головой, сделал вид, что плюнул на пол, как брутальный доминантный самец и с рывка двинулся прямо на соперника. Дойдя, он коснулся ручки двери, и холод тут же заполнил его душу и сердце. Но это его не остановило. Ручка повернулась, дверь поддалась, гермой одержал победу. Но что было его наградой?

Перед Германом предстала грустная картина – маленькая комната всего в девять квадратных метров с зелеными покрытыми мхом и плесенью стенами. На полу старые доски, что уже готовы сложиться пополам и уйти на покой. В дальнем правом углу – черное пятно. Оно простиралось от пола до самого потолка. Пятно напоминало след от пламени, обуглившее дерево, еще теплое, источающее волны тепла. Иначе не объяснить показавшееся движение.

Герман начал продвигаться в центр комнаты, оставив дверь открытой. Но вдруг она закрипела, и издался небольшой удар, грозящий заточением своему гостю.

Герман подпрыгнул на месте и развернулся лицом к двери, пугающая тишина заблокировала все мысли. Тут действовали только чувства. Герман шел спиной к тому углу, где чернота, идущая снизу вверх, уже поджидала его.

Но Герман остановился. Его сердце застучало еще быстрее. От чего? Он и сам не знал. Но он связывал это с одной деталью этой комнаты, с той деталью, что не была замечена сразу. Маленький детский стульчик с гнившей одной нож-

кой стоял справа от входа. Он смотрел на Германа, как будто пытался рассказать горькую и грустную историю. Детский сломанный стульчик, черное гниющее пятно, отходящие от стен обои и запах плесени. Так сыро и мрачно. Риц представил себе что-то трагичное и, пытаясь уйти от этой мысли, развернулся.

Носом Герман ткнул стену, что вдруг оказалась совсем близко. Опустив голову, он понял, что стоит уже в этом черном размытом пятне. И оно явно было живое. Почувствовав человеческое тепло, пятно начало двигаться, поглощая один квадратный метр помещения за другим.

Весь свет, что еще минуту назад был в комнате, вдруг померк, приняв тот же цвет, что и это пожирающее стену явление (или существо?).

Мрак окутал комнату. Но и даже это не отговорило Германа прикоснуться своим тонким пальцем интеллигенции до нечто. Как только Герман сделал то, что сделал, он исчез.

Исчез из комнаты и появился в другом мире.

Под ногами оказалась сухая безжизненная земля, лишенная воды. Было одновременно светло и темно. Далекое солнце или другой какой-то источник света было отделено от этого мира. Над головой тяжелая пластина скрывала небо и свет от здешних людей. Она стояла на четырех ножках, концы которых были видны на углах земли. «Получается это две пластины, скрепленный четырьмя опорами» – подумал Герман Риц. Как два мира. Один из которых всегда будет мрачен и

поглощен тенью другого.

Не возможно было почувствовать воздух, не слышны были ароматы, здесь были не люди, тут были тела, переносящие зло.

В несколько рядов, но в основном в непрерывной анархии и хаосе, «люди» двигались куда-то, не обращая, ни на кого внимания. Но куда они спешат? Куда, если стоят своими ногами на пластине, что имеет начало и конец? Им некуда идти. Этот факт им явно было не понять. Каждый, каждый! Начиная с ребенка и заканчивая старушкой, здесь пытался пролить свою злость на другого. Это был час пик зла и отращения.

Люди мира зла чувствовали обязанность толкнуть другого, наступить незнакомцу на ноги, возненавидеть его. Они были и будут злы, будут настроены против тебя... И всё в непрерывном потоке, в какой-то жестокой давящей гуще.

Куда вы мчитесь, никого не замечая? Почему вы строите свой мир таким. Нет! Не надо говорить мне «Не мы такие – мир таков!». Мы сами делаем этот мир! Каковы вы, таков и он... Но у вас нет времени этого понять. Так отчего его нет, если тут некуда идти, тут незачем спешить и бежать, незачем быть в суете? Что вам будет стоять остановиться, улыбнуться друг другу, протянуть руку помощи? Что у вас заберут в обмен на доброту? Ничего. Ничего... Да дело в том, что у вас и нечего забирать. Вы пусты в душе и так же бедны снаружи. Будучи жестоким потоком живых существ, вы так и

существуете, порождая зло.

И оно не молчало. Накапливаясь, набирая силу, становясь все могущественнее, оно сошло с пластины, подобной чёрному небу. Кроносоподобное чудовище в тридцать метров в высоту, с длинными ручищами, с острейшими когтями, с пастью с клыками наружу, с глазами огненного цвета, весь чёрный, с густыми короткими волосами, идущими от головы до пят по спине... оно явилось. Началась паника. Люди обезумев, затапывали друг друга. Одна женщина, жутко злая, отбросила ребёнка в сторону, чтобы бежать. Малыш ударился головой об стеклянную бутылку на сухой земле, и стекло пронзилось его череп. Никто не заметил. Они бежали по нему. Но монстр настигал людей, когтями раздирал тела, зубами раскалывал кости, мертвые тела свисали из его рта. Пошёл дождь из крови. Герман стоял. Он был обездвижен этой картиной. Его ноги затряслись. Это был страх? Нет. Это Кроносоподобный приближался, разрывая землю своими могучими ногами. Он подошёл совсем близко к Рицу...

Герман понял – нужно двигаться. Но не сбивать других, не быть как все здесь, а быть собой! Он плавно оббегал всех, проскакивал между людьми, в случае малейшего касания – извинялся. Бежал долго и упорно, и вот перед ним возникло, казалось, единственное в этом мире здание.

Герман зашёл в небольшую самодельную постройку с огромными окнами в стенах.

– Сегодня вновь Оно спустилось к нам с пластины. – Про-

звучал мужской голос слева от Германа, на противоположной стороне.

– Что? – Риц был еще слишком напуган, чтобы быстро соображать. – Я не могу понять, с кем я говорю и где этот человек сейчас находится.

– Не стой возле двери и просто шагни пять раз вперед и один раз влево.

Путник так и сделал. Перед Германом предстал мужчина лет сорока, с небольшой щетиной, выразительными скулами и мрачными глазами. Он был одет в желтоватую рубашку, зеленую жилетку и черные брюки.

– Я.. я не знаю, что тут происходит. И где я сейчас нахожусь. – Опустив голову и не моргая, произнес наш молодой психиатр.

– Находишься ты в моем баре. А что происходит... Так разве не видно? Ладно тебе, еще привыкнешь к этому виду.

– Я не намерен привыкать к данному зрелищу и к данному окружению. Эти люди ужасны, злы, так агрессивны. Ужас.

– Слишком много критики для человека, явно не знающего как отсюда выбраться.

– Может и много. Но зато она объективна. И не простите за грубость, но от чего же вы не в этом потоке анархии?

Мужчина поколебался перед ответом минуту.

– Не хочу. – Кратко...

– А еще, я смел заметить, что это единственное здание в этом мире. – Герман прищурил глаз. Он явно видел во всем

этом что-то подозрительное.

– Единственное, коль сам его построил из подручных средств, а другие, ослепнув, не могут сойти со своего маршрута. Так, иногда, кому-то от интереса становится невтерпеж и он заглядывает сюда. Но это жалкий максимум, на который они способны.

– Жаль, очень жаль...

– Чего вам жаль? Что мой бар пустует?

– Это тоже печально, но я жалею о совершенно другом. О том, что не знаю, как отсюда выбраться.

– Я не могу дать тебе ответ, который удовлетворит тебя, но небольшой и важной информацией обладаю.

– Расскажи! Не томи! – У Германа в глазах заигрался свет – это был луч надежды.

– Эти люди тебе не помощники, я тоже, ведь сижу здесь, слежу за баром, но я знаю того, кто тебе готов помочь. Это вот тот милашка, что только что спустился к нам со своего «неба»...

– Ты... ты хочешь меня отправить к этому монстру? – почти заикаясь, переспросил Риц.

– У тебя настолько огромен список, готовых тебе помочь людей или существ? Аааа, или ты хочешь отправиться к вон тем вот телам, ходящим бессмысленно и не переставая? Единственный, кто может тебе помочь – это верзила. Да обладает зубками, да любит есть людей, ну так и ты не идеал. У каждого свои недостатки.

– Возможно ты и прав. Тем более тебе виднее, ты тут явно дольше меня.

– Вот то и оно, что мне виднее. Ступай к нему. – Почти незаметной улыбкой, завершил диалог незнакомый бармен.

– Спасибо. Хоть что-то узнал.

Молодой человек вышел из бара и, минуя толпу, пробрался к одной из четырех ножек, на которых стояло «небо» – пластина.

Длина, а в дальнейшем и высота, была приличной – метров сорок. Не было ничего, что помогло бы подняться, кроме одной прекрасной вещи – мозга.

Молодой человек снял с себя медицинский халат, зацепился им за столб и, держа свою рабочую одежду двумя руками, начал ползти ввысь, подобно червяку – постепенно, рывками, медленно.

15, 20, 30, 35, 40 метров... Залез.

От халата не было более пользы. Он весь истерся, приобрел рыжей цвет от ржавчины, перестал быть халатом вообще, теперь это была просто тряпка.

Германа Риц еще не посмотрел ввысь и не окинул все своим взглядом, но уже чувствовал, как что-то светлое и прохладно окружило его со всех сторон. По платформе под ногами плыли светлые облака, испуская теплый яркий солнечный свет, а над головой была серая пустота, подобная небу, заволоченному плоскими тучами.

И все казалось бесконечным, удаляющимся на километ-

ры. «Это и есть здешний рай?»...

Рай? А что такое рай, для тех, кто злостью убивает все на своем пути? Для них вообще есть рай? По-моему, муки, что злостью своею они приносят людям – уже для них наслаждение. Так что нет, это точно не рай. Это что-то другое, что-то знакомое Герману. «Это не место! Это чувство!» – доносились из глубины разума слова его же собственные.

И он был прав, я так полагаю.

Шагнув, облака, лежавшие под ногами, взбитой пенкой поднялись над поверхностью, пролетели немножечко и плавно упали вновь. Смешно. Забавно. Шаг еще, и взмах еще, еще летят над головою облака. Пеною, разлетаясь, окружая и лаская. Так уютно, тепло, светло и нежно тут. Это все оно? Добро? Но как? Не может быть... И не могло.

Сгусток серых облаков внезапно встал перед Германом Рицом. Серые, густые, напряженные, тяжелые они явно что-то скрывали.

«Он тут» – подумал вдруг наш герой.

Затряслась пластина, задрожало все над головой, огромная рука вырвалась из туч наверх и когтями впилась в концы своего убежища. Вот и вторая лапа вылезла наружу и повторила движение напарницы. Показались волосы, лоб, красные озлобленные глаза, но... уставшие, тусклые, опечаленные. Монстр, заметив Рица, издал ужасный рев и вскочил на свои ноги. Но те тридцать метров роста испарились неизвестно в каком направлении, теперь перед героем был монстрик метров в пять, не более.

Понимая, что беда вот-вот обрушится своими килограммами на него, Герман побежал обратно к столбу, надеясь успеть спуститься. Но Кроносоподобный уже двинулся впе-

ред, страшно топая, крича и размахивая лапами с когтями. Один раз Риц почувствовал холод когтя или ноги, или чего там было у этого монстра самое страшное, у себя за спиной.

Осталось немного, но... Германа схватили. Траурный марш оставьте на потом.

Схватили и поднесли ко рту. Герман впритык увидел это чудовище, уже слышал запах его пасти, уже представлял себе боль. Но... Монстр внезапно закрыл пасть, удивленно посмотрел на героя и начал его обнюхивать. Своим влажным, но теплым носом Кроносоподобный вкусил запах левого бока, затем правого, еще чуть-чуть макушки и сделал вывод.

Держа Рица в лапе, он заговорил мужским громким и грозным голосом:

– Тебя я не смогу съесть. Тебе может от этого стать грустно, но сильно не грусти. Дело не в тебе, пойми. – И его правая часть рта изобразила подобие улыбки.

И монстр поставил Германа на то место, с которого его оторвал.

Риц смотрел непонимающими глазами, с выражением явной растерянности, быстро дыша.

– Не можешь? Почему? – вдруг крикнул молодой человек.

– По той же причине, что ты не можешь убить, покалечить, злиться не на что. Ты не сеешь зло, не пожираешь его, не создаешь через кого-то, нет. Ты не такой, как они, те, что внизу. Ужасное зрелище ты сегодня видел. Мне жаль.

– Так, все еще ничего не понятно, но уже не так страшно.

Но у меня все еще есть вопросы, один из них – кто ты?

– Сначала ответь на этот же вопрос и мне.

– Справедливо, ведь я залез к тебе в дом, а не ты ко мне.

Я – Герман Риц.

– Приятно познакомится, Герман Риц. – Монстр на этих словах склонился над человеком и протянул ему свою лапу, чтобы поприветствовать гостя.

– А ты?

– Я то, что создаете вы, я то, что разрушает вас, я ваше зло. Имени нет, даже не спрашивай. Зови меня так, как тебе угодно.

Наступила тишина. Монстр и человек стояли напротив друг друга, всматривавшись в глаза собеседника. Они оба ощущали странность этой встречи, необычность их диалога и иронию судьбы их встречи.

– Я не хочу стоять у края пластины. Вернемся к моему, кхм, дому, убежищу. В общем, обратно. – Проговорил монстр, показывая лапой на сгусток туч.

Беседа человека и существа возобновилась на указанном выше месте.

– Подожди, – начал Герман, – ты был еще днем метров тридцать, а теперь совсем не так. Как это?

– Я расту с тем, как растет зло внизу. Больше зло – больше я. Все просто.

– Действительно, просто. Но было бы еще проще, если бы меня тут не было.

– Ты не отсюда, и я это сразу понял. – Голос монстра стал мягче, он как будто понимал все, что происходило внутри Германа, понимал все его чувства.

– А ты помнишь, откуда ты? Как тут появился?

– Я знаю лишь то, что этот мир возник с вашим человеческим появлением, а значит, с вами возник и я. Так что, я от туда, откуда и вы все, а появился так, как появился. – пытаюсь говорить медленно, произнес Кроносоподобный.

– Логично. Все у тебя логично и понятно. Даже приятно. – Герман улыбнулся монстру.

– А ты задумывался хоть раз, мой милый друг, о месте, откуда ты пришёл? – Спросил монстр.

– Да. Я часто думал о моем мире.

– Нет. Я не об этом. Я о твоей больнице. Или как вы это там называете...

– Я действительно попал сюда из здания психиатрической лечебницы, но как ты это узнал?

– Не важно, как я это узнал, важен твой ответ на мой вопрос. Ты так и не ответил.

– Нет. Я не задумывался о месте, откуда я пришёл.

– Очень жаль. – И чудовищно извлекло поток прохладного воздуха.

– А стоило бы? Что в нем не так?

– Ты, правда, думаешь, что для таких мест, как твоя лечебница, выделяют лучшие места, без тёмного прошлого?

– Хотелось бы в это верить.

– Твой голос даёт явно понять, что ты сомневаешься в своих словах.

– Так, что было со зданием больницы?

– Рассказываю. – И чудовище присело "наземь". – Все произошло, когда тебя не было на этом свете, а я уже был таким огромным, что сегодняшнее мое состояние лишь жалкое подобие на мое прошлое. В то время человек начинал бредить идеей всемирного господства, особенно ярко это выразилось на одном континенте, где появлялись потребители. Потребители всего. Культура, мораль уходили назад. А материальные ценности возрастали в своей значимости. Психиатрическая больница тогда была обычным жилым домом. В нем жило около ста человек. Среди них и дети. Весь дом был изучен жильцами от крыши до подвала. Здесь жили поколениями. Дом любили, уважали. Он был убежищем от внешнего мира. Но... все заканчивается, самая крепкая опора иссыхает и рушиться. Так было и в ту ночь, когда судьба здания переменилась. Три часа ночи. Экстренный вызов пожарных. «Пожар в здании. Все этажи охвачены пламенем». В 3 часа и 5 минут пожарные прибыли на место. Но было слишком поздно. Всего за пять минут произошло то, на что нужно несколько часов. Здание выгорело. Наутро во всех газетах писали лишь про одно и то же. Про что? Как ты думаешь, про кого? Про жильцов. Все сто человек, поняв, что оказались в огне, начали спускаться по лестнице на первый этаж к двери, она не была закрыта, ее всегда оставляли на ночь открытой.

Но когда уже дети начали улыбаться в предвкушении воздуха, а родители успокаиваться, дверь не поддавалась. Она не открыла улицу, не открыла спасение. Все сто человек сгорело. Все. А в три часа и пятнадцать минут ночи пожарные, разбирающие завалы в некоторых помещениях здания, наткнулись на дверь. Да, не смотри так, Герман. Наткнулись на неповрежденную огнем дверь. С блестящей ручкой и сплошным полотном.

– Дверь... – прошептал Герман.

– С тех пор, я так полагаю, никто не хотел жить в этом доме, считая его проклятым. И потому, теперь там твоя больница.

– Спасибо за рассказ, но откуда ты знаешь все это?

– Оттуда, откуда ты знаешь эту дверь.

– Мне Ее показал один пациент.

– Нет. Она сама показала себя.

После минутной паузы, ушедшей на усвоение информации, монстр заговорил:

– Но ты мне лучше скажи, как ты оказался вот здесь, у меня? Кто тебе сказал идти сюда?

– Один мужчина, владеющий единственным здесь зданием, сказал мне придти сюда, ведь только ты сможешь мне помочь.

– Ясно. Ты, конечно, молодец, что пришел, но тот мужчина рассчитывал на кое-что другое, явно не на то, что я стану тебе помогать.

– Как это?

– Герман Риц, как много всего ты не понимаешь. Я удивлен, что дверь открылась тебе. Не прими за оскорбление. Тот мужчина хотел, чтобы я поглотил тебя. Зачем? Да он просто точно такой же, как и все там, внизу. Просто говорит и что-то делает, как человек, подражая человеку, но на все проценты им не является.

Герман рухнул на «землю» от неожиданных признаний Монстра. Он не знал, что ему теперь делать. «Как найти выход, когда спаситель твой, оказался совсем не им?».

Но кроносоподобный как будто прочёл мысли заблудшего странника и поспешил утешить столь огорченного молодого человека:

– Есть один способ выбраться отсюда. Но тебе нужно собраться, выслушать меня и немедленно бежать. Раз в непосильное для тебя, человека, время, ещё одна пластина соприкасается с этой. Всего на секунду. За секунду можно прыгнуть и оказаться уже не здесь. Если упустишь этот шанс, то придётся ждать другого такого случая, и кто знает, доживёшь ли ты до него.

– Ещё раз, прошу, ещё раз скажи.

– Беги на край плиты, увидишь линию параллельно – прыгай в эту же секунду. Иначе не быть тебе дома никогда.

Герман, не слушая более ничего на свете, вскочил на свои длинные ноги и помчался в указанном направлении, крича лишь "Спасибо! Я не забуду этого никогда!"

Глава 2. Людская ненависть

«Мой дорогой дневник, дрожащей рукой я пишу во мраке этой комнаты, склонившись над тобой в изорванной одежде, что целиком уже пропитана моей кровью. Моя рука не в силах писать четко, но мысли мои будут отображены в тебе со всей той точностью, на которую способен я сейчас в этом состоянии, название которого ещё, быть может, не придумал человек. Я был в мире, в том самом мире, где ненависть и зло необходимо различать. Где между ними есть тонкая грань, что не даёт точного ответа на вопрос: когда зло перерастает в ненависть? Или может, ненависть перерастает в зло? Я не знаю. Это очень сложно. Мир зла показался мне не... не... не таким простым. Но мир ненависти, просто невозможен в понимании. Я пережил многое, и все ещё не могу понять, как вообще выжил там. Мир ненависти совмещает в себе многое. Я видел людей и других, я разговаривал с чем-то, что может быть и есть сама ненависть. Там было все, все вместе, вперемешку, без точной грани, без понимания, без смысла! И с великим смыслом...»

«А вот и конец. Конец плиты. Сейчас, сейчас она появиться и нужно не думая ни о чем рискнуть и прыгнуть в неизведанное».

Появилась та самая линия со слегка заметным плоским силуэтам. Сердце застучало, как бешенное. Ладони стали

мокрыми. Герман решился и прыгнул, его колени были согнуты, глаза закрыты, руки напряжены... страх объял героя. Но не успел он ещё осознать и ощутить прыжок, он уже оказался в другом мире.

Лиц рухнул в воду, его рот и нос наполнились холодной соленой водой. Горящее солнце стояло над головой Германа в зеленом небе, что пожирал смерч. Волны, при каждом сопротивлении Германа, били его друг об друга, все дальше пробивая вглубь этого бушующего моря. Лиц смекнул, что к чему, и расслабился. Волны подхватили его и выбросили на остров. На единственный клочок земли в этом мире.

Герман выплюнул последнюю воду из своего рта, медленно приподнял голову, а затем и все тело.

Он стоял минут двадцать, осматривая это зеленое небо, темно-синее, почти чёрное море, эти редки деревья, окружившие гору этого острова, окружившие и поселившиеся на этой горе, на горе, на которой находится огромный и серый, каменный замок...

Замок был высок, ещё больше он был широк и таинственен. Его крыша была заволочена облаками.

«Идти туда – единственный способ найти выход отсюда».

Лиц поднялся по рыхлой песчаной земле вверх на гору.

Он шагнул своею ногой на площадь огромного замка, и шум голосов и криков бросился на него. Женщины и мужчины, дети и старики на площади этой вели бои, криками,

недовольствами и оскорблениями обменивались, друг друга ненавидя. Им это доставляло удовольствие, они этим питались, им это жизнь продлевало.

Огромными группами нападали люди, все время чем-то кидаясь, пытаясь доказать свою правоту без правды. Женщины были ужасны, не ухожены, потрепанны и страшны, с оголенными зубами, с жаждой победить соперницу. Дети им масло в огонь подливали, бегали, визжали, своих и чужих матерей оскорбляли.

Мужчины своим были заняты делом, их ноги и руки друг друга убивали и терзали.

Старики же из-за углов камнями и живыми утками кидали.

Хаос царил на этом рынке, все палатки были изрезанные и прожжённые, а их хозяева в душах никчёмны.

Риц ужаснулся, но не испугался, эта картина лишь дала ему сил двигаться дальше. Он знал и верил, что его спасение где-то внутри.

Он сделал первые шаги и начал утопать в этом море агрессии и ненависти, его сразу же стали презирать, кидать в него все, что есть, слать на все стороны острова.

Женщины похватывали со своих прилавков все, что источало неприятный запах и привлекало мух, и начали осыпать этими дарами неизвестного, осмелившегося ступить на их

землю. Мужчины, начали наступать группами, чтобы выяснить, кто этот незнакомец, и отнюдь их интерес не был с добрыми помыслами.

Герман ускорил шаг, просил прощение за малейшее прикосновение, и толпа, казалось, стала отступать.

Когда это бушующее человеконенавистническое безумие осталось за спиной, Герман выдохнул спокойно, но тут же оцепенел от чьего-то острого лезвия, колющего его в ребро.

– Отдавай деньги! – Заявил омерзительный голос. Его обладатель несносно противно колол ещё и своей щетиной в ухо Рица.

– У меня нет денег, можете посмотреть сами. Мои карманы пусты, моего кошелька со мной нет, единственная ценность находится у меня в голове.

– В голове? – Удивился вор, – Тогда мне придётся сломать твой череп и найти Ее!

– Нет, нет, нет, – быстро проговорил Риц, как-то незаметно отскочив от своего неприятного нового знакомого. – Там нет ничего, кроме моего мозга и знаний в нем. Открыв мой череп, вы ничего не поимеете. Лучше спросите меня, что вы хотите знать, и я отвечу.

– Ты не можешь дать мне ответа на мой вопрос.

– Каков же ваш вопрос?

– Как мне стать всех богаче?

Риц уже хотел раскрыть секрет, сказав «богаче можно стать, обогатив себя морально, духовно, научившись пони-

мать что хорошо, а что губительно», но он не успел, чья-то рука пронзила ножом вора, ещё секунду назад желавшего пролить кровь Германа. Он мертвым рухнул наземь, выронив оружие в виде осколка стекла.

Странник осознал моментально, что случилось, и двинулся бежать, бежать и не оглядываться.

Профессия спокойного психиатра, отнюдь не спортсмена, дала о себе знать через пару минут. Отдышка призвала Германа остановиться. Прделанного скорым бегом пути хватило, чтобы оставить ужасную картину позади. Впереди же заканчивается крыло замка. За его углом оставшийся кусок острова и обрыв. «Куда дальше?». Ответа путник так и не дождался, ведь крик детей из-за угла отвлёк Германа от своих мыслей и заставил пробежаться ещё чуть-чуть до источника звуков.

Ужасные крики, разбудившие Рица, издавала девочка, находящаяся возле своего брата, мужественно принимавшего удары по себе. Огромный мужчина с грозной бородой почти на все лицо избивал кулаками мальчика, стоявшего сморщив лицо и слегка покачивавшегося так, будто он впился ногами в землю.

Почему девочка просто кричит? Почему не зовёт на помощь взрослых и своих родителей? Герману было это интересно, как человеку впервые столкнувшимся с таким явлением. Но он не ждал ни секунды, и все эти вопросы всплывали на заднем плане его решений и действий. Риц бросился

на мужчину всем своим телом, пытаясь оттолкнуть от ребёнка. Мужчину отбросило на метр, не более, и он удивленно уставился на спасителя детей.

– Ты кто? И с какого этого довода ты лезешь? – Грозно заговорил мужчина.

– Кто я такой? Какая разница! Вам то, человеку, избивающему чужих детей! Вам нужно знать о моих доводах?! Смешно и горько.

– Чужих детей? Ты если не знаешь, то рот держи закрытым! Это мои дети! Мои.

– Ваши? – Удивился Герман, посматривая сначала на детей, потом на мужчину.

Стоит отметить, что дети не были похожи на их отца. Этот верзила был темноволос, с густой бородой, чёрными глазами. Дети же были бледные, голубоглазые, их волосы были поделены на две равные бело-чёрные части. Да так, что у парнишки волосы левой части были белыми, а правой части чёрными. У девчонки, всё наоборот...

– Не похожи? Я так же думаю. И из-за этого я ещё больше ненавижу этих детей. Понимаете, ненавижу этих ужасных детей. Он родился совсем один, один вылез из своей матери. Откуда девочка? Она появилась в ходе его развития! Мне кажется, что это ангел и дьявол, меняющиеся постоянно местами. Я презираю их. Мне противны их морды! – Заявил отец этих детей.

– Но за что? Чем они заслужили это? – недоумевал Герман

Риц.

– Да ты только посмотри, как они дышат, ходят, живут. Целыми днями пропадают не пойми где. Мне не нужны причины, чтобы их ненавидеть. Не нужны. И тебя я тоже начинаю ненавидеть. Ты задаёшь слишком много вопросов, выглядишь лучше меня, считаешь себя лучше меня, ты уже начал презирать меня. Ты хоть скрывай это!

– Вы говорите ужасные и нелогичные вещи.

Но мужчина уже не слушал пришельца, он уходил, махнув рукой Герману Рицу.

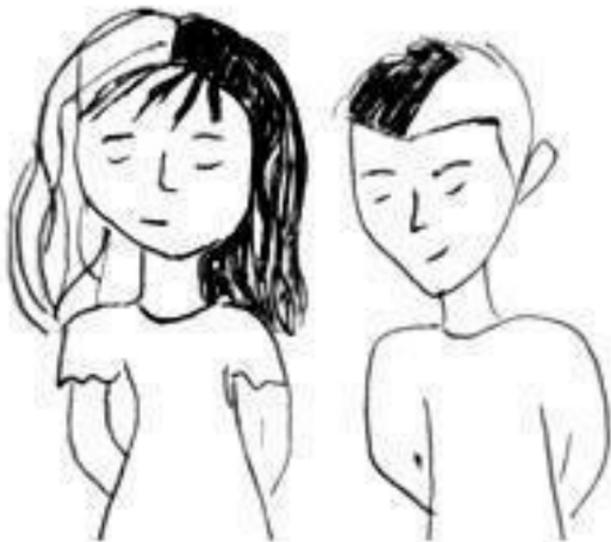
Дети остались стоять и с недоверием смотреть на их спасителя.

– Почему? – Спросил мальчишка.

– Что почему? – Обратив взор вниз, ответил Герман, смотря в глаза мальчишке.

– Почему ты заступился за меня? У меня нет денег. И нет ничего, что ты бы мог забрать взамен.

– Мне ничего не надо.

– Тогда что ты сделал? Я не понимаю. Такого не бывает. Я его тоже ненавижу, не желаю его видеть, хочу, чтобы он болел, страдал. Но ты мне ничего не сказал. – Продолжал настаивать мальчик, потирая покрытую синяками руку другой рукой.

– Не бывает? Это ужасно, что вы не знакомы с добром. Но вот скажите мне, это правда, что вас стало двоим после твоего одиночного рождения?

– Да. – Ответила девочка.

– Как это?

Юная собеседница ответила, что они с братом могли внести ясность и рассказать историю их жизни, но если бы находились в другом месте. Девочка пригласила Германа на ужин

с одной лишь оговоркой: «Если вы не боитесь».

– Я ничего пока не боялся, находясь здесь. И не рассчитываю бояться. Если вы дали приглашение, то я им воспользуюсь. Скажите только, вы можете мне помочь?

– Помощь? Что может быть бессмысленнее и бесполезнее помощи... но допустим, как то, волшебным образом можем, даже если не хотим, но с чем помочь? – Обратно подключился к разговору мальчик. Он говорил, как взрослый человек, повидавший все на своём пути, все, кроме добра. – Стой! Не отвечай. Не хочу знать. Просто идите к Чавенко.

– К Чавенко?

– Это старая колдунья. Может она тебе и поможет. Чтобы до неё добраться, нужно идти на другую сторону острова. За замком, будет хижина, там ты её и найдёте.

– Путь опасен?

– Нет. Кроме людей вы тут ничего не найдёте страшнее.

– Спасибо огромное. – Герман обрадовался новости о своём возможном спасении. Он уже хотел бежать, как вдруг, дети остановили его, закричав хором:

– Заходи к нам. Мы будем ждать.

Молодой психиатр пробежал всю площадь опять, только уже в обратном направлении, все так же прося прощение за малейшее прикосновение. В него попали несколько раз чем-то гнилым, это были или овощи или человеческие души, он не разглядел.

Площадь закончилась, теперь нужно пройти вдоль замка,

чтобы выйти к обрыву и одинокому домику. Там, на склоне стоит полуразваленное строение, перекошенное на один бок.

Тихими шагами, Герман подкрадывался среди безлюдного пейзажа к двери. Как только он захотел постучаться, чтобы спросить разрешения на вход, дверь раскрылась, и холодная мурашка пробежалась по ногам названного гостя.

– Проходи . – Донёсся приятный, но не без таинственности женский голос из темной внутренности дома.

Герман сделал шаг, и комната, как по волшебству, озарилась светом пламени огня.

Рядом с камином стоял небольшой столик и два стула, смотрящие друг на друга. На одном из них сидела мудрая женщина средних лет. Она стучала длинными заостренными ногтями по столу, по очереди перебирая пальцы. Чавенко была темноволосой с небольшой сединой, с зелёными глазами и яркими насыщенными губами женщиной. У неё была невероятно ровная и румяная кожа. Видимо, ее обособленность от других сохранило в ней каплю человечности.

– Чего же ты встал в дверях? Тебе пришёлся не по душе мой приём? Или я тебя пугаю своей внешностью? – Заговорила колдунья дружелюбно, любезно с лёгкой издевкой. Приятная всё же женщина.

– Здравствуйте. Меня заставило остановиться и встать, не делая шагов, этот огонь, что возник неоткуда за секунду. Ловкость рук?

– Можно и так сказать. Но ты не стой там, проходи. Я,

кажется, знаю, почему ты здесь.

Герман ещё сделал шаг и встал. Подумал, осмотрелся, почувствовал себя в безопасности и довольно ловко прошёл оставшийся путь до колдуньи. Она посадила его на стул велением своей руки. Герман ждал, когда она начнёт говорить первой, предполагая, что таков порядок будет логичен сейчас.

Чавенко смотрела на него с приподнятой левой бровью и немного улыбалась. Она подняла правую руку и слегка махнула ею, намекая на то, что было бы уже пора начать говорить ему.

– Я должен начать, да? Просто вы с такой уверенностью говорили про меня, что это слегка сбило и мой настрой, и мои мысли. Прошу прощения. Сейчас. Я уже собрался заново. Готов говорить. Я, Герман Риц, и как вы уже могли заметить, я не отсюда. И в этом и самое большое счастье и моя проблема. Я не знаю, как отсюда выбраться, каков путь мне стоит пройти и куда. Эта неизвестность уже просто сводит меня с ума. Сюда же, к вам, Чавенко, отправили меня два ребёнка. Мальчишка и девчонка с забавными прическами. Они сказали, что вы можете мне помочь.

– Твою принадлежность к иному миру можно почувствовать и заметить на огромном от тебя расстоянии. Это меня не удивило. Но то, что кто-то вам что-то посоветовали и посоветовали дельное, меня поражает. У нас такое не часто происходит.

Чавенко встала со своего места, подошла к полкам у камина, взяла скляночку с травами и чайник.

– Чаю?

– Да, буду премного благодарен. Я не пил и не ел, кажется, вечность.

Колдунья насыпала немного травы в темную каменную кружку и залила кипятком. Затем она пододвинула её к Герману и села на свое место.

– Я поняла, что вам нужно вернуться.

– Да. Вы бы не могли мне помочь с этим?

– Помочь тебе я лично не могу. Но есть один способ выбраться отсюда. Ступай в замок, что стоит в центре острова, найди своё зеркало, с отражением, в котором будешь лишь ты. Но будь осторожен! Если твоему отражению удастся тебя поглотить, то ты не сможешь выбраться отсюда уже никогда. Если же ты будешь умнее и сильнее зеркального, манящего, себя, то ты вмиг окажешься снаружи.

– Понял. Я все понял. Кроме одного. Почему вы не поступите так же?

– Мой мальчик. Мы все здесь и есть отражения. Нам некуда идти.

Герман вышел из хижины Чавенко в наступлении ночи. Уже стемнело и зеленое небо со своим поглощающим солнцем ураганом сменилось на густо чёрное, засеянное местами тонким подобием нам привычных звёзд. Это что-то, сверкая во тьме, яркими спешками иногда ослепляло молодого че-

ловека, а затем тихо исчезало и вспыхивало уже на другом конце мира.

Герман не знал, куда ему идти, понимая, что замок с неопишущим ужасом ещё ужаснее ночью. Надо было найти выход. И этот выход сам нашёл Германа ещё пару часов назад, когда два странных ребёнка пригласили его к себе на ужин. Решено.

Начинающий психиатр отправился искать дом своих маленьких знакомых, будучи уверенным в том, что их жилище должно выделяться явными отличительными чертами, как причёски и цвет волос детей.

Стоявшие вдоль задних стен замка дома сменялись друг за другом. Ничего утешительного. Все они были однообразны, не было ни малейшего намёка на их хозяев, казалось, все пропало. Но вот пришелец заметил небольшой деревянный дом с чёрно-былым флажком на крыше.

«Нашёл». Герман рискнул постучаться в дверь. Послышался строгий мужской голос изнутри дома: «кто там? Хотя не важно! Убирайся!».

– Я был приглашён на ужин вашими детьми. Надеюсь, все в силе и вы позволите мне войти! – Ответил дружелюбно, и почти улыбаясь, Герман.

Когда-то могучая, но сейчас хлипкая дверь раскрылась, и тёплый свет огня вылился наружу. Строгий и озлобленный

взгляд отца семейства впился в глаза чужеземца. Не отводя своих глаз, он крикнул детей. Они тут же появились за его спиной. Не желая больше стоять, мужчина ушёл, оставив в дверях Германа и близнецов.

– Ты пришёл? – сказал равнодушно мальчик.

– Вы же меня позвали. А я дал слово придти и я его сдержал.

– Мы звали не для того, чтобы ты пришёл.

– А для чего?

Но мальчик лишь пожал плечами.

– Мы вас ждали. И раз вы пришли, проходите. Но предупреждаем, что здесь никому не рады. – Взяла слово сестра мальчишки.

– И даже вам. Так?

– И даже.

Герман прошёл в гостиную, которая оказалась ещё и кухней и спальнями. По середине стоял прямоугольной формы стол с четырьмя стульями, по двум противоположным стенам скрывались две кровати, а камин, что освещал все пространство и давал тепло, находился на той стене, что была напротив двери. Ни одного окна, ни одного источника солнечного света за исключением дыр в стенах и входа в дом.

Германа попросили постоять возле стола напротив отца семейства, чтобы дать времени подготовит все к ужину. Грозный верзила стоял левым боком к гостю, его лицо освещал огонь из камина. Холодная мурашка пощекотала Рица

и убежала прямо по ягодицам.

– Я надеюсь, что ты уйдёшь в ближайшее время и я тебя больше никогда не увижу. – Заговорил грозный мужчина.

– Откуда же у вас такие надежды?

– От туда, от куда и ты, и я. Но это слово нельзя говорить при детях. Но мы оба поняли, про что я. – Он говорил грубо, все время корча нос и оголяя зубы. Это была морда поистине злого пса.

– Очень жаль. Жаль, что Ваши дети меня пригласили и вам придётся лицезреть мое лицо.

– Ты даже не представляешь, как мне то жаль.

– Вы не дали мне договорить. Я же вижу в данной ситуации горечь лишь потому, что не могу ещё дольше портить вам своим лицом вашу жизнь.

Мужчина резко повернулся к Герману, сделал тяжёлый шаг и был остановлен приятным женским голосом.

– Не надо. – Мать детей заступилась за гостя, уважая выбор детей. – Времени и моментов всегда достаточно, чтобы выплеснуть свой гнев. Сейчас же, давайте просто поужинаем и узнаем, почему этот молодой человек оказался в нашем доме.

Женщина с растрепанными светлыми волосами поставила на стол обугленный и почерневший котёл. Из него торчали кости и вытекала мутная вода. Это было отдаленным подобием супа.

Все сели за стол. Дети уселись напротив Германа, и по

правые их руки находилась мать, а затем и отец. Тёплый огонь освещал все плавным светом, охотно озарявшим лица людей.

– Так все же. Как так получилось, что вы у нас? – начала мать.

– Я шёл по улице, когда услышал ссору ваших детей с их отцом. В ходе разговора, а точнее криков, мы выяснили, что поднять руку на детей сейчас не получится. Ваши дети увидели в моих шагах, поступках нечто необычное и пригласили к вам.

– Необычное велело им совершить необычное. Я это к тому, что вы первый гость в нашем доме.

– Мне от этого и неловко, и приятно. Чувствую себя важной персоной.

Наступило неловкое молчание. Дети ковыряли деревянными ложками в тарелках, пытаясь найти кусочек мяса, отец просто же пил из миски не используя приборы, а мать грустно смотрела вдаль и совсем не прикасалась к еде.

– Простите. – Раздался звонкий голос Германа. – Я могу задать не совсем ловкий вопрос, скорее всего, он даже будет неловким, но интерес заставляет меня спросить: правда ли то, что родился лишь мальчик, а девочка появилась уже в ходе развития вашего сына?

Дети одновременно подняли глаза на своего гостя. Отец отставил миску, а мать продолжила смотреть в никуда.

– Да. Это чистейшая правда. – Начала говорит женщина. –

Наш сын родился в этом доме. Он был один. Один сделал первые шаги, один сказал первое слово, один научился держаться живым. Но годы шли, не замечаешь, как летит время, и вот он уже другой. Сначала, его волосы стали менять цвет, покрывая одну половину головы черными прядями, а затем на затылке образовалась выпуклость, что напоминала лицо... Так, шаг за шагом и мой мальчик пришел домой не один. И мы сразу поняли, что она не просто часть его, а часть всех нас. Мы приняли девочку, почти не отпираясь от судьбы. Сами не заметили, как начали уж думать, что они родились в один день. Почему это произошло? Я про появление нашей «дочки», никто не знает. Да мы и не спрашивали у других.

– Это интересно. Поймите, я с таким не сталкивался. У вас, в хорошем смысле, уникальные дети.

– В хорошем? Не притворяйтесь. Хорошего в этом мире нет.

– А в вас?

– Каков мир, такие и мы.

– Не верю. Этого не может быть. Ведь, стоит сказать, каковы люди – таков и мир. Мы сами его творим.

– Наивно так полагать. Что ты один можешь против всех?

– Могу изменить немного. Но я верю в цепную реакцию. И то, что вы не выгнали меня и накормили, лишь подтверждает мысль, что добро порождает другое добро. Главное начать его сеять, а начать можно и с самого себя, не хватаясь за мас-

штабные изменения.

– Ещё не вечер, чтобы потребовать за это плату.

Дети ехидно улыбнулись, один в левую сторону, другой в правую.

– Да пусть даже так.

– Но мама шутит. Вы это знаете. Потому так спокойно и говорите. – ввязался мальчишка.

– Возможно. Но это все рано лучше, чем.. чем вы знаете что.

– Да, знаем.

Наступила уже ночь. Герман не хотел уходить в неосвещённый ничем мир ненависти и просился остаться в этом доме всего на одну ночь

Германа Рица оставили на одну ночь. Через страдания и неохоту, но его приютили. Ему было отведено особенное место – стол. На эту ночь обеденный стол стал кроватью заблудшего врача.

На жёстком дереве, без привычных удобств, пришелец постарался уснуть. Он лёг лицом к детям, иногда на них поглядывая, все томимый их необычностью. Мысли о секрете, что, возможно, никогда не будет раскрыт, не давали Герману спокойно уловить тонкие порывы шлейфа бога Морфея длительное время. Слишком много всего напало на столь маленькую человеческую голову, неспособную осмыслить и осознать все, что твориться снаружи его тела и внутри него. Чувства, звуки, маленькие вспышки надежды выбраться и

жить дальше, секрет, секрет детей... все смешалось и начало наконец-то давить на глаза чужестранца. Веки стали невыносимо давящими, глаза сами закатывались прочь, а мысли самоуничтожались, превращаясь в далекие, но уже идущие сны.

Все было спокойно, почти без напряжения. Вдруг, затряслась дверь дома, а с ней и все вокруг. Душераздирающие и будоражащие хрипы и стоны прорывались в помещение. Что-то стучало над головой, на самой крыше здания, пытаюсь прорваться и дать сделать это же другим. Вот и с правого бока, уже и с левого, уже со всех сторон чьи-то когти вывалились в стены в надежде проделать дыру.

Риц вскочил с «постели» со своим напряженным и испуганным лицом. Он посмотрел на детей. Этот ужас, эти крики, царапающие грудную клетку изнутри, эти звуки погибающей двери и Ее стойкости, ничего из этого не вывели детей из их привычного спокойного невозмутимого состояния. Но они заметили страх Рица.

– Не бойся. Это уйдёт. И ты сможешь спать.

– Что это? Кто и зачем пытается сюда прорваться?

Но дети не успели ответить.

Каждую ночь это «что-то» тревожит всю окрестность. Мужчинам и их семьям приходится прятаться в домах, надеясь на благополучный исход событий и на стойкость дверей и домов. Каждую ночь перед главами семей встаёт вопрос: ждать, когда «это» ворвётся в дом и убьёт всех, или

дать бой с возможностью умереть? Раньше нервы отца семьи, приютившей Германа, были крепки и давали ему сил, чтобы держаться в доме, но в тот день, когда безумие сваливалось событиями на его голову одно за другим, он не выдержал.

Отец семейства вскочил с кровати, поджег огромный факел и с размаху отворил дверь с грозным рычанием. Герман моментально встал и побежал в сторону открытой двери. Он высунул голову, чтобы увидеть хоть одним глазом, кто или что снаружи пытается ворваться в этот дом. Но он пожалел об этом.

В свете огня и вспышек «звёзд» было видно, как отец свободной рукой и факелом разрывал тела и лица бушующих как море нечт. Чёрные безликие существа человеческой формы, что открывали свои беззубые рты, из которых вытекала чёрная масса, были мягкие, как будто сделаны из кусков чьих-то тел. Да! Это были не кто-то! Это была масса! Масса человеческих останков и чёрной сущности переродились в кровожадных монстров.

Куски этого чёрного моря разлетались в разные стороны от ударов грозного мужчины, что яростно защищает своё семейство.

Психиатр очнулся от мыслей, поняв, что необходимо помочь мужчине снаружи.

Герман присмотрелся. Что есть в этом доме? Что может помочь?

«Так, так! Думай. Стоп! А что горит в факеле?»

– Дети, скажите, что у вашего отца горит в факеле?

– Он заправляет его смолой.

– У вас есть ещё? И где она?

– Есть. Она стоит в бочках за домом.

«За домом! О как это жестоко! Хранить то, что может спасти в месте, где тебя могут убить... что делать? Надо прорываться».

Впервые в жизни Герман с яростным львиным рычанием раскрыл дверь и нырнул в мертвое и убивающее море. Дверь захлопнулась за его спиной.

Ночь. Вместо сладкой тишины – крики, которые, казалось, несёт сама смерть. Вместо освещенного луной морского пейзажа – освещённое короткими вспышками море чёрного гнева, волнующегося и бьющего берег. А вместо этого берега – человек.

Отец семьи уловил звук захлопывающейся двери своего дома, и страх охватил его. Он повернулся, чтобы убедиться в целостности семьи и увидел Германа Рица.

Перед Рицем предстал лик смерти, со своей бездонной черной пастью, поглощавшей уже его тело и разум. Оказавшись в центре этого моря черных масс в человеческих формах, Герман ощутил тяжесть. Черная масса хватала странника за всё, что только могла и тянула в разные стороны, создавая чувство вязкости. Как будто угодил в жидкую смолу.

Приподняв свои глаза, путник увидел в пяти метрах от се-

бя отца семейства, сбивавшего со своих плеч мерзкую дрянь.

И картина столь сильная по смысловой нагрузке дала толчок смелости, пропавшей на секунду. Смерть первым делом убирает из твоей души и твоего сердца всю уверенность и все благоразумие. Она сводит тебя с ума, настраивает тебя самого против себя. Но один вот такой случай возвращает все ушедшее и потерянное. Просто, *нужно вернуть в себя веру.*

Герман стал выкручивать ноги и руки, трести ими со всех сил и освободившимися конечностями сшибал головы своим врагам.

Грозный рев издался изо рта юноши. Прилив сил. Вот он. Еще секунда и Риц уже стоя рядом с громилой руками рвал тела черных масс.

– Нужно пробраться к бочкам со смолой. Мы можем их поджечь и скинуть на этих... не знаю, что это. Но вот на это всё! – Предложил Герман.

Не сказав ни слова больше, они слаженным механизмом стали пробивать себе путь к цели.

Стоя спина к спине, они отражали нападения с разных сторон, охватив все триста шестьдесят градусов. Удары забирали много времени и грозный мужчина и отважный юноша двигались малыми шагами в сторону своего возможного спасения.

В это время дети в доме прижались со всей силой к двери, в надежде услышать шипение или взрыв и быстрый то-

пот ног спасшихся мужчин. Мальчишка так сильно налегал на дверь своим ухом, что соскользнул и посадил себе занозу. Он совсем не обратил на это внимание, но его сестра, появившаяся из него самого, почувствовала боль. Она, молча, взяла голову брата одной рукой и повернула поврежденным ухом в свою сторону. Капля крови, совсем небольшая и яркая скатывалась уже по шее.

– Скорее вытри! Они могут почувствовать ее! – Приказала с не присущим ей страхом девочка.

Но было уже поздно...

Море бушующих волн черной поглощающей злобы разделась на две части. Даже те, что еще секунду назад обращали все свое существо на мужчин, вдруг остановились и стали водить головами в поиске этого тонкого аромата. И они почувствовали его. Нашли как-то на экстрасенсорном уровне, где находится источник сладостного сока.

– Нет! Нет! Останови их, они идут в сторону дома! – Срывающим страхом закричал отец Герману.

Герман повернул голову в сторону дома и впал в мимолетный ступор.

Дети в доме начали понимать, что все оборачивается против них. В дверь начали скрести ногтями, в нее бились головой и всеми оставшимися частями «тела». Вот стук добрался и до крыши. Их окружили.

Дети впали в объятия друг друга. Их черствость и сдержанность испарились. Они посмотрели на свою мать. Она

стояла у камина, прислушавшись и подняв голову вверх. Женщина либо была спокойна, либо делала вид полного спокойствия во имя своих детей.

Герман, отойдя от опять-таки неприятной новости, но не такой уж и кошмарной, быстро взял себя в руки и в ноги и помчался в сторону бочек. Он бежал! Бежал, ведь половина монстров человекообразного вида просто отошла, перед ним предстало пространство практически не засеянное этими убийственными сорняками.

Дверь дома стала приоткрываться, один кусок покидал полотно за другим. Дети просто закрыли глаза и приготовились к смерти.

Бум! Взрыв, яркая вспышка и острый свет. Бум! Еще один.

Герман поджег две бочки, одну за другой. Черная масса при виде света начала паниковать. Тех, что стояли возле очага вспышек просто разорвало! Остальные – пустились в бегство.

Они наивны, хуже, чем дети. Если семью нашего громилы обидели или разочаровали, то лучше б им сразу умереть. Ведь, наш мужчина, не прощает таких «мелочей». Отец семейства вздохнул с облегчением. Поступивший свежий воздух стал не обычным источником жизни. Он стал активатором новой волны силы. Мужчина сбил бочку на землю, что горела подобно тысячам небесных звезд, и ногам, как легкий воздушный мячик, пинал ее в сторону негодяев. Мас-

сы растворились с криком и воплем. А мужчина лишь смеялась, радуясь, что жизням его близких ничего не угрожает. Эта картина впала в память Германа Рица. Он увидел, как жестокость, зло и ненависть в определенный момент исчезают и возникает счастье. И казалось, именно его не хватает в этом мире.

Мужчина еще провожал врагов во всю веселясь и не оставляя никого без внимания, когда Герман уже медленным шагом, подходил к двери дома. Дверь выглядела еще хуже, чем днем. От нее осталось не так много. Еще бы пара ударов и монстры заполонили бы этот клочок суши.

Риц оставил дверь и взглянул вовнутрь жилища. Дети все еще сидели на полу, но их взгляд опять стал хладнокровным, и они пытались делать вид, что все было под контролем. Их мать же просто посмотрела на Германа и слегка качнула головой в знак благодарности. Юноша опустил глаза.

– Но вы же истратили не все запасы смолы, правда? – нарушил молчание мальчик.

– Не все. Лишь половину. Но если тебя это беспокоит, то я завтра же пополню ваши запасы. Кстати, а как вы получаете столько смолы?

– Было бы неплохо восстановить количество бочек. А откуда берем, тебе лучше не знать. Если и хочешь знать, то лучше спроси у отца. Мы еще слишком малы, чтобы говорить на такие темы. – С осторожностью заявила девочка.

Это заявление как-то насторожило нашего путника. Ведь,

если ты вызвался достать что-то, а это что-то находится под какой-то тайной от детей, то неловко бросает в дрожь. Чего ждать? Кажется, этот вопрос не покидал Германа с самого начала его не занимательного, а убийственного приключения.

Хотя, стоит признаться, что дела у него идут неплохо. Он мог умереть, по меньшей мере, уже раза четыре, но все еще жив и чувствует прекрасно.

На этой мысли отец семейства вошел в дом, ногой открыв дверь. То есть, то, что от нее осталось.

– Двери пришел коней. Давно пора. Утром же заменим ее. А ты, как там тебя, ах, да, Герман! Ты был хорош. Прими от меня благодарность. Но ты мне тут не думай, что теперь ты можешь спокойно спать здесь, сколько тебе захочется. Уговор в силе. Утром ты уйдешь

– Утром не получится. – Резко сказал Герман. Да так резко, что грозный отец семьи нахмурился и уже хотел сделать что-то с факелом в руке. – Не получится, ведь я уже дал слово восстановить ваши запасы смолы. Поэтому, прошу продлить мое время пребывания здесь на несколько часов. Больше же времени не потребуется?

– Ты это хорошо задумал – смолу то пополнить. Но не выйдет. Это занимает больше нескольких часов. Весь день. По меньшей мере, с рассвета до заката.

– Тогда, прошу дать мне время от рассвета до заката. В знак благодарности за ночлег. Увлекательный, насыщенный

ночлег.

– Ты помог, детей спас и еще хочешь отблагодарить? Ты больной. Иначе быть не может. Но воля твоя. Мне же лучше. Только помни, второй ночью тебя тут не будет. Наступит ночь и тебе некуда будет пойти. Так что, подумай еще раз. До утра.

Этот факт, что ночью Герман Риц может оказаться на улице наедине с этими черными массами перегнившей плоти и ненависти, заставила задуматься. Но, с другой стороны, нужно всего лишь попасть в замок. До ночи это получится.

Громила приподнял стол с одной стороны и подпер им дверь, сделав тем самым еще одну, временную, до утра. Теперь путнику негде спать. Пол – его кровать.

Герман принял условия и свою судьбу и просто упал, уснув сладким сном моментально.

Утро. Сколько времени – неизвестно. Все часы сбились и мир перевернулся. Герман открыл свои глаза от еле пробивающегося луча солнца, что просачивался сквозь щель в стене.

В доме было пусто. Никого из людей не было обнаружено. Чувство одиночества слегка коснулось своею рукой плеча Германа. На входе в дом уже стояла новая дверь, а стол, что еще вчера был «постелью» психиатра находилась возле Рица. Как будто он специально пренебрег этим чудным ложем и лег на пол.

Герман встал, хрустнул шеей, встряхнул плечами и вышел на улицу. Светило солнце, зеленое небо продолжало мутить

круговорот, а море все так и манило затянуть кого-нибудь.

– Проснулся? Я уж думал, что вечером придется тебя спящего просто на улицу вынести и будь, что будет. – Ехидно улыбаясь, проговорил громила. Он явно был в хорошем настроении. Странно, ведь это редкое для этих мест явление.

– Нет. Я же обещал, что помогу со смолой. Куда идти? Где ее достать можно?

– Уже готов? Пусть по твоему. Значит, видишь замок? Я помню, что ты следовал к нему. Отсюда до него идти не далеко. К твоему несчастью, нам в противоположную сторону. Все еще готов?

– Да. Пусть так. Ведь, ты один смолу с рассвета до заката собираешь. Если же нас сейчас будет двое, то управимся в два раза быстрее.

– Думаешь, это так работает? Ха. Не буду тебя расстраивать. Пойдем.

Громила уж готов был идти, взяв с собой юношу, но тут Герман остановил его:

– Постой. Дай мне попрощаться с детьми. Может, мы больше с ними не увидимся. Скорее всего, даже.

Громила махнул рукой, дав разрешение.

Герман пустился в бег, в поиске двойняшек.

Он нашел их в метрах двухсот от дома. Дети сидели на земле и смотрели вдаль, куда-то, где одна волна отвоевывает свое место у другой.

– Мне надо идти. Я пришел с вами попрощаться. И ска-

зать вам огромное спасибо. Если бы не вы, я не знаю, где бы я сейчас был. – Глубоко дыша, с небольшой горестью по предстоящей разлуке говорил Герман.

– Иди. Не стоило прощаться. У нас так не принято. У нас так, что если человек уходит, то он исчезает, а значит, его и не существовало. Для нас тебя уже нет. А ты берешь и жестоко напоминаешь о своем существовании. Ты совсем не жалеешь других. Мы принимаем твою благодарность. И поверь, если бы мы оказались в похожей ситуации снова, мы бы поступили так же. Пустили бы в дом, до этого пригласив тебя. – Говорил мальчик, не отводя своего взгляда от моря.

Девочка была согласна с братом. Об этом говорило ее периодическое плавное и нежное покачивание головой. Она лишь немного дополнила мысль:

– Помни, что дойти до замка тебе нужно дотемна. И помни о том, что тебе дорого. Если выполнишь эти условия, то так уж и быть, я тебя не забуду.

На этих словах мальчик удивленно посмотрел на свою сестру.

– Я готов подумать, что она врет. Но если бы это было так, я бы знал. Она говорит тебе то, что думает. Не подведи нас.

Этот странный диалог сделал гравировку на сердце психиатра. Он навсегда запомнил эту пару детей, что своею необычностью и отличием от остальных, смогли влюбить в себя навсегда.

Риц и громила направились за смолой. Но куда?

– Далеко ли нам идти? И куда?

– Герман, тебе не обязательно знать все. Просто иди. Я скажу, когда надо будет спускаться.

Спускаться? Спускаться можно только в одно место – в море. Оно окружило этот остров у его подножья. Не уж то тут добывают смолу из моря?

Прошло достаточно времени. Приблизительно, по нашим меркам, сорок пять минут. Плюс минус пять.

– Спускайся.

Герман осторожно ступал по камням, в надежде не сломать себе шею. В это время громила просто прыгал с камня на камень, успевая в это время посмотреть куда-то вправо вниз.

Оказавшись на середине между морем и плоской землей острова, громила приказал юноше остановиться. И стоять, пока ему не прикажут следовать дальше.

– Что ты будешь делать? Тут же ничего нет. – Кричал Герман, стоявший в метрах десяти от спутника.

– Это для тебя сложно. Просто любуйся видом, мальчик.

Громила встал на колени перед огромным камнем, похожим на расширенный шип розы, и руками начал подковыривать основание, как будто искал ключ под ковриком. И ключ нашелся. Огромный камень сдвинулся с места на бок, и показалось огромное отверстие, которое вело в туннель.

– Заходишь? Или передумал? Смотри, замок видно и отсюда. – Издеваясь, проговорил мужчина.

– Не передумал. Но все это похоже на сон.

Заглянув в эту черную дыру, Герман спросил, почему бы не зажечь факел, чтобы все стало видно. На что ему ответили: «Ты хочешь сгореть заживо?». Этого ответа хватило.

Не привыкшие к темноте после солнечного дня глаза не имели возможности видеть первые пять минут. Герман полз на корточках по темному узкому проему на ощупь. Вдруг стало происходить что-то немыслимое. Появилась тонкая полоска света чуть впереди.

– Что это за свет? – спросил Риц.

– Это солнце. Оно попадает сюда сверху. Дело в том, что купол этой пещеры – камни, по которым мы спускались. Через проемы между ними сюда проходит свет, воздух и дождевая вода.

Огромная пещера, озаренная солнцем, вдруг предстала перед Германом. Сотни солнечных «зайчиков» заполонило периметр. Они рождались от смолы. Вся пещера сверху до низу была покрыта толстыми слоями смолы. Одна искра и был бы взорван весь остров.

Наполнение бочек смолой, а потом их подъем и доставка до дома заняло около пяти часов. Солнце начинало заходить. Появлялись первые яркие вспышки звезд.

Риц помахал рукой всей семье и направился в сторону замка.

Семья грозного верзилы была за спиной Германа, когда в голове путника промелькнула мысль, что, быть может, он больше никогда их не увидит. За такое короткое время зна-

комства с ними, не смотря на все сложности общения и на их черствость, Риц почувствовал тепло и любовь, вырывающуюся наружу.

Грусть заволокла глаза Германа в виде подобия слез. Картинка перед взором помутнела, потемнела и стала совсем серой. Так начинало темнеть, и Риц успел дойти вовремя до серого огромного замка.

Замок был сделан из чистого неотшлифованного грубого камня. Везде выступали острые края, напоминая клыки и колья. Массивная деревянная дверь, измотанная временем и покрытая мхом, держала на себе висящую табличку. На деревянном куске ножом была выцарапана надпись: «Оставь все, что ты ненавидишь позади».

Герман принял информацию к сведению и взялся рукой за ручку. На удивление дверь открылась без усилий, без скрипа, совсем бесшумно.

Риц вошел в замок, и дверь захлопнулась.

Пришелец оказался в округлом помещении, напоминающем башню. Со всех сторон прямо в стены были вмонтированы четыре камина, что тонкой линией были соединены напольным рисунком. На полу ровно по центру башни, на пересечении четырех линий изображения, был образован круг, в сердце которого размещался очаг, ожидавший огня.

На противоположной стороне по отношению к двери разместилась огромная винтовая лестница, ведущая на этаж выше. Отсюда, с этого ракурса, казалось, что замок – это лишь

одна огромная башня.

Ощущая на себе чей-то взгляд, Риц прошел вперед к лестнице. Не видя на ней никого и не слыша ни одного звука, он стал подниматься. Ступени были невысокими, каменными, на вид точно глыбы. Казалось, что эта лестница нескончаема. Герман сделал шаг за шагом, пройдя уже не малое расстояние. Вдруг. Голос. Смех. Скользкий, холодный, будто сама смерть.

Путник остановился. Он насторожился, пытаясь уловить хоть шорох, хоть один шажочек. Но ничего больше не было слышно. Все стихло, и наступила гробовая тишина.

– Кто здесь?! Я слышу твой смех! Ответь же мне. – закричал Риц в надежде никого не услышать. Отсутствие кого-либо в этом мире приводит его не к страху, а к спокойствию.

Герман продолжил подниматься. И, к его удивлению, пространство вокруг становилось только темнее. Пропали окошки, не было ни одной, покрытой трещинами, двери. Не было надписи «выход из этого мира». Одно разочарование.

И вдруг опять смех. Громче, противнее. Герман начала бежать.

– Кто здесь? Выйди! Покажись.

Но голос лишь усилился, смех зазвенел в ушах Рица, давя н нервы. Герман пытался нащупать мнимую фигуру перед собой. Темнота, достигнув пика, закрыла для молодого человека вид, на окончание лестницы и начало коридора. По левую руку оказалась дверь. Она открылась по велению неви-

димого существа, и пронизывающий и нездоровый свет, подобно боксеру, ударил Германа в лицо. Он ослеп на минуту, потеряв ориентиры.

Зрение вернулось, и вместе с ним появилось чувство презрения. Что-то темное и ноющее давило на сердце юного психиатра. Герман стоял в светлом помещении, напоминающем коридор. Под ногами располагался красный ковер, ведущий вперед. Стены были увешены зеркалами разных размеров и форм. Круглые, квадратные, овальные, они были разных размеров, то большие, то маленькие. В глаза бросилось разнообразие рам, зеркала были в золотых, серебряных и медных рамках. Отражающие поверхности весели и ждали, когда появиться отражение. В этот момент, неприсущая Герману ненависть стала накатывать волнами, пытаясь затащить в неведомую беду.

«Как много зеркал. Как много отражений» – При этой мысли он вспомнил слова Чавенко. И тут же ощутит опасность.

Вдруг из рядом стоящего зеркала справа вылезла бледная рука. Пытаясь ощутить что-то на своем пути, она испытывала попытки схватить гостя. Герман отпрыгнул назад и наткнулся спиной на дверь, что захлопнулась сама собой и сама же затворилась на засов с другой стороны.

Герман вспылел. Его глаза были распахнуты, а рот искажен ненавистью. Идя левым боком, опираясь спиной на стену, Риц попытался посмотреть в то зеркало, откуда еще се-

кунду назад виднелась конечность, что пропала так же резко как и появилась. Но его предположения были так ошибочны. Как только Герман коснулся плечом овального зеркала за спиной, так сразу оттуда выскочили две руки и схватили Рица за плечи, пытаясь затащить в другую реальность.

Издался мужской пронизывающий крик. Молодой человек смог вырваться и начать бежать. Но множество зеркал превратилось в ловушку, из десятков отражающих поверхностей начали вылезать бледные руки, покрытые вздутыми синими венами.

Герман встал на месте, закружился в борьбе с невидимым и остановился. Он закрыл глаза и всё, что пыталось его схватить – исчезло.

Он перевел дыхание и открыл глаза. В тот момент он стоял перед достаточно большим квадратным зеркалом, идущем от середины стены до почти что самого пола. И в этом зеркале Риц увидел свое отражение. Мерзкое, но свое. Мысли начали путаться быстрее, чем приближение картинка в зеркале. И вот, зеркальный Герман Риц подошел к поверхности зеркала вплотную.

Зеркальный Риц был на лицо, конечно, похож на изначальный оригинал, но обладал рядом отличий. Он был совсем бледен, кожа имела отталкивающе холодный оттенок, губы утопали в ненависти, а под глазами, заполненными полопавшимися красными капиллярами, виднелись круги. Волосы зеркального Рица были немного длиннее. Грязь на них

отблескивала нездоровым блеском.

Герман из зеркального мира улыбнулся одним краем рта. Эта была хитрая, лживая и отвратительная улыбка-насмешка. Губы оголили зубы, что выглядели как заостренные клыки хищного зверя.

Отражение сохранило одежду оригинала.

– Ты ведь тут ищешь выход? Не так ли, мой более скудный, по отношению ко мне, оригинал? – заговорила фигура в зеркале, не убирая своей подложной улыбочки.

– Ищу. И что ж с того?

– Оу. Как грубо. Что за тон? – Отражение начало кружиться в зеркале, расслабив свою голову, что начала болтаться из стороны в сторону.

– Подобно твоему. И уж если так на этом заостряешь свое внимание, то следует обратить свой взор сначала на себя.

– А разве я это не сделал? – Отражение при этих словах поиграло бровями, явно намекая на Германа Рица. – Разве, ты не есть я?

– Не думаю. У нас столько отличий, что ты даже не представляешь. К примеру, ты сейчас, где находишься? Если не брать в расчет пространство зеркала, то в мире ненависти.

– Ты тоже.

– Ты тут по своему желанию, а я нет!

– Ложжьь... – прошипело отражение.

– Отнюдь. Ты тут в своей тарелке. Моя же тарелка осталась далеко за границами этого мира. И я намерен вернуться

в нее.

– От чего ты бежишь? От этого мира? Нееет. Не от него. Не обманывай себя, скудный Герман Риц. Ты даже не представляешь, что здесь происходит. И что такое Ненависть. Ничего не знаешь. Но бежишь.

– Все! Уйди!

И не желая слушать, Герман Риц пошел дальше по коридору.

Но на каждом кусочке стены висело зеркало, и одно за другим давало жизнь отражению. Из каждого зеркала с первого шага Рица начали появляться разные части тела.

Риц шел вперед, вдруг справа вышла голова отражения, пытаясь укусить оригинал своими черными зубами. Риц увернулся. Но слева неожиданно появилась нога, и Риц упал на пол, и на его спину вдруг устремилось ног десять, пытаясь его затоптать. Отражение в это время издавало злобный смех. По стенам пробежала дрожь. Риц, тонуший в десятках ударов, закричал от бессилия. И все прекратилось.

Отражение заговорило первым после минутного молчания.

– Ты не ответил. Ты не знаешь?

– Про что ты? – вставая с хрипом, произнес Герман.

– Ох, еще и глуп. Скуден во внешности и беден на ум. Как мне не повезло с оригиналом. Я про ненависть. Ты знаешь, что это? Ты тут уже более дня, а все еще не знаешь?

У Германа было очень удивленное лицо, сменившееся да-

лее в потоке ненависти на дикий оскал. Переживаемые ощущения были несвойственными Рицу. Никогда раньше Герман не ощущал себя таким. Он не ощущал ненависть настолько часто и так сильно. Молодой человек заподозрил неладное, но продолжал бездействовать и молчать. Долгое затишье вывело из себя отражение.

– Что такое ненависть? Может, это запутанные нити нашей души, испытывающие колебания? Это вспышки чёрного гноя в нашей душе? Это «внутреннее я» кричащее от бессилия?! Что такое ненависть? – Томно говорило отражение. Его глаза были пусты. – Это тебе не интересно? Поняв ненависть – поймёшь часть себя и мира.

Побежав и закрыв уши руками, Герман прокричал во весь голос – Нет! Нет!

Он бежал и постоянно падал из-за неожиданно появившейся бледной руки или ноги.

– Бежать бессмысленно! Ты не сможешь! – Раздавался громкий голос зеркального Германа, эхом отражающийся от стен по всему замку.

Но Риц пытался не слушать. Он продолжал бежать и наконец, добежал до двери. Она оказалась запертой. Отражение засмеялось еще громче, еще мучительнее.

Герман попытался открыть дверь, но дернув ее, рука из зеркала рядом схватила его за грудки и ударила со всей силы об зеркало. Оно треснуло, и кусочек стекла вошел в щеку Германа и проник в ротовую полость, не задев языка или де-

сен. Кровь брызнула на отражающую поверхность, и эта картина ввела отражение в восторг. Опасность сгущалась своими черными тучами над головой путника. Риц оторвался от стекла и, не замечая крови и боли, стал пытаться открыть дверь. На секунду он посмотрел назад. В том самом огромном зеркале отражение стояло во весь рост и из подо лба смотрело на свой оригинал. Щека у отражения была тоже пронизана насквозь и залита кровью, но стекла в лице отсутствовало, вместо него зияла дыра. Кусочек разбитого зеркала был в руках у зеркального Рица. Он крутил его у себя и слегка поглядывал на него. Его глаза дали понять, что теперь у него есть оружие, и живим Герману не выбраться.

Герман закачал головой, пытаясь дать понять, что он не хочет быть убитым. Тем более здесь, при таких обстоятельствах. Тогда, отражение рассмеялось, и из зеркала справа от Германа, чуть ниже ребер, вылезла рука, пытавшаяся вонзить стекло в живот Рица. Герман отпрыгнул, схватил висевшее на стене зеркало с серебряной рамкой и ударил им об дверь по засову. Она поддалась, и Герман выскочил на черную лестницу.

Из яркого коридора, уже залитого кровью, странник попал на залитую мраком лестницу, что сказало на способности видеть. Он не видел, но слышал, как за спиной захлопнулась дверь, закрывшись с той стороны.

Хоть дверь и была закрыта, но смех был все так же ясен. «Зеркала висят и здесь» – предположил Риц и оказался

прав.

Пришелец захотел дотронуться пальцем до стекла у себя в щеке, чтобы определить его размер, но лишь прошел этим пальце насквозь и коснулся языка. Он понял, что зеркало было вынуто. Вынуто Германом из зеркального мира.

Герман проморгался, и зрение вернулось к нему. Перед ним оказалась лестница ведущая опять куда-то наверх. И, стоя с этого места, он увидел, что на лестничной площадке в самом верху висит зеркало, ужасно напоминающее то, что было некогда у настоящего Германа в мире людей.

И откуда-то сверху послышался голос:

– Прижмись скорее своим ухом к этой стене. Ты слышишь? Тик-так, тик-так, это твоё сердце. Или вся твоя жизнь, как часы, отводит тебе твоё время. И оно идёт.

Герман отрицательно помотал головой. «Просто беги. Беги настолько быстро, чтобы он не понял, что ты уже рядом. А рядом с зеркалом пригнись».

Он вздохнул поглубже и побежал.

Лиц за секунду добрался до первого зеркала из моря других, нагнулся рядом с ним, и вооруженная рука прошла над его головой, выронив стекло.

– Теперь ты безоружен! – закричал Герман, убегая по лестнице вверх.

У второго зеркала отражение схватило Германа за плечи и попыталось втянуть в зеркало, крича – Ну давай же, давай! Ты не пожалеешь!

И стало все ясно – Зеркальный Герман Риц пытается затолкать реального Германа в зеркальный мир. При таких условиях, он сам сможет выбраться, а оригинал на веки будет заточен.

Макушка головы Германа уже проникла в зеркальный мир и глаза его вдруг залились ненавистью и яростью. Руки напряглись, а рот открыл зубы. Grimаса ненормального, обезумевшего человека отразилась в зеркале.

– Ты чувствуешь это? Это ненависть! Вызывающая силу и храбрость, безумие и отвагу. Чувствуешь, как она подобно смоле, растягивается в твоём теле?

Эти слова отражение произнесло даже не подозревая о том, что оно упустило свою надежду выбраться.

При слове «смола», у Германа активировалась ассоциация. Он вспомнил взгляд совершенно странных, но притягивающих к себе детей. Он вспомнил их отца верзилу. Вспомнил, как подожженная смола спасла их всех. И тут же гримаса сменилась слезами. И силы вернулись к Герману. Он напряг свой пресс и со всей силы оторвался от сильной хватки своего отражения.

– Нет! Нет! Нет! – в истерических конвульсиях забились отражения. Его лицо посинело еще более, а руки затряслись.

Вдруг раздался шум, как будто одновременно зажглись сотни костров. Столб дыма устремился ввысь и коснулся Германа, стоявшего под крышей башни во весь рост с мокрыми и бушующими от силы глазами. Ощувив запах гари, путник почувствовал, как земля уходит из под ног. Уже через секунду он падал вниз.

Подхваченный дымом, несясь в неизвестность, он увидел пылающий огонь в три метра высотой, что соединял четыре камня, которые в тот момент так же были поглощены яркими волнами пламени.

Линии, что шли по полу, образуя место пересечения и место полыхания огромного костра, светились теплым светло-оранжевым светом.

Пройдя сквозь дым, Герман упал в огонь в центре башни. И так он навсегда исчез из мира ненависти.

Открыв глаза, молодой человек оказался в утренней больнице. Герман сидел на полу, солнце ярко светило ему в глаза. Спина опиралась на стену. На ту самую стену, в которой была спрятана дверь в комнату с четырьмя таинственными углами. Щека Германа была цела, и лишь маленький шрам украшал ее.

Часть 2. Страх и одиночество

Глава 1. Начало страха

«Мне кажется, я начал сходить с ума. Мой дневник, прошу тебя, перенеси все мои мысли на многие лета вперед, чтоб каждый мог догадаться о том, что ждет его, если он решится открыть эту дверь. С того момента, как я вернулся с очередного «угла», прошло пару дней. И вот, я снова исчез. Исчез из мира и попал в ад. Я никогда не забуду того, что увидел. Мне больно теперь внутри, как никогда, я кричу и страдаю всегда, когда мне мерещится ОНА. И нет, я говорю не о двери... неет. Я бьюсь головой, крики пускаю куда-то туда, где еще миг назад я увидел силуэт. Я помню ее взгляд, я помню и голос. Мне противна вся ты, но муки опять ночные пришли...»

Герман начал вспоминать, что с ним произошло еще секунду назад, а может... кто вообще знает, когда это было? Неделя? Две? Или год? Сколько времени прошло – неизвестно. «Надо вставать. Если кто закричит, значит меня слишком долго не было. Тут не из-за чего переживать, наверное».

Герман Риц встал с пола, опираясь на одну руку, как вдруг послышались шаги. Маргерет уже поднималась к больным, чтобы дать им их лекарства. Но она увидела Германа, стоявшего почти без сил, и чуть не выронив поднос, заговорила.

– Что с вами стряслось?!

– Я не знаю. Я, наверное, упал и ударился головой. В про-

чем, это не важно. – Герман почесал затылок рукой. – И я не знаю, где Савелий Оснач. Скажите, он уже прибыл?

– Нет–нет–нет. Он еще не пришел. Его срочно вызвали на конференцию. Лучше скажите, нужна ли вам помощь? Могу ли я помочь?

– Маргерет, вы добры, но не стоит. Я в полном порядке. И, что еще лучше, мое дежурство подошло к концу. Сколько сейчас времени, какого дня?

– И шести нет. Какой день... День... А день тот, что идет за вчерашним.

На этом их разговор закончился, и, пытаясь не выдать своего тяжелого состояния, Герман вышел из больницы.

Его корыто, его автомобиль, ждало на привычном месте, предчувствуя поворота ключа и движения колес. Но Герман не стал садиться в машину, ему было не до этого. Совсем в тишине, молча и томно, он пошел домой.

Дом. Такое странное слово, вызывающее теплые чувства. В этот раз начинающему врачу не было комфортно в своей квартире. Что-то напоминало ему еще о вчерашней ночи. Может, это дух старой обстановки и мебели, вид камина или запах смолы? Неизвестно. Единственным желанием в тот момент было – поспать.

Герман лег бесконечно уставшим. Казалось, эта тяжесть и это состояние никогда его не покинут. Он закрыл глаза и просто уснул. Риц спал до тех пор, пока солнце снова не взошло высоко над городом. Прошли сутки. И он нашел в себе

кроху сил, чтобы сесть за написание своего дневника. Дневник был исписан одной страницей за другой. Я думаю, их могло быть еще больше. А может, их и было больше. Многие страницы были вырваны или прожжены.

В этот день к нему пришло понимание, что комната заключает в себе четыре угла. А он тем временем пережил лишь один. И дни слились. Не ясно, сколько ночей уходит на один угол, который содержит в себе не одну жизнь и не одну историю.

Герман Риц понял, что впереди его ждет тяжелое испытание. И он решил не ждать. Не ждать своей смены, своего часа. Он просто пошел в больницу ночью. Один.

В ту ночь была не его очередь дежурить. Он не имел права появляться в психбольнице вне своего времени. Тем более без предупреждения администрации. Герман в ночной темноте проскочил на этаж, оставленный дежурным на какое-то время. Он встал перед стеной, что скрывала то проклятие, или то чудо, что его ждало. В целом, дверь. И знаете что? Пробыла полночь, ворон за окном изливал душу. На миг показалось, что он заговорил. Было жутко. Немного страшно. Только самые смелые люди могли не испугаться бы в тот момент. И, кажется, старик, спокойно спящий и храпящий в углу своей комнатушки, был тем самым смельчаком. Еще недавно этот старичок показал путь к двери, дрожа днем и ступая смело ночью.

Прошел час, два. Дверь все не появлялась. Лишь глухая

стена, покрытая слоем дешевой краски, что начинала отходить, стояла перед лицом. Риц понял, что «сегодня Она не откроется».

В три ночи, когда дежурный еще даже не вернулся на этаж, увлеченный общением милых дам, спускавшихся с лестницы, Герман вернулся домой. «Не уж то это все? Я ей больше не нужен» – Это были лишь надежды. Неоправданные и в скором времени, разбитые надежды.

Утро. Наступил день дежурство Германа Рица. Он не мог терпеть. Не мог усидеть на месте. Молодому врачу все казалось, что он может быть спасен.

Герман Риц с самого утра был в больнице. И он снова наблюдал за больными. К сожалению, или все же к радости, Савелий Оснач был все еще в отъезде. Настолько длительная конференция побудила Германа задуматься. «Вероятно, нет ни какой конференции. Оснач обнаружил дверь и теперь сам скитается внутри ее бесконечных просторов и глубин. И по этой же причине, она не открылась мне».

Герман обошел всех больных днем. Сделал то же самое вечером. И наткнулся на одного больного, чей случай сейчас наиболее интересен.

Подойдя к комнате, а если честно – к клетке больного, начинающий врач узнал симптомы невроза навязчивых состояний. Больного регулярно посещали навязчивые мысли, воспоминания, вызывающие страх и боль. Они являлись для него чуждыми и неприятными. В это время он не мог са-

мостоятельно от них освободиться, избавиться, человек не мог начать думать позитивно или просто перестать думать. У больного развивались фобии. Бывало, он боялся находиться в своей «камере». Возникал резкий страх замкнутых пространств – клаустрофобия. Но еще страннее, что потом он мог уже бояться выходить на улицу. Одно сменяло другое.

Однажды Риц попросил этого больного представить себе, что он находится на открытом пространстве, на лугу или в поле. В результате, пациент начал биться головой, умоляя прекратить его мучения. Так, в некоторых случаях страх возникал, когда больной только представлял себе трудную для себя ситуацию. Ко всему прочему, больной регулярно проверял правый угол своей камеры. Это напоминало ритуально-символическое действие, вызывающее спокойствие у пациента.

Герман Риц не заметил, как ночь сменила вечер. И луна высоко встала над больницей. Она встала в такое положение, что ни один луч света не проникал в здание больницы. Не знаю, может тучи всё же мешали, а может и расположение, но персоналу пришлось зажечь дополнительный свет.

Риц подошел к комнате того больного, о котором выше шла речь, и он увидел, как пациент спокойно сидит и пытается уловить взглядом что-то в темном окне.

Герман завел с ним разговор.

– Вы в порядке? Вас ничего не беспокоит?

Пациент перестал смотреть на неизвестность в окне и пе-

ревел взгляд на врача. И ответил.

– Да. Все в порядке. Знаете, когда наступает ночь, приходит особое чувство, слагающееся из спокойствия и настороженности. – Прошла секунда молчания. Томная и медленная. Как будто кто-то схватил время и не пускал его идти дальше. Тишину прервал больной странным и загадочным вопросом. – Знаете, что самое страшное в страхе?

В эту минут Герман понял, что происходит нечто необычное. Опять ночь. Опять больной, будучи в здравом уме, разговаривает с ним.

Риц ответил на вопрос отрицательно.

И тогда мужчина продолжил свою мысль.

– Самое страшное – это бессилие. Когда ты не можешь ничего поделать со своим страхом, когда ты не знаешь, что будет завтра и как «оно» поведет себя снова. И ты начинаешь сходить с ума. Медленно, но верно. Потом наступает истерика. Каждый звук, шорох напоминает тебе твое имя. Как будто бы кто-то там, за твоей спиной или в дальнем углу комнаты позвал тебя. Причем, таким мерзким голосом, что хочется просто повеситься. Интересно, задушить самого себя голыми руками легко? – И больной посмотрел на свои руки. – Кажется, нет. А что происходит дальше? После истерики? Тут все зависит от человека. Если тебе хватает силы и веры, то ты можешь выбраться. Но «выбраться» – это громко сказано. Ведь твоя жизнь не будет больше тихой и спокойной, она будет наполнена еще одним кошмаром. Кошмаром

прошлого страха с ожиданием его возвращения. И страх же ведь вернется. Рано или поздно. Хотя есть и второй вариант. Ты не справился, и ни одна вера тебе не помогла. Может, ты атеист, а может ты просто упрямый человек. Не знаю. Тут ты пытаешься обратиться к другу, к семье, к психологу, психиатру. И в итоге тебя сдают в такое место как это. Кидают в клетку, начинают пичкать таблетками, а тебе становится только хуже, потому что то, что ты боишься – не реагирует на эти таблетки, не реагирует на все эти препараты, что текут у тебя в венах! То, что ты боишься, оно где-то, где-то там. Либо в аду, либо в тебе. И тут неизвестно, что хуже.

Больной замолчал. По его щекам потекли две слезы.

Риц не знал, что ответить. Он только пошевеливал нижней челюстью и иногда прикусывал нижнюю губу.

Герман задумался. Он начал подозревать, что его ждет впереди.

Больной поднялся со своего места и спокойно подошел к решетке. Он ясными и выразительными глазами посмотрел своему врачу в глаза.

– Вам когда-нибудь было действительно страшно? Так сильно, что у вас все дрожало, в руках оставался отпечаток нагрудного креста, а на ваших руках оставались посиневшие следы ваших же зуб? Вы кусали себя, в надежде ощутить боль и понять, что вы уже не в кошмарном сне? Чтобы понять, что вы в реальности или же все еще там, где ваш страх поджидает вас за ближайшим же углом?

После этих вопросов, пациент отошел от решетки и сел на прежнее место. Он приподнял голову, закрыл глаза, предварительно посмотрев на белый потолок.

Герман, не желая отвечать, повернул голову в сторону той стены, где должна была быть дверь. И дверь уже ожидала. И ее ручка, впервые, сама собой повернулась. Раздался маленький стук. Это либо ручка, либо дверь ударилась об пол, либо кто-то за этой дверью ждет.

Глава 2. Страх

*«Открой свои глаза, ведущие в пустоту,
Чтобы в них могли
Утонуть корабли»*

Что есть страх? Что заставляет нас ощущать ускоренное биение сердца и дрожь в теле? Что приводит к холодному поту на руках? Голос, взгляд, быть может, движения.... Улыбка!

Вспомни образ, что нагонял на тебя страх и мерзкое чувство отвращения одновременно, а теперь, представать, что оно стоит рядом.

Страшно. Больно...

Само собой выходит так, что глаза ищут спасательный круг. Но как до него дотянутся, когда его нет?

Сам себя утопающий спасает раз, второй раз его спасают воспоминания о первом.

Ряд слов, не мысленно, как возможно уловить здесь смысл... Не понять, как сложить это в рассказ. Не понять: «почему я? Везде она – неизвестность. А не она ли и есть источник страха?»

Когда Герман смотрел на ручку двери, и холодная дрожь пронизывала его сердце, он не знал, что его ждет за дверью.

Тем временем, дверь не ждала решимости, она была под-

чинена другой властью, темной и могущественной. Дверь стала входом ловушки, что создана потусторонней силой. Герман коснулся кончиком пальца ручки. И чья-то рука схватила его. Темная сине-зеленая рука с гниющими ногтями схватила руку Германа Рица и втащила всего его в эту страшную комнату.

Риц очутился во тьме. Вдруг яркий свет, осветивший на руке мокрый отпечаток, показал комнату и ее главный секрет. Герман поднял свой взгляд с руки на что-то, что давало о себе знать пока лишь только своим присутствием. Это была ОНА. Девушка когда-то, монстр сегодня, она стояла, наклонив свою голову вправо. Ужасной улыбкой, больше напоминающей оскал, исказился ее рот, из которого вытекала черная тянущаяся масса. Сине-зеленое её тело, покрытое чем-то на вид липким и мерзким, подобно гною, вызывало отвращение.

– Герман... – протянула она, смакую каждую букву своим мерзким ртом. Этот голос.. ох этот голос. Как будто сам ужас совокупился со смертью и породил на свет гнилую плесень.

Риц отшатнулся назад, но выхода уже не было. Теперь было просто темное подвальное помещение, в котором где-то вдали раздавался шум разбивающихся об водную гладь капель и виднелся блеклый света.

– Кто ты? – протянул Герман, в ожидании ответа, испытывая страх.

Но она не ответила. Нет. Она же выше этого. Кто он такой,

чтобы знать, кто она и для чего явилась? Ее дело не вести переговоры, ее дело сводить с ума! Смотреть на то, как ты сходишь с ума. Восхищаться твоей жалкой сущностью.

В ответ лишь, ее тело начало деформироваться. Голова стала подниматься все выше, а тело приобретать какие-то нечеловеческие формы, больше напоминающие насекомое. Герман моргнул. Или ему так только показалось, и вот он уже стоит в подвале полном воды, а перед ним огромный монстр.

На лице существа, созданным самим адом, не было ничего от человека. Черные стеклянные глаза, широкий рот с двумя парами огромных зубов, торчащих с каждой стороны по двое, и широкий лоб. По спине шла полоса щетинок, а все лапы, идущие с боков, были покрыты мелкими лезвиями. На хвосте, что изгибался аж до самого потолка, в самом конце была игла.

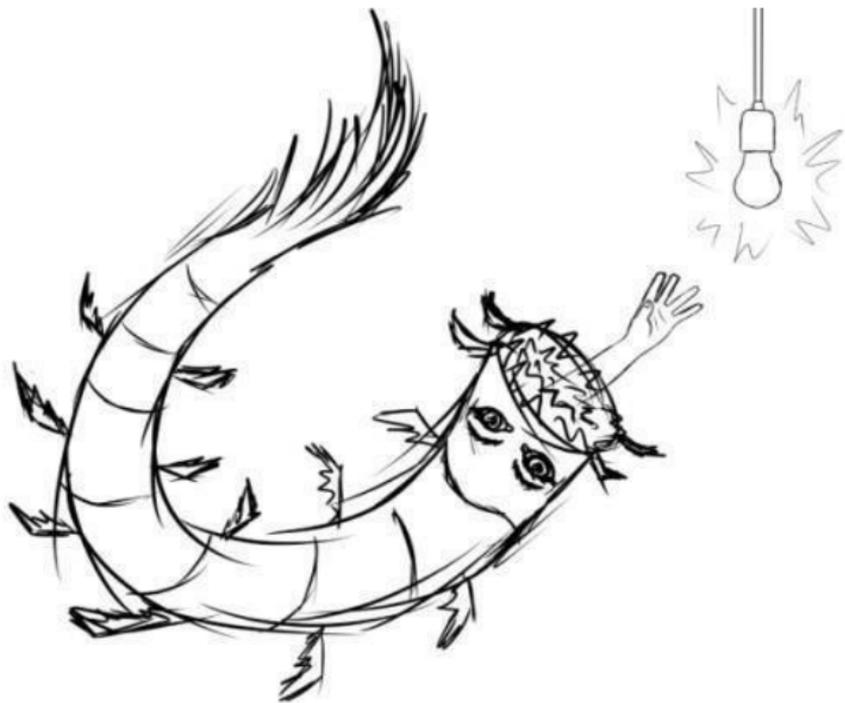
Завязалась схватка, которую человек расценивал как смертельную. Было сомнение, что можно выбраться живым из подвала, залитым водой и при этом с монстром в подарок. Кто когда-либо сталкивался с подобной ситуацией? Нет ли случайно пособия: «Борьба с сороконожным монстром в затопленном подвале для чайников»?

Монстр захватил Германа Рица и пытался хвостом отсечь голову врага. В это время безнадежно испуганный человек пытался припрятать свою голову и разорвать голыми руками конечности монстра, что оставляли на руках человека глубокие тонкие раны. В конце концов, все руки Германа были

излиты кровью. Силы были неравны. Человек начал слабеть, а монстр только разогревался.

Герман остановился. Он поднял голову, и закричал:

– Давай покончим с этим! Нет смысла терпеть унижений и дальше, когда можно принять смерть с высокоподнятой головой! Давай, режь!

Сороконожка обвила Германа своим телом.

– Давай! Бей! Бей в самое сердце! Я больше не желаю тер-

петь этого унижения!

И, упоенная восторгом, ОНА ударила Германа в самое сердце. Огромная игла на конце хвоста проткнула грудь Рика насквозь.

Глава 3

Воцарил свет, теплый свет камина, знакомый вид окна. Вокруг знакомая обстановка, знакомый запах и знакомое всё. Дом. Но что-то было не то. Не было того самого тепла от дома, чувства домашнего уюта. Не было расслабления, прогоняющего напряжение. Дом стал не домом. Дом был чужим.

Вот на часах показалась стрелка, что указывала на цифру 8. Утро. Пора спешить на работу. Герман вскочил с постели, и, не посмотрев на то, что уже был одет, побежал исполнять свой долг врача. Необычайно светлое утро прекраснее, чем это Герман не мог припомнить. Еще больше он не мог припомнить то, как оказался дома, ведь еще, казалось, секунду назад он вошел в подозрительную и пугающую комнату.

Сев в автомобиль, Герман отправился в больницу, в которой всё оказалось по старому. Старая плитка, всё та же Маргерет, и всё тот же Оснач.

Савелий подошел к Герману с вытянутой вперед правой рукой.

– Здравствуй, Герман! Прекрасный день для вас. Возможно, знаменательный.

– Доброе утро, Савелий Оснач. Вы всё-таки вернулись с конференции! Чем же вы спешите меня обрадовать?

– С конференции? А! Так Вам уже, небось, доложили, по какому поводу я отсутствовал и по какому поводу спешу к

вам. И, хочу заметить, это не просто радость – это праздник! Пришла установка, в соответствии с которой теперь Вы – главный врач в нашей психиатрической больнице.

– Что? Но Савелий Оснач, что же я знаю о работе главврача? И куда же направляют вас, если я теперь буду на вашем месте?

– Герман, Герман, успокойтесь. Вы от новостей всегда краснеете и задыхаетесь? Я направлен в Академию, буду теперь *там* главным. Так сказать, уйду от практики к теории. А вы наоборот, перейдете от теории к практике на постоянной основе.

И на этой ноте, Оснач повернулся спиной к собеседнику и удалился. Риц же остался стоять на первом этаже в смятении и в счастье.

Герману Рицу выделили кабинет. Кабинет был широким, квадратной формы, с цветами по углам и со столом по середине. Вдоль стены, что была слева от входа, стояли шкафы с собраниями книг. Впрочем, их названия и авторов было невозможно рассмотреть из-за запыленных стёкол.

Одна мысль резко пронзила все тело Рица. Он оставил коробку с вещами на столе и пустился расхаживать по кабинету. Риц был подобен своим мыслям, он был неуловимым маятником.

Его занимали мысли о больных со второго этажа, о двери, странных мирах. Тревожило предстоящее свидание с этой дверью. Все было смешанно.

«Может, сегодня она и не появится». Мелькала фраза в голове нового главврача.

Весь оставшийся день Герман Риц не покидал своего кабинета. Он тихо склонил голову над столом в ожидании неизвестного.

Наступила ночь. Как только вышла луна, Риц поднял наконец свою голову. Его глаза были налиты испугом.

Выйдя из кабинета, он, не замечая других людей, не замечая пациентов, пробрался на этаж, к тому самому месту. И вот стена, и вот то место, где должна была появиться дверь. Должна была... Но ее не было. Вместо пугающей двери с ее округлой ручкой, была гладкая стена, которая от лунного света казалась не такой уж и неровной.

«Нет. Ее нет!». Герман Риц выдохнул. Он хотел закричать от счастья. Всё! Все пытки, все мучения закончились. Теперь настало его время реабилитации.

На этой радостной ноте, молодой человек схватил в своем кабинете ключи от дома и ушёл. Он ушёл, чтобы утром начать менять мир к лучшему.

Глава 4

Утро наступило по велению одного щелчка двумя пальцами. Ночь, ты была?

Солнце за окном кабинета Германа Рица пыталось осветить улицу своими весенними лучам. Серые облака медленно плыли по небу, скрывая синеву. Прекрасное теплое утро с прокладным ветром.

Кабинет был освещен естественным светом достаточно, чтобы Герман не заметил у себя на столе оставленные им вчера стопки документов.

– Маргерет, Вы не видели, случайно ли, документы, оставленные у меня на столе? – спросил главный врач снисходительным тоном.

– Сэр, Вы сами вчера приказали мне найти секретаря для Вас и ваших стопок бумаг. Теперь же вы удивляетесь, куда пропала ваша дорогая бумага, исписанная чернилами.

– Секретаря? Я не помню, чтобы я просил вас об этом. И что ж, вы так быстро смогли отыскать нам нужного специалиста?

– Если бы я этого не сделала, документы огромными горами лежали на вашем столе, прощупывая потолок.

– Возможно, вы правы. Но я хотел бы узнать, где рабочее место нашего секретаря и как его звать? – Герман Риц начал ощущать странное чувство. Это потеря памяти? Это забыв-

чивость? Что мешало ему вспомнить, момент, когда он про-сил секретаря.

– В служебном помещении. Мы прекрасно вместили стол рядом со стеллажом с препаратами. Надеюсь, ваш секретарь не из тех, кто любит солнечными лучами в пасмурный день под таблетками. – На этих словах Маргерет засмеялась не привычным для Германа тоном.

Герман Риц уже хотел отправиться на встречу к знаком-ству со своим секретарем, но его отняли у него же самого. Один «уважаемый» человек хотел немедленно узнать у Гер-мана о его планах на это лечебное заведение. Этим челове-ком был журналист – Луи Мюзх.

Одним быстрым движением он схватил главврача и тут же подставил диктофон к его рту.

Луи Мюзх, как вы могли понять, был из тех, кто любил делать все и сразу с первой попытки. Не любил отказов. Не воспринимал критики. Луи считался достаточно амбициоз-ным молодым человеком, работающим в местной газетенке. Внешность Мюзха помогала ему по жизни. Невидимкой, он прекрасно вписывался во все общности и во все события. Подобраный не по размеру коричневый замшевый пиджак скрывал его тело, свесившись на осевших плечах. Глаза жур-налиста были темны, быстры и пытались все время за что-то зацепиться взглядом. Сильно уложенные волосы выглядели чересчур гладкими, даже, скользкими.

– Герман Риц, молодой главврач самой интересной лечеб-

ницы нашего города. На сегодняшний день вы являетесь самым молодым главврачом, недавно вышедшим из под гнета образования. Есть ли у вас, на данном этапе цель? Куда вы стремитесь? Все ли достигнуто?

– Здравствуйте, Луи. Благодарю вас за столь живой интерес. – С рассеянность и быстро бьющимся сердцем ответил Риц. Он был явно удивлен и даже немного напуган. Он так сильно поднял брови, что складками на его лбу можно было колоть грецкие орехи. – Могу сказать только одно – я стремлюсь туда, – и он показал указательным пальцем вверх, – все выше и выше. Нельзя останавливаться. Ведь, если движение – жизнь, то остановка – смерть. Нужно становиться лучше и лучше, и только тогда можно будет увидеть улучшение не только свое, но и того, что тебя окружает. А я надеюсь преобразить это место, вылечить как можно больше людей и создать благоприятные для них условия. Это сейчас моя цель.

– Достаточно ли вам помощи от государства? Нет ли сейчас проблем с финансированием?

– Наша больница не нуждается в серьезной финансовой помощи от государства. Больше половины, около 70 % всех денежных поступлений, составляют частные взносы. Эти взносы – денежные оплаты родными пациентов их лечения и средства от заинтересованных лиц.

– Заинтересованных лиц? Это очень интересный вопрос. Кем являются эти заинтересованные лица и в чем их интерес?

– К сожалению, я не могу ответить вам на то, кем являются эти лица, но я с радостью отвечу, в чем их интерес. Их интерес в науке. Ведь все, что происходит в стенах этого здания – сугубо основано на науке. – На этой фразе у Германа Рица подступил ком к горлу, а между лопатками появился холод. А так ли это? Ведь еще недавно он скитался в мирах, где всё точно основывается не на науке. И эти миры были заперты в этом здании...

– А что вы.....

Луи не успел задать свой вопрос, ведь дверь служебного помещения распахнулась, и оттуда волной вылетело море документов. Поднялся шум, закричали работники, было ясно, что кто-то кого-то отчитывает.

Герман Риц крикнул журналисту «Простите» и быстро сбежал, благодаря судьбу за возможность покончить с допросами от представителя местной газетенки.

Спиной к выходу из помещения вышла женщина, с тяжелой на вид стопкой бумаг. Она пыталась увернуться от листов, взмывших к «небесам». Герман, подбежав, сразу же начал собирать документы с пола, одновременно ловя перхающие в воздухе листы.

– Что здесь происходит?! – Уже со злобой от столь насыщенного и беспокойного утра закричал молодой врач. – Кто-нибудь может мне объяснить?

Толпа из трех человек, указывая пальцами на вышедшую из помещения спиной вперед женщину, закричала: – У нее

спросите!

И не дожидаясь ответа, люди захлопнули дверь перед носами Германа и незнакомки в заостренных к верхним углам очках.

– Ну что ж, спрашиваю у вас лично. Отвечайте!

Все это время женщина стояла боком к Герману, но во время обращения глав врача к ней, она открыла ему свое лицо во весь ан фас. Риц не уловил её черт. Он запомнил лишь то, что у нее были собраны волосы.

– Я разбирала ваши документы, когда вдруг распахнулось окно и открылась дверь, от чего подул ужасный сквозняк. Он поднял все листы в воздух так, что комната перестала получать солнечный свет. Листы сквозняком потянуло в коридор, я пустилась за ними. И вот, мы тут.

– Вы разбирали мои документы? Так, значит, вы мой секретарь.

– Абсолютно верно.

– Тогда, добро пожаловать в коллектив. И не беспокойтесь, документы не пациенты – не сбегут. Минутка шутки. Всё, не буду вас задерживать больше. Можете возвращаться к своему рабочему процессу.

На этом моменте Герман решил скрыться с глаз людских у себя в кабинете. День за днем Герман изучал возможности для изменения палат. Он нашел средства для перепланировки помещений, установки перегородок и дверей, уничтожения немного «тюремного» образа лечебницы. Оставалось

лишь принять рабочую группу и начать процесс.

В эти же дни, Риц успел изучить дело каждого больного, продумать линии лечения и закупить новых препаратов для вызывания активности и препараты, заменяющие недостаток дофамина, по типу леводопы. Эти препараты были для тех самых пациентов, что не могли двигаться из-за своих расстройств.

Все шло так, как хотел новый главврач. Но белая полоса подошла к концу, и черная пропасть подкралась к Герману Рицу.

Глава 5

В тот день никто не заметил пропажу препаратов со стеллажей в служебном помещении. Все были заняты предстоящим ремонтом, и медперсонал искал углы для больных на то время, пока будут вестись работы.

Рабочая группа дала знать еще утром, что из-за проблем с предыдущим объектом опоздает. Герману Рицу оставалось только ждать. Он сидел в своем кабинете, поставив перед собой кисти пирамидой, и слушал голоса за дверью.

Тем временем стали открываться двери комнат больных. Один замок снимался с петлей за другим. Молча, бесшумно. Никто не должен был об этом догадаться.

Пробило полдень. Часы тяжелыми стуками отражались в голове главврача психиатрической больницы на юге города.

Тик-так, тик-так. Бац. Шум. Поднялись страшные крики и вопли. Кто-то на первом этаже разбил что-то стеклянное, уронив железный поднос.

– Герман Риц! – раздались голоса.

Герман, выбежал из кабинета и оторопел.

Поднялся бунт. Все больные лечебницы выбрались из своих камер с желанием выплеснуть свои эмоции и свою энергию. Все бушевали. Раздавались крики работников, страшные невнятные речи больных, звуки тресканья черепов. Главврач побежал в поиске работников с целью немедленной

эвакуации.

Спустившись на первый этаж, Герман Риц поскользнулся на луже крови и упал лицом вниз, разбив себе лоб об черно-белую плитку. Открыв глаза после удара, он увидел искаженное от страха мертвое лицо. Шея Маргерет была сломана голыми руками больных, уже успевших вымазать их в крови кого-то другого.

Было ясно. Воцарилась анархия, власть больных. Появились жертвы.

Встав с холодного пола, Герман немедленно закричал: «Эвакуация! Немедленно покиньте больницу!». Но толпа просила больше крови.

Волнами безумия тела душевно больных мчались по коридорам больницы в поиске жертв.

– Нельзя упустить! Нельзя оставить! Дайте нам сыра! Кто мой дантист?

Пока эти волны надвигались на Германа, выживший персонал мчался мимо своего главврача к свободе. Но вот поворот и из-за него появились люди, чья жизнь последние годы полностью зависела от препаратов, врачей и семей, сбавивших их в эту больницу. Они мчались с невероятной скоростью. И даже те, кто еще вчера лежал в постели и думал о том, как бы было здорово не чувствовать страх за свою жизнь каждые миллисекунды, сносили людей со своего пути.

Герман осознал в этот самый момент, что больных невозможно остановить словами, а медперсонал все еще сбегался

с разных углов больницы. Риц должен был остановить толпу. Он схватил с пола листы бумаги, поджег их и бросил прямо на пол. Моментально вспыхнуло пламя, что огненным хвостом протянулось до служебного помещения, из которого тек рекой первоклассный медицинский спирт. Больные оказались отрезанными от Рица и быстро сбегающегося персонала.

Но этого было явно мало. Герман Риц принял решение броситься всем своим хрупким телом высшей интеллигенции на пациентов, чтобы дать шанс спастись большему числу работников.

В тот же миг, когда он бросился в «объятия» знакомых лиц, он был поглощен, как тонущий корабль морем.

Глава 6

А дальше лишь свет. Яркий ослепительный свет из окна и белые стены. Это была обычная палата в обычной больнице, куда доставляли граждан в тяжелом или среднем состоянии. Приподнявшись на кровати с металлическим каркасом, Герман закричал, ощущая боль по всему телу, что было полностью забинтовано.

– Эй! Здравствуйте! Здесь кто-нибудь есть?

На крики отозвалась медсестра, быстро вбежавшая в его палату.

– Как хорошо, что вы очнулись и именно сейчас. Заходите, прошу! – обратилась она к кому-то за дверью. А затем сказала уже больному – К вам пришли из милиции.

И она удалилась.

Не успел молодой человек полноценно придти в себя, как на пороге появились люди в форме. Один из них был врач, который сразу удалился, остальные двое – милицейские. Их лица не демонстрировали абсолютно никаких эмоций. «Зачем они тут? Я что-то натворил?» – задумался Герман Риц.

– Здравствуйте, Герман. Я думаю, вы знаете, по какой причине мы здесь.

– Здравствуйте, уважаемые. К моему удивлению, я как раз таки не могу понять, чем могу помочь? – болезненно произнес молодой человек.

– Мы думаем, что у вас есть много интересной информации о случившемся в городской Психиатрической больнице №1, где вы, сэр, являетесь или являлись главным врачом.

– Являлся? Случившемся? – И Герман Риц вспомнил. Всё и сразу. Как бы ни пыталось его бессознательное оградить его от тревожных воспоминаний, они все равно проявились. – Ох! Ох! Верно. Абсолютно точно... – продолжил Риц.

От удивления и выраженной на лице врача боли, служащим правопорядка стало не по себе.

– И так. Вы расскажете, что произошло?

И Герман Риц рассказал. Рассказал про бунт, про пожар, про попытку остановить гибель работников.

– А остановить гибель пациентов вы пытались? Или они для вас уже не люди? – Задал вопрос один из милицейских.

– Я пытался. Пытался! Но это было бесполезно. Они буквально разрывали людей на куски!

– К сожалению, но из-за пожара, устроенного вашими же руками, мы не можем установить правдивость ваших слов, так как всё здание сгорело. И все тела внутри него, тоже. Это, знаете ли, усложняет не только нам работу, но и жизни родственников погибших...

На этом милицейские закрыли папки, в которых изредка делали пометки и удалились, ничего не сказав.

Прошло около трех дней. И в дверь палаты Германа Рица постучалась рука знакомого человека. Это был тот самый

Луи Мюзх – корреспондент, автор статей желтой прессы и главный ужас печатного мира тех времен.

Герман Риц, прибывая уже в полном здравии и в ожидании выписки, кивнул головой гостю.

– Здравствуйте, Герман. Мне сказали, что вы способны ответить мне на пару вопросов, конечно, если вы согласитесь. – Вежливым тоном заговорил Мюзх.

– Добрый день, Луи. Я способен немного поговорить с вами. И я так понимаю, мне следует ожидать вопросов по случившемуся пожару и бунту.

– Да. Вы правы. Эта тема – сейчас главный источник вдохновения многих писателей нашего города. И не только нашего. Мне бы хотелось узнать всё от первоисточника.

– Луи. Я думаю, вы уже все узнали и без меня. Были в милицейском участке, в больнице. Были у семей пострадавших и погибших. Чего же вам надо от меня конкретно?

– Я рад, что вы не только сказали истину, но и не ходите вокруг, да около. Конкретно, Герман, хочу знать, как долго вы вынашивали этот план? Как давно вы рассчитывали все переменные и постоянные, чтобы ваши пациенты погибли, тем самым излечившись, а вы остались героем?

– Что? Что вы такое говорите?! – Разразился гром в голове бедного Германа. Он не мог поверить своим ушам... Он... планы... убийство? – Мюзх, вы ужасный человек. Я ничего не планировал. Я пытался спасти людей. Никого не убивал. Уйдите!

– Герман, Герман. Ваша реакция говорит об обратном. Не стоит так волноваться человеку, уверенному в своей невиновности.

И на этих самых словах в Луи Мюзха полетела подушка шокированного Германа Рица.

Мир, казалось, сошел с ума. Или же это был как раз не мир? Герман, ты в порядке? В твоей голове не играет воображение?

Да куда уж там. Боль, ожоги, чувство стыда, страха и предвкушение ужасного не могут быть плодом воображения. По крайней мере, столь разумного молодого и физически развитого человека.

Наступил день выписки. Герман Риц был выпущен на волю.

На улице стояла ужасная погода. Холод, дожди, серые тучи. Не было понятно, раскрашен ли этот мир хоть какими-то цветами, кроме серого и белого.

До дома Риц шел пешком, но не долго. За углом больницы, в которой он пролежал немало времени, и казалось всю жизнь, стоял киоск с газетами. Из изданного было много занимательного. Но было и не меньше поразительного в отрицательном смысле.

Первая полоса газетенки, огромный снимок Германа Рица и сгоревшей психиатрической больницы. А на заголовке ложь: «Раскрыт план врача-убийцы сгоревшей психбольницы»... Автор: Луи Мюзх...

Герман схватил одну из газет и тут же прочитал всё, что этот мерзкий маленький человечек с камнем вместо сердца и с пепельницей вместо мозга написал. Статья прекрасным художественным языком расписала «всё» по мелочам: план Германа Рица, его предрасположенность к насилию, бедных пациентов, невинных жертв рук главврача, мучения сотрудников...

Душа упала в пятки. А земля ушла из под ног. И эти же самые ноги перешли в бег. В воздухе разлетелись листки газеты, а пятки убегающего человека сверкали ярче спрятавшегося за тучами солнца.

Ноги быстро принесли Германа к его квартире. Но вот и остановка. Конец пути. Дверь опечатана. Вещи на лестничной площадке. А на вещах письмо. И в письме строчка: «Приказывается явиться в суд» и дата.

Герман был лишён всего, чем дорожил. Из-за открывшегося следствия по факту гибели множества людей его уволили, у него отобрали квартиру и любимую, хотя и разваливающуюся машину.

Глава 7

На носу судебное заседание. И уверенности в положительном его исходе у молодого человека не было. Дни летели. Не ощущались границы между сутками. Ночи и дни слились. Теперь есть просто жизнь, а точнее то, что от нее осталось.

День заседания. Вокруг здания главного суда города столпилось множество зевак. Все держали в руках тяжелые предметы и газету, где на первой полосе была нашумевшая статья Луи Мюзха. Все кричали проклятия в адрес Рица, оскорбления, угрозы... Кто-то рыдал, кто-то готовил топор...

Германа Рица доставили на автомобиле милиции. Это была вынужденная мера, с целью сохранения жизни обвиняемого. Его вывели из машины учтиво, но, не забывая подтолкнуть, намекая, что нужно было бы поторопиться.

Град из тухлых овощей, камней и прочего мусора посыпался на головы приехавших милицейских и Германа Рица.

– Успокойтесь! Иначе сейчас с ним под одну статью попадете! – заорали в один голос сразу четыре милицейских.

Но град не прекратился, а только усилился. И тогда Герман побежал. Опять бежал. В последнее время его жизнь – это постоянное бегство. Он бежал от себя, от людей, от прошлого. Но куда? В суд.

Суд располагался в старинном классическом здании. Там и здесь виднелись колонны, украшающие фасад. А на ок-

нах размашистой элегантностью расположились украшенные наличники. В помещениях были огромные высокие потолки, ковры на полах, деревянные стулья для присутствующих газетчиков и граждан. Для обвиняемых были отведены неудобные стулья, стоявшие перед самой трибуной самого судьи.

Судья восседал на высоком «троне» за массивной деревянной трибуной, идущей от одного конца помещения до другого и имеющей форму дуги.

Судебное заседание началось. Все встали, вошел судья. Это был носатый старый мужчина, со злыми и острыми чертами лица. Он презрительным взглядом наделил всех присутствующих и сел на свой «трон». Царь местных заседаний. Гроза «района». Опасный тип....

По всем присутствующим людям, которых было около ста пятидесяти, пробежала волна бледного испуга. Такого тяжелого взгляда может пережить не каждый.

Первым свидетелем был вызван Луи Мюзх. Он поклялся своей жизнью, что будет говорить правду и только правду.

– Вы знаете этого человека? – И судья указал на Германа.

– Да. Этот человек – Герман Риц.

– Вы были знакомы до пожара в Психиатрической больнице №1?

– Да, судья, были. Я брал у этого ужасного человека интервью. Во время которого, он показался мне нервным и скрытым человеком. Таким невозможно доверять. Тогда он как

раз посматривал своими хитрыми зенками на мои записи, в которых на тот момент были материалы про убийцу соседнего города. Видимо, ему понравилось содержимое, ведь вскоре он повторил подвиг его кумира.

– Вы утверждаете, что Герман Риц повторил действия уже осужденного убийцы?

– Да, судья. Я это утверждаю. – И в этот момент, можно поклясться, Луи Мюзх насмеялся мелкой улыбкой над Германом.

– Позже, вы встречались вновь. Как вел себя Риц?

– Опять хороший вопрос. Очень подозрительно. Он очень нервничал. Все время отводил глаза. Он скрытный.

– Спасибо, мистер Мюзх. Следующим свидетелем выступает секретарь мистера Германа Рица.

Адвокат Германа, как это полагается в случаях, когда обвиняемый не имеет средств нанять частного, был государственным и носил сугубо фактический характер. Он не влиял и не хотел влиять на происходящее.

Секретарша Германа, та самая особа, черты которой невозможно уловить, заявила, что Герман Риц осознавал, что делал. И он полностью виноват в случившемся. Ее сторону поддержали все в зале суда бурными овациями.

По сути, Германа Рица обвиняли как в бунте, так и в гибели людей во время этого бунта. И у всех сложилось такое впечатление и мнение, что он специально развел огонь, чтобы убрать следы своей вины.

Остался последний свидетель, спустя полчаса от начала заседания. И этим свидетелем был Савелий Оснач.

– Вы знаете этого человека? – начал судья.

– Да. Он мне хорошо знаком. Это Герман Риц. Хороший человек, трудолюбивый специалист и замечательный собеседник.

– Разве хороший человек может быть главным подозреваемым в убийстве людей? – Раздался грозный и тяжелый голос судьи.

– Может, если это ошибка.

– Или ошибка то, что Герман Риц – хороший человек. Как Герман Риц получил свое место главврача в столь юном возрасте?

– Талант и усердие. – Твердо заявил Оснач. И в этот момент, опустившаяся голова Германа приподнялась, и Савелий увидел грустные, почти опустевшие эмоционально глаза некогда живого и яркого человека.

– Или угрозы и шантаж? Савелий Оснач, вы в суде. Вы не можете лгать. Скажите, вы, будучи талантливым и умным, могли стать главврачом такого серьезного учреждения в возрасте до сорока лет?

– Нет. Не мог. – Со вздохом сказал Оснач, чувствуя свое поражение.

– То есть, вы допускаете, что Герман Риц манипулирует людьми в собственных интересах. Значит, он способен на корысть, вред и порчу. Спасибо, Савелий Оснач.

И единственный заступник Германа был подавлен «железной» логикой судьи, явно не желавшего отпускать Рица на свободу.

Вердикт был ожидаем. Германа Рица приговорили к пожизненному заключению в тюрьме.

Глава 8

После оглашения вердикта, Германа Рица силой затолкали в заранее подготовленный автомобиль милиции. Машина тронулась с громким и ядовито-серым выхлопом, и отправилась туда, где даже волки бояться жить и умереть от голода.

Толпа звереющих лиц накинулась на машину милиции в тот самый миг, когда колеса сорвали автомобиль с места и пустили его в совсем невеселое путешествие.

Герман Риц, брошенный судьбой в автомобиль, раскачивался из стороны в сторону. Причиной этому было резкое снижение температуры и каждая кочка, пойманная водителем, кажется, нарочно.

Не зная, сколько времени прошло с момента начала пути, Герман пытался осознать, что происходит. Потеря во времени, пространстве и даже в собственном разуме не давали сосредоточиться. «Что есть? Где есть то, что есть я? Что за чушь?! Не это важно! Соберись! Куда меня везут?»

И пока температура падала все ниже, а дорога становилась все неровнее и неровнее, мысли Германа вихрем уносили его в далекие полки своего разума.

«Так, если меня направили в тюрьму для пожизненного наказания, то мне стоит готовиться к худшему соседству в моей жизни»...

Герман Риц был прав. Ему была уготована особая компа-

ния. Особая комната и особые условия.

Наконец, автомобиль стал останавливаться. Колеса замедлились и в какой-то момент резко встали. Риц ударился головой об стену автомобиля со внутренней стороны.

«Не мешок с картошкой везете!» – подумал свежеспеченный заключенный.

Раздались мужские и серьезные голоса. Было плохо слышно, о чем говорили там, на воле. Из машины Риц слышал лишь отрывки. Часто слышались слова «мать», «хватить его за ногу», «не гони» и «не работа, а жуть»... Правда, есть подозрения, что некоторые слова были искажены Германом в его сознании, и они носили явно более агрессивно окрашенный характер.

Снаружи загремел замок, и лучи тусклого и печального света ворвались в тьмой осажденное пространство автомобиля. Герман был немного ослеплен, но быстро пришел в себя, когда его нежное лицо соприкоснулось с разрывающим своим холодом кожу снегом.

Тюрьма. Здание, я вам скажу, совсем неприглядное. Это старинное, пошарпанное здание с деревянными окнами и железными решетками. Имело оно неправильную форму, как-то забавно возвышалось по середине и достаточно типично спадало к краям. Каждое боковое крыло состояла из трех этажей, а центральный корпус из шести. На самой крыше установлен источник дополнительного освещения. А где-то на заднем дворе лаяли собаки.

За спиной Германа Рица осталась свобода и забор с колючей проволокой, не очень-то и скромно намекающий о вечной боли.

Германа толкнули, и он пошел. Уверенно, с поднятой головой. Нет смысла сейчас испытывать страх. Ведь, что произошло и что решено – не изменить. В этом случае точно.

Войдя в здание, Риц не был охвачен взглядами заключенных или охраны. В зале, куда он вступил, никого не было. Совсем никого, кроме, если только, одной женщины в форме, стоящей за стойкой и прямо по центру.

– Кто в этот раз? – громко задала вопрос эта дама.

– Поджигатель-убийца. Имя – Герман Риц. Вам должны были доложить

– Ах вот значит как в наше время выглядит псих-убийца. Н-да... Мельчает нынче криминалитет. – И исказив свой рот улыбкой, явно насмешливой и совсем не радушной, она указала на левую дверь за своей спиной.

Германа тут же толкнули и повели в назначенную дверь.

За дверью его ждали камеры. Множество камер, установленных в коридоре по всем стенам. В них, то там, то тут сидели люди. И сидели – в двух смыслах. Они презрительно, из подо лбов оглядели новенького, не издав ни звука. Все их мысли не должны были коснуться ушей охраны.

Но Рица вели дальше. Они с охранником прошли весь коридор, но так и не выделили новенькому комнату. Закончились камеры, и показалась дверь. Ее открыл один из охран-

ников, легким ударом ноги. И судя по черной размазанной грязи на ней, он не первый, кто проделывает данный трюк.

За дверью показался стул с завязками на подлокотниках. Герман начал ощущать легкое дуновение холодных неприятностей. Новенького усадили на стул, ему завязали руки и приказали молчать. Охранники ушли, и на их место, через минут пятнадцать мучительного томления Рица, появилась какая-то совсем незнакомая особа женского пола в медицинском халате. Своими сильными рука, полностью отработанными липидами, она раскрыла рот заключенного, осмотрела его голову, его руки и ноги. После чего спокойно удалилась.

Прошло еще минут двадцать, и в комнату, полностью обделанной белой старой плиткой, зашел мужчина в халате. В руках он держал нож.

Герман испугался. Что за незнакомец, да еще и с ножом?

Не успев закричать от страха, Герман почувствовал, как холодное лезвие ножа незнакомца разрезает всю его одежду. Оставшись совершенно голым, привязанным к стулу, Герман продолжал ждать дальнейших действий. Мужчина в халате положил нож и взял в руку специально подготовленное лезвие, мыло и мокрое полотенце. Через пару минут и несколько десятков легких движений, Герман Риц остался без волос. Совершенно. Ни одна часть его тела больше не знала, что такое защищенность.

Казалось, хуже не будет. Но будет... Германа Рица окатили холодной водой, прямо из таза. Было ощущение, что

это даже не вода, а растопленный снег. Мокрому Рицу дали одежду и голым его отправили в камеру, что должна была стать для него домом на всю оставшуюся, возможно не долгую, жизнь.

«И разве это камера?» – подумал Герман Риц, осмотрев практически полностью лишённое света помещение квадратной формы. Сырость, темнота, холод. Везде были отпечатки прежних жильцов. Из всей мебели в камере было две койки, подвешенные на железных цепях, железная раковина с краном и дырка в полу, для понятных нам с вами вещей.

Руки Рица потянулись к лицу, дабы закрыть искривленные его черты, омытые слезами. Его одолевало мерзкое чувство беспомощности, слабости и безвыходности. Вдруг страшное чучело вылезло из темноты и холода дальнего угла. Охрипшим голосом утопленника попыталось оно заговорить, но выдало лишь жалкие звуки: – Агрххх. Агркххх.

Риц, услышав эти стоны рожающего слона, выглянул из-за ладоней своих. Перед ним стоял человек, искривлённый телом и заросший грязными коричневыми волосами. Его лицо было покрыто еще не совсем длинной бородой и присохшей парашей. А голова этого человека дёргалась непроизвольно, как будто пыталась сбросить всё лишнее с себя.

Тело незнакомца было почти нагое. Лишь серая тряпка, некогда служившей рубахой, была повязана на поясе и скрывала все совсем уже не интересные места.

– Кто вы?! – почти на срыве, но не на амфетамине, закри-

чал Риц. Бедный молодой человек был на грани. – Не смейте ко мне приближаться! Я еще не успел пасть на моральное дно. Не нужно пытаться надругаться надо мной!

– Ха. – Тошнотворная мерзкая озвучка. Кто догадался найти труп и дать ему слово? Иначе невозможно объяснить этот голос. – Не уж то ты думаешь, что я хотел тебя тронуть? Накой мне ты сдался? Что?! Боишься?

Герман прижался к стене еще сильнее. Сердце его сначала остановилось, а потом резко принялось биться всё быстрее и быстрее, тяжелыми ударами пульса ударяя по голове.

– Бойся! Все правильно. Ведь только страх в этом месте поможет тебе смириться с неизбежным.

– С чем же? – сухо спросил Риц.

Но незнакомец не ответил. Лишь перекосил свой рот в нечто похожее на жалкую усмешку.

– Отвечать, я так понял, здесь не принято. Только и можно, что запугивать.... Кто ты?

– А с какого дьявольского котла, я должен тебе отвечать? А?! Щенок. Я... я твой любимый сосед по койке, ДОРОГУША.

Незнакомец вернулся в свой угол и сел на пол. Он раздвинул ноги начал царапать чем-то острым напольные камни. Всё время его рот двигался, голова дергалась, а волосы разлетались в разные стороны. Герману Рицу стало интересно, что этот человек может «писать» или «изображать» таким образом.

Интерес обуял Рица, и он смог на миг забыться.

– Что ты делаешь? – спросил Риц.

Незнакомец резко взглянул на Германа обезумевшими голодными глазами.

– Ты! Ты... – и он задумался. Этот почти голый, грязный тип всё еще мог думать. Поразительно. – Я пытаюсь сломать пол и сбежать. Но... – тут он замолчал и переглянулся, пытаясь увидеть кого-то по сторонам. Но лучше, конечно, не увидеть. – Это секрет. И если ты о нем расскажешь хоть кому-нибудь, я отрежу тебе язык этим камнем. – И он вытянул вперед руку, в которой был заостренный каменный обломок.

– Я не расскажу. – «Мне и не кому». – И как твои успехи?

– Взгляни сам!

Риц встал с пола и подошел в угол к незнакомцу. Под его ногами оказалось два серьезно расшатанных камня, один полностью изъятый и куча других, лежавших неприступной основой.

– Понятно. – И Риц отошел. Он сел на свою койку и продолжал смотреть. В нем играл настоящий интерес. Интерес как для психиатра, так и для заключенного, желающего сбежать из этого места. – Я, кстати, Герман. Теперь мы хоть что-то знаем друг о друге.

– Герман? Герман... – и нагой прищурился. – Это имя не подходит для тюрьмы. Заведи новое. Только «крыса» уже занято.

– Тобой?

– Да.

«Замечательно. Живу теперь с крысой».

– И кто тебя так обозвал? – заинтересовался Герман.

– Я сам. Мне другие не нужны, чтобы знать, кто я. – Крыса не отвлекся от своего дела, когда отвечал без охоты Герману.

Вот только Герман заметил на теле Крысы татуировку, с изображением животного, в честь которого был назван.

– А ты тут давно? – Риц предполагал, каков может быть ответ. Этому человеку точно дали не два месяца за «украденную» девственность дочери прокурора....

– Три камня уже. Три. – и Крыса почесал свою бороду. – Но ничего. Скоро выйду.

– А тебе не страшно, что тебя поймают?

Крысе не понравилась эта мысль. Он тут же вскочил и направил свое «оружие» на Германа: – Ты что-то знаешь?! Отвечай! Отвечай...

– Нет! нет, нет! Я просто спросил! Опустит эту штуку! – закричал Герман, поднимая руки.

– Страшно? Страх всегда и везде. Тем более здесь. Но по сути от страха нет ничего, что могло бы жить без человека. Нет человека – нет страха. Искусственно выработанная параша нашего сознания, вот что это. А ты?! Ты думаешь, что боишься тюрьмы. Но нет! Ты боишься, что тебя убьют в тюрьме. Или, боишься темноты? Испытываешь жуткий страх при виде темного коридора? Но нет! Ты боишься не темноты, а той кошмарной твари, что схватит тебя, пользуясь темнотой,

и убьет тебя. В конечном счете, всё подводит к тому, что мы боимся смерти. И страх – это не страх чего-то, это страх смерти. Всегда. Ты вот боишься смерти... И правильно делаешь.

Герман был шокирован. Откровения заключенного, пытающегося по камню разобрать тюрьму, одновременно впечатлили его и напугали. Особенно напугал тот двусмысленный взгляд в конце речи.

Наступила ночь. Охрана снаружи приказала заключенным забросить свои туши на койки и лечь спать.

Спать в таком месте Герману показалось весьма любезным жестом со стороны охраны и «друзей по камере». К тому же, вместо чистого кипяченного белья укрываться пришлось разрезанным пополам старым льняным мешком из под картошки, очистки которой в здешних краях заливают кипятком и называют супом.

Герману удалось заснуть в самый разгар ночи. Луна стояла высоко над тюрьмой, собаки за стенами смолкли, а охранник захрапел пуще прежнего.

Вдруг, Риц проснулся от боли в ногах. Он раскрыл глаза и тут же вскричал, вопя во все горло. Крыса, обезумев и совершенно потеряв человеческое лицо, пытался отгрызть ногу Германа. Он зубами вцепился в лодыжку, а руками пытался оторвать её.

– Охрана! Охрана! – завопил Риц. Одновременно с этим, он пытался другой ногой отбиться от «соседа», нанося удары

ему пяткой по носу и по лбу.

В конечном счете, Крыса со сломанным носом отпустил лодыжку Германа и в миг удрал к себе на койку.

Охрана пришла. Но было поздно. Герман лежал на койке и истекал кровью. Крыса всё-таки успел откусить крупный кусок своим ртом. Но он тоже лежал и истекал носом кровью, а в зубах держал «трофей».

Герман еще не осознавал, но где-то в глубине души понимал, что чувствовал боль совсем иначе. Видел он перед собой откусанный кусок плоти – а боль чувствовал, как будто порезал палец.

Лицу кинули в камеру чистую тряпку и воду с небольшим флаконом водки. Вместо бинта предложили перевязать больной участок собственной одеждой. Объяснили это тем, что врача не будет до самого утра.

– Тебе еще повезло, что проснулся. Эта тварь уже троим не только ноги пооткусывала. У него, кажись, слюна то, ядовитая... никто ничего не чувствовал раньше. Везунчик.

Герман обработал рану, часть водки вылили на ногу, а другую на печень через рот. Больше глаз он не смыкал.

«Больше не буду спать. Ночью уж точно».

– Теперь понятно, почему ты назвал себя Крысой! Тебя травить надо! Если ты ко мне еще раз подойдешь, я сделаю так, что ты больше не сможешь ходить. И вынесут тебя отсюда ногами вперед! – Герман был зол. Он понимал, что если проявит сейчас слабость, то проиграет не бой, а жизнь. Он

решил бороться.

Утро наступило так, будто и не хотело наступать. Риц уснул и тут же был разбужен охранной. Начался день, когда порядки диктует охрана и есть четкий распорядок дня.

Следующую ночь Герман пытался не спать. Он всматривался в своего безумного соседа с дьявольским голосом умирающего трупа.

Как-то раз Герман решил схитрить. Он прикрыл глаза и наблюдал, как поведет себя Крыса. Риц сидел, притворившись спящим, недолго, и вот Крыса вскочил и, используя сразу все четыре конечности, пополз бегом к своей жертве. Какой шок был в его глазах, когда подкравшись к жертве, он получил быстрый и болезненный удар по самой челюсти. «Черный экран» в глазах ослепил Крысу. В это время Риц нанес еще пару ударов, повалив врага и избивая уже того ногами.

– Я же сказал! Не подходи! – И Герман быстро остановился. Он понял, что с ним начинают происходить страшные вещи.

Последующие ночи не задались тоже. Герман, сменивший свою политику поведения, попытался, как врач, понять своего соседа.

– Крыса, что тебе от меня надо?! Скажи! Что?

Но Крыса не отвечал. Он лишь смотрел. Молча. Его рот лишь иногда искажался для выражения презрительной улыбки.

– Я хочу понять, кто ты, почему ты здесь, и что тебе от меня надо?!

Молчание. Лишь тишина. И храп охранника.

Так прошло еще пару ночей. А Герман уставал. Все больше и больше. Бессонные ночи начали сказываться на его сознании. Теперь у него были искусанные руки собственными зубами, как напоминание о попытках не спать. Синяки под глазами. Смертельное желание спать. Раздражительность. Он устал, был напуган и совсем один против всех. На лице Германа стали выступать слезы. Слезы от нежелания жить при страхе, уничтожающим его сильного и рождающего его слабого.

Наступила ночь, ставшая началом решения.

Герман уснул. Его силы закончились. Глаза были не в силах терпеть нагрузку бессонных суток, а то уже и недель. Крыса пронюхал, что его цель стала слаба. И он вышел на охоту.

Крыса около часа кружил над Германом, пытаясь понять, уловка ли это в очередной раз или нет. Поняв, что всё чисто, он набросился на Рица в попытке задушить его голыми руками. Риц «очнулся» и увидел над собой грязное, вымазанное в застывшей крови и свежей слюне лицо. Лицо искаженное самой смертью... Это был не человек, это был сам кошмар.

Риц стал руками и ногами отталкивать Крысу, в надежде, что хоть кто-то услышит звуки борьбы и придет на помощь. Но никто не шёл. Тогда Герман нашупал кусок картофельно-

го мешка и, намотав его на горло врага, стал в ответ душиТЬ его. Крыса, почувствовав слабость в теле и силу в своих пла-нах, отпустил Германа.

Риц был напуган сильнее прежнего. Теперь образ Крысы пропитал все нервы нашего молодого психиатра. Герман по-нимал, что превращается в психически больного человека. Начались галлюцинации. Часто он слышал, как кто-то его зо-вет, протяжно и с отвращением. Но когда он смотрел туда, откуда, по его мнению, шли звуки, то никого не наблюдал. Образ Крысы виделся повсюду: на стуле вместо охранника, в соседних камерах, в коридоре с напряженным взглядом на-против решётки. Каждый шорох и звук были для Германа предвестниками смерти.

Герман стал опускать руки. По ночам, чтобы не спать, он начал биться головой о стену, истекать кровью, чтобы чув-ствовать боль и знать, что не спит. Он готов был сдаться. Ему так хотелось просто лечь, закрыть глаза и спать. Без образов, без страха, без голосов. Только он, койка, мешок из под кар-тошки и тишина. Ему так мало стало нужно для счастья.

Крыса был рад. По его лицу было видно, что он ждет три-умфа.

Неужели Герман уйдет? Уйдет по своей воле в мир мерт-вых?

«Я так хочу спать. Я так хочу, чтобы весь этот кошмар закончился. Почему? Почему это происходит?» И Риц начал пытаться найти ответ.

Находясь в поисках ответов, невозможно просто спросить человека или группу незнакомых лиц о том, были ли они в твоей ситуации, особенно, если ситуация непростая и даже граничащая с мистикой. Эти взгляды, расспросы, чрезмерное стремление помочь делают только хуже, нагоняя страх за собственный рассудок. Отвращение, навязывание докторов и препаратов, специалистов с дорог и витрин, газетных хитрецов – всё это приводит к тупику и пониманию, что в данной ситуации ты один. И никакого прямого контакта с людьми быть не может.

Остается одно, то, что накапливает в себе опыт других, живших когда-то, и когда-то почивших. Остаются книги, документы, истории и легенды. Каждая даже самая тонкая ниточка, напоминающая жалкий намек на схожесть ситуаций, воспринимается как что-то важное, что-то спасательное и духоподъемное.

Тяготение к знаниям и понимание вышесказанного привели Германа в тюремную библиотеку. Библиотекой в том месте называли полуподвальное помещение с железными стеллажами из сломанных кроватей, наполненными газетами, книгами без обложек, обложками без книг, вырванными страницами и стихами на пожелтевших кусках пожухлой бумаги.

Герман разобрал все бумаги на полках, систематизировал всё по содержанию, присвоил систему нумерации для полок, чтобы удобнее было находить необходимое.

В один день, когда Герман был у полки номер 12 и разглядывал совсем старую книжонку с легендами северных народов, тихий шепот раздался из-за спины молодого врача. Герман ощутил, как книга почти падает из его рук и желание закричать усиливается с невыносимым для контроля эффектом.

– Кто здесь?!

Хруст. Где-то вдалеке перелистнулась страница.

– В библиотеке кричать, молодой человек, неприлично. Не по правилам. – Послышался вполне приятный, даже интеллигентный мужской голос.

– Если бы вы не шептались у меня за спиной, словно дьявол у костра с девственницами, я бы не кричал от испытываемого страха. – Герман говорил громко, делая акценты на словах, что должны были звучать грубее.

– Так тут не выражаются. В ваших предложениях мало нецензурной лексики и слишком много оборотов речи. – Голос собеседника, не выходявшего из за стеллажей, становился всё мягче и мягче. – Я, пожалуй, мог бы выйти к вам.

И на этих словах среди металлических конструкций появился пожилой невысокий бледный мужчина с серебристыми усами и густыми бровями цвета того же металла. Голову окутывали пышные и опущенные волосы. В глазах можно было разглядеть, что незнакомец является человеком умным и сконцентрированным. – Здравствуй. – Проговорил он.

– Здравствуйте. – Ответил Риц, посмотрев на руки незна-

комца. – У вас в руках находится томик одного из лучших произведений Гомера, вы знаете? Если вам нужна бумага для табака, возьмите что-то другое. Например, неназванный стих, автором которого является какой-то Сутулый.

– Уверен, Сутулый не был бы в восторге от вашей идеи. К вашему счастью, что на той неделе он умер от туберкулеза.

– Ох.... А я думала, что он умер куда раньше. Что ж, неловко. – Прошла пауза. Видимо, минута молчания по Сутулому. – Но моих слов это не меняет. Гомера оставьте для чего-то большего.

– Тогда я правильно его использую. Никакого табака, только закладка из картона. Я взял почитать эту книгу. И видимо, вас напугало мое чтение. Я, погружаясь в текст, часто начинаю проговаривать его вслух. – И в этот момент незнакомец пошевелил своим округлым носом, потревожив усы. – Хотел заметить, что вы отлично кодифицировали стеллажи и даже полки.

Беседа о кодификации полок затянулась. В итоге, Герман разговорился и сам не заметил, как дошел неизвестными путями до своей проблемы. Почему то, Риц был уверен, что серебристым усам на лице мужчины можно доверять.

– Ну что ж, – ответил мужчина, – понятно

– И всё? Это всё, что вы можете сказать? Нет, я не ждал советов, но... но...

– Молодой человек. Уж поверьте, ваша проблема не в том, что она есть, а в том, что найти способ ее решения куда слож-

нее, чем может подумать нормальный человек. Загвоздка в том, являетесь ли вы нормальным? Нет, я не говорю вам идти к психиатру, это незачем. Вы не больны. Но могу точно вам сказать, что вы уже давно не нормальный. То, что с вами происходит – явно происки чего-то более высокого, чем материальный человек с его плоским мышлением. С вами происходит нечто темное. Нечто, что невозможно победить, будучи нормальным.

– Вы так думаете?

– Да. А кто же еще так думает? Мы тут с вами вдвоем на всё помещение. Знаете ли вы, чем я занимался до вот этого всего? – И мужчина показал широко распахнув руками на помещение и потенциально на всё здание. – Пред вами ученый. Ученый правительственного масштаба. Правда, правительства местного, одного крупного города.

– Как же ученый таких масштабов мог оказаться в тюрьме такого низкого масштаба, как эта?

– История, мой новый друг, очень длинная. Устроимся удобнее. – И, сев на пол и уперевшись спинами о стену вместе с юным психиатром, усатый незнакомец продолжил. – Однажды, когда было принято решение о разработке канала, идущего от центра города к его окраинам, меня, к моему несчастью, наняли для изучения местной земли. Необходимо было изучить подземные воды, плотность грунта, вид. И всё прочее. Я не мог и догадаться, что эта раскопка станет для меня последней. В один день рабочие наткнулись на

странные каменные плиты, полностью исписанные надписями на неизвестном на тот момент языке. Мной было принято решение: до изучения надписей никаких работ не производить. Я пригласил лучших филологов города. Да чего уж там! Лучших филологов страны. И совместными усилиями, мы смогли понять не только то, что послание было написано на древнем северном языке, но и что содержало в себе это послание. Находясь в страхе, я поспешил на стройку и... Увидел, как каменные плиты сдвигаются рабочими. В тот момент они выпустили проклятие. То проклятие, о котором предупреждали так испугавшие меня надписи на плитах. Проклятие злого человека, владевшего черной магией. В момент своей казни, тот наложил проклятие на свое тело. Он пообещал, что дух его не найдет покоя, но найдя выход из могилы, начнет мстить. В страхе, что проклятие сбудется, тело колдуна было захоронено с телами трех девушек, принявших обряд приношения. Каменные плиты должны были навеки спрятать проклятие. Но оно нашло выход. А строителям не пришло ничего лучшего на ум, как выбросить кости скелетов четырех людей, словно строительный мусор, а плиты установить в канал. Я же со своим стремлением предупредить массы о происшедшем был сослан правительством сюда за «мистификацию».

– А проклятие сбылось?

– О да, мой новый друг. В городе прошла волна случаев самоубийств. Более двадцати человек решило покончить с

собой в одном и том же месте. Причины – неизвестны. Для блюстителей порядка неизвестны, а мне всё ясно.

Тишины настигла собеседников. Герману нужно было время осознать выслушанное, а седому бородачу с добрыми и умными глазами нужно было время, чтобы снова разумом и телом оказаться в тюрьме.

– И что ж с этим делать? – смотря в пол, проговорил Риц.

– Верить в то, что еще не всё потеряно. И даже если ты не видишь ответа или выхода, просто помнить, что он обязательно найдется.

– Даже если этот выход смерть? – Пусто проговорил молодой человек.

– Возможно. Но смерть, знаешь, напоминает больше не ответ или выход, а отсутствие всего. Вакуум. Ведь когда ты умер – *тебя больше нет, тебя никогда не было и больше никогда не будет.* Ты не видишь свет, не видишь лучшие моменты из своей жизни, ты ничего больше не видишь. Тебя больше нет.

– А что же остается делать? Нельзя же просто ждать...

– Остается вера. Не обязательно в Бога. Нет. Достаточно *верить в себя*, верить в то, что дает тебе силу. Можно верить даже в духа воды, ветра или духа поэзии. Не важно! *Остается спасающая вера.*

Разговор был прерван минутой позже охранником, спешившим загнать всех заключенных по своим камерам.

Позже, именно вера в себя, нахождение в себе сил на ра-

зумность и мышление, привели Германа Рица к концу его страданий.

Конечно, наступила ночь. Ночь, хочется заметить, стала для нашего героя еще большим кошмаром, чем раньше. Риц встал со своей койки и прямо направился на Крысу, он схватил его за волосы и прямо в глаза сказал:

– Ты больше не посмеешь ко мне подойти. Я не сумасшедший и не позволю тебе меня сводить с ума. – И Риц достал из-за спины флакончик. Небольшой такой. Но с кислотой. – Я достал ее в кабинете у местного врача. Это сильная кислота. И если мне что-то не понравится, я оторву тебе голову и оболую ее этой жидкостью!

Не успел Крыса ответить, как вдруг над головой Германа пролетело что-то напоминающее собаку, и он взглянул вниз. А под ногами у него оказался пол камеры, полностью разобранный по камешку.

Подняв голову, Риц не обнаружил рядом с собой стоящего Крысу. Всё перед глазами слилось, и он видел лишь темное помещение.

– Герман... – прозвучал знакомый хриплый голос, как будто труп выбрался из болота и пытается оторгнуть всю гниль своего тела.

Герман повернулся туда, откуда шёл звук, в надежде ничего там не увидеть, но увидел ЕЁ. Ту самую омерзительную девушку, что была в его кошмарном сне. Сне! Не уж то это всё всего лишь страшный затянувшийся сон?

– Ты смог...

И внезапно ОНА стала совсем не собой. Она приняла облик Крысы. Он стоял, скрючившись, и тряс своей головой. Взмахнув головой сильнее, вдруг Крыса превратился, представьте себе, в судью, что приговорил Германа к пожизненному сроку. Судья прямо сейчас ударил молотком и стал Луи Мюзом. Посмотрев из под лба на Германа, Луи навсегда исчез. Он растворился в воздухе, чтобы тут появилась секретарша Рица. В руках она держала препараты, что вывели пациентов больницы из себя после передозировки этими таблетками, и флакон со спиртом. Тем самым спиртом, что был разлит умышленно. Герман хотел что-то сказать ей, но не успел. Перед ним вновь явилась ОНА – та, что напугала его самой первой, некогда приняв облик сороконожного монстра. ОНА стояла и молча смотрела на Рица. И вдруг ее левая рука отодвинулась плавно куда-то в бок. Она указывала на что-то. Риц сопроводил взглядом этот жест и на кончике ее пальца увидел где-то вдалеке белый туннель. А дальше вспышка.

И Герман проснулся. Открыв глаза, молодой человек увидел знакомый потолок его дома. Мягкая подушка под головой и запах чистого белья смерили дико бьющееся сердце. Риц ощутил спокойствие.

«Это был всего лишь сон! Страшный сон!».

Радость, восторг обуяли Германа, но лишь на миг.

«А если я всё еще сплю? Может, это снова обман и это

сон?». Не размышляя, Герман укусил себя за руку, пытаясь ощутить боль не притворную, а реальную.

«Ой!» – подумал Риц. «Достаточно больно. Это не сон!». И Улыбка на лице молодого человека засеяла ярче тысячи звезд, в то время, пока синяк формы укуса на руке проявлялся всё четче и четче.

Казалось, всё кончено. Страх остался позади, замурованный в кошмарном сне. Но запомните, страх поджидает нас повсюду.

Страх везде. И не всегда, подобно сну, он может раствориться, оставив шрам в памяти. Страх коварен. Он бьет по самому больному, находя самые уязвимые места. Страх многолик, он может быть чем угодно или кем угодно. И если ты слаб, тебе не смогут помочь. Ни один специалист, врач, друг. Ни одна другая душа. Только ты можешь спасти себя. Нужно только бороться и верить. Нужно быть сильным, иначе в одно мгновение страх заберет тебя.

«Как был всё-таки прав тот уважаемый мною до глубины души психически больной пациент. Действительно, в борьбе против страха приходится переживать несколько стадий. Итак, первая стадия – борьба. Ты борешься против страха, находишь в себе силы сопротивляться ему. Вторая стадия – торг. Или, иначе говоря, попытка понять свой страх. Обычно эта стадия не приносит ожидаемого результата. И тогда наступает третья стадия – истерия. Начинается процесс схождения с ума. Галлюцинации, мания

преследования, регулярное причинение боли себе же... Это переломный момент. Если на третьей стадии человек находит в себе силы бороться, то он переходит на четвертую стадию. Если же нет – то умирает. Умирает или от «рук» страха, или от препаратов в психиатрической больнице, куда его сбазривают родные и близкие. Но, допустим, вы справились. Нашли силы через веру, науку или что-то иное. Вы переходите на последнюю стадию, на четвертую – борьба. Теперь эта стадия вечна. Она будет сопровождать вас всю вашу жизнь. Сначала борьба будет активная, бурная, чтобы придать уверенности вам. Потом она станет менее заметной. Но каждый раз, когда вы будете встречаться со страхом, что некогда ушел, почувствовав поражение, а сейчас вернулся, вы будете на четвертой стадии – вы будете бороться. И желания «понять» страх уже не возникнет никогда. Все ваши силы против страха будут брошены на атаку. Так, начало страха есть, а конца его нет. И даже пройдя все четыре стадии, не получаем необходимого для полноценной уверенной жизни облегчения...»

Глава 9. Поступь к одиночеству

Всё помещение, состоящее из двух этажей, было наполнено людьми не последней масти этого города. Громкая музыка заставляла кружить в танце женщин, а алкоголь кружить головы. Это не был бал, не был день рождения мэра или другого высокопоставленного человека, нет. Это была научная конференция, сопровождаемая банкетными и веселыми вечерами. Именно на этой конференции был назначен главным участником и оратором Савелий Оснач. Коего, еще недавно, наш милый Герман Риц пытался развидеть в своем кошмаре.

– Савелий Оснач! Савелий Оснач! – раздавались крики запыхавшегося человека. – Савелий! Оснач! – не прекращал тот.

Этим уставшим и взъерошенным человеком, со шляпой на голове и с плащом в руках был Герман. Он, позабыв про все правила приличия, этикета и дорожные правила примчался на конференцию в надежде найти здесь Савелия Оснача. Как, собственно, было не трудно догадаться по его громким выкрикам.

На Германа Рица местная толпа ученых и журналистов устремила свои взгляды. Он был белой взъерошенной вороной на этом празднике. Люди отходили от него, люди сторонились его. Все были напуганы его видом и выражением лица. Напряженные вены на лбу Германа были раздуты, воло-

сы не приложены, глаза красны, а под ними сияли синие от бессонницы синяки. Раскрыв рот и не закрывая его, человек напоминал безумца.

И никто не мог и догадаться, взглянув на этого молодого человека, что еще пару минут назад, до того как он сел в свою разваливающуюся машину и примчал на ней сюда, он поставил жирную точку в своем дневнике, где всю ночь изливал душу молчаливым листам. В голове бедного Рица, человека с синяками под глазами, достигающими самих щек, были ураган мыслей и кладезь знаний, а в сердце ноющая боль.

– Савелий Оснач!

Герман посмотрел направо, потом налево, покружился, чуть ни свалился с ног, но устоял. Раскрыл глаза, чуть шатаясь, и встал. Он устал испытывать страх, преследовавший его с последнего возвращения в мир людей. Смертельно устал.

Риц посмотрел вверх, в поиске сил и увидел необъятных размеров шикарную люстру, сияющую сотнями огней. Она свисала с высокого потолка и, казалось, надвигалась своей пышностью на весь тусклый мир. Оторвав взгляд от люстры, Герман всмотрелся в толпу. Толпа, казалось, пыталась напротив, не видеть Рица.

– Савелий Оснач!

И вдруг люди зашевелились. Откуда-то издалека из под балконов стал доноситься шелест. Толпа начала сдвигаться и в ней появилась знакомая Герману голова.

– Герман! Герман, отзовитесь! – раздался голос обеспоко-

енного Савелия Оснач.

– Савелий Оснач! Дорогой! Уважаемый, Савелий Оснач!
Я тут!

Через минуту после этой фразы, люди разошлись, подобно морю перед рострой корабля.

– Савелий Оснач, у меня к Вам важный и безотлагательный разговор.

– Герман, мой мальчик. Что с Вами? – Савелий был шокирован видом своего молодого специалиста. Он никогда не видел Германа в подобном виде или в виде хоть немного напоминающем этот.

– Это совершенно не важно. Савелий Оснач, я прошу Вас меня выслушать.

– Герман, я выслушаю вас. Но прошу, быстрее, не томите.

– Я, Герман Риц, официально прошу у Вас перевода в другую клинику в другой город, желательно, дальше от этого.

Савелий Оснач не мог поверить своим ушам. Он был удивлен.

– Нет. Я даже не хочу спрашивать, почему вы так решили!
Я даю вам свой категорический отказ.

– Тогда я вынужден требовать у Вас согласие на мое увольнение! – Герман начинал нервничать, он пытался сдерживать эмоции, но они выходили из под его слабого контроля.

– Нет! Нет! Мой милый друг, я не могу уволить Вас. Я не могу Вас перенаправить. Поймите же, Вы обязаны отработать определенный период после вашего обучения в на-

шей больнице. Это условие контракта. Вы сами приносили его мне на подписание! Вы что же, его не читали? – Савелий Оснач оставался очень любезным, но его удивление настолько было сильным, что иногда повышенный тон вырывался самостоятельно.

«Что же мне делать?» – опустив руки, подумал бедный юный и талантливый Герман.

Как будто прочитав мысли Германа, опустившего плечи и глаза, Оснач сказал:

– Герман, я вижу как вы устали. Как сильно Вас в последнее время что-то волнует и заставляет переживать. Да, я не могу вас уволить, не могу перенаправить, но я могу дать вам отпуск. – Усмотрев в Рице усталость и изнеможение, Оснач решаете дать юному врачу неделю выходных. – Постарайтесь отдохнуть, не думать о работе. Придите в себя.

На этих словах Савелий протянул руку Герману и удалился, растворившись в толпе черно-белых фраков и платьев.

Музыка заиграла ярче, люди заговорили громче, бокалы зазвенели чаще. Вокруг кружились женщины в танце. А далеко-далеко, на противоположном углу, со сцены убирали трибуну и стулья.

Герман молча ушел, волоча за собой плащ.

Глава 10

Дома Герман Риц захотел отведать чая и успокоить тем самым свои нервы. Он громко включил музыку, пытаясь заглушить свои мысли, и направился к плите, вскипятить себе воды. В руке он держал стеклянную бутылку с холодной водой, когда вода в ковшике подошла к сто градусной температуре и на него обрушилось озарение.

«У меня появилось сейчас огромное желание сидеть на трухлявом бревне среди ночи и тысячи звёзд, слушать музыку и трясти под ритмы не бутылку воды, а бутылку вина».

Эта мысль пробилась сквозь сотни других и ударила в самое сердце Германа. Понимание того, что это срочно нужно сделать вывило юношу из ступора и повелело направить всё свое существо прямо к бару, где стояла одна давно подаренная ему бутылка красного полусладкого вина с южных регионов одной большой и жаркой страны. Схватив вино двумя руками, Риц прочитал надпись на этикетке, и, в виду его полного невежества в вопросах алкоголя (если речь не идет о медицинском спирте), ничего не поняв, решился продегустировать.

«Нет лучшего способа понять неизвестное, как попробовать это, если, конечно же, оно не приведет тебя к смерти».

Удивительный человек. Молодой, удивительный человек, не пивший годами из-за отсутствия компаний и желания,

не имеет практически никакого запаса вина, но зато хранит штопор в самом доступном месте своей кухни. Открыв вино штопором, пришедшим в этот дом вместе с прежним хозяином, Герман, не ища бокалов, начал выпивать вкуснейшее кисло-сладкое вино, выдержанное в дубовых бочках прохладного подвала горячего региона.

Одним глотком юноша выпил треть всего содержимого слегка запыленной бутылки вина. И, ощутив приятное послевкусие с головокружительным последствием, Герман вышел из дома в поисках трухлявого бревна.

О счастье! Какое счастье, что наш герой жил в маленьком городе, совсем не похожем на современные разросшиеся мегаполисы. Он пешком смог добраться до окраины города и найти ближайший лес. Тот самый, что местные граждане намерены переименовать в Городской Парк. И хотя парк, хм, лес, не был оживленным людьми местом, в нем вечером Герман умудрился наткнуться на группу подозрительных лиц.

Идя на пару со своими мыслями, почти не трогая губами открытое вино, Герман не замечал окружающую его действительность. В это время действительность, в качестве пяти молодых накачанных, почти лысых, но привлекательных своей уверенностью людей возрастом до двадцати лет заметила его.

– Пс! Эу! – раздались крики и свисты. Молодые люди своей очаровательной, но пугающей пятеркой двинулись на Германа, смеясь и предвкушая забавный вечерок.

Встряхнув головой Риц наконец обратил внимание на живых существ, медленно к нему подкрадывавшихся. Лицо юного психиатра не изменилось, не показало страха или вообще какой либо эмоции, кроме полной абсолютной отстраненности от всего.

– Да? Я могу чем-то помочь? – вежливо заговорил Герман. – Может, вина? – И он протянул бутылочку вина, совсем не думая, как это может на нем отразиться.

– Вина? – удивлено ответила компания. – Вина можно! Эй, Чарли, доставай стакашки! – Закричал крупный юноша с голубыми глазами и такими притягивающими чертами лица.

Герман разлил почти всё содержимое бутылки с прекрасным выдержанным вином в выдвинутые перед ним руки с переносными стаканами. Риц лил до краев, совершенно не жалея.

– Слушай, ты кажешься неплохим человеком. Да и вино у тебя здоровское. Но вот настроение какое-то совсем фикальное...

– Да. Ты все абсолютно правильно заметил. Хочу побыть со всем этим мешком настроения наедине. Понимаешь? – Грустно посмотрев и делая глоток из горла бутылки вина, проговорил Риц.

– А то ж! Мы тут все такие... Ладно, бывай. Но если что, ты нас не видел.

На этой ноте вся компания и даже верзила Чарли, пожала руку Германа Рица в знак уважения и одобрения его присут-

ствия в этом лесу.

Наконец настали тишина, ночь и уединение. В небе показалось множество звёзд, а надвигающиеся тучи пытались пронестись мимо. Наш юноша нашёл бревно и устроился на нём, примостив свой зад. Подул прохладный ветер, вино, оставшееся на самом дне, было готово закончиться, и Герман решил разжечь костер.

Быстро собрав палочки, досочки и кору, он разжег небольшой огонь. Тепло и свет начали его успокаивать, а искры костра заворачивать. На душе и в теле молодого психиатра заиграло тепло. Он почувствовал, как становится более оживленным, более спокойным и все более напоминающим самого себя.

Последняя капля красного полусладкого скатилась по горлу Германа Рица, ударила ему в голову и приказала идти домой.

Костер потушен, звезды сияют, а под ногами, уходящего в темноте молодого человека скрипит зеленая трава, омытая недавним дождем.

Глава 11 . Не заставляющее себя долго ждать одиночество

«Что такое одиночество? Одиночество это ужасное состояние души. Когда тебе кажется, что никто в мире, во всей вселенной не может тебя понять. Когда ты хочешь исчезнуть, не родиться. Когда ты никому не нужен, всем нет дела до тебя. Когда слезы твои друзья, крики внутри груди твои близнецы. Когда ногти скребут изнутри, а в голове пустота или хуже – мрачные мысли о сне, бесконечном, темном страшном сне. Одиночество – это просыпаться и засыпать одним.

Быть одним, когда окружает толпа.

Не искать выход, стоя в дверном проеме.

*Чувствовать себя нелюбимым, всеми ненавистным.
Быть опустошенным...»*

Весь отпуск Герман Риц провел за отдыхом в собственной квартире, сидя в удобном кресле и читая книги. Горячий чай, интересная литература, плед и редкие прогулки на свежем воздухе помогли юному врачу восстановить силы и выйти на работу в указанное Савелием Осначом время.

Ожидания томили Савелия, стоявшего на первом этаже больницы. Он посматривал на часы и переступал с пяток на носки. «Ну где ж он ходит? И придет ли?» – размышлял главврач.

Дверь открылась, и легкой походкой вошел Герман Риц. Он как всегда сиял улыбкой, хорошим настроением и предвкушением рабочего процесса.

– Доброе утро, Савелий Оснач. Я снова с Вами и снова готов работать. Поспешим же. – Заговорил Герман.

– Доброе утро, Герман. Я рад вас тут видеть. Честно вам признаться, во мне были сомнения по поводу вашей явки сегодняшним утром. Но вот вы здесь, и все мои сомнения растворились.

– Савелий Оснач, прошу дать мне минуту, и я буду готов к обходу.

– Герман, у вас есть целых три минуты. Идите, переоденьтесь, я же буду ждать вас на этом месте.

Риц удалился, скрывшись в служебном помещении, а настороженность Савелия Оснача всё еще играла в его нервах и сердце. Он был крайне обеспокоен психическим состоянием своего юного подопечного с их последней встречи. В голове главврача образовался, словно ноющая опухоль, необычный план проведения обхода.

Савелий Оснач планировал провести Германа к пациенту, диагноз которого было установить достаточно просто. «Если он не справится с этим, то нет смысла его держать за вра-

ча в нашем учреждении. Найду ему работу попроще, ту, что убивает нервные клетки в меньших масштабах» – размышлял Оснач.

Герман явился через две минуты с начала своего ухода и был готов покорять вершины и лечить больных. Сейчас, отдохнув и восстановившись, он чувствовал силу. Страх почти не беспокоил его, а лишь иногда потоками истерии напоминал о себе в темных коридорах квартиры.

Молча качнув головами, врачами был дан сигнал к началу работы. Юный психиатр и его опытный наставник поднялись на свой этаж. Теплый свет окутал помещение с его узким коридором. Пациенты в своих комнатах радовались приходу тепла в их покрытые холодом жизни. Страх становился для них менее явным, а радость заполняла части их тела постепенно, не давая к себе привыкнуть.

Лишь где-то в стороне раздавались крики человека, находящегося в бредовых состояниях чаще, чем Риц у себя дома.

Савелий Оснач обратил свой взор на лицо Германа, желая увидеть на нем лишь спокойствие. Он был удовлетворен результатом, полностью оправдавшим ожидания. Герман шел решительной походкой со спокойным выражением лица, светлыми и ясными глазами и легкой улыбкой. Его волосы слегка покачивались на ветру, а очки отсвечивали солнечный свет. Лишь бледная кожа и небольшие синяки под глазами, покрытые синевой, напоминали о еще недавнем срыве.

Дойдя до комнаты больного № 233, психиатры остановились. Савелий Оснач заговорил первым:

– Герман, прошу Вас, посмотрите на данного пациента. Скажите, каков диагноз вы могли бы установить?

Герман посмотрел на человека, стоявшего внутри клетки. Пред ним была женщина средних лет с обеспокоенным, даже возбужденным лицом.

Заметив двух врачей, стоявших перед ее комнатой, она тут же заговорила.

– Здравствуйте! Не правда ли сегодня такой чудесный день? Даже не хочется, чтобы вновь наступала ночь. Но как же без неё? – женщина во время разговора всё время размахивала и странно двигала руками, пытаясь найти для них применение и место.

Герман рассматривал поведение пациента, пытаясь уловить самые маленькие детали, которые могли бы сообщить о диагнозе. Он практически не вслушивался в слова женщины, понимая их непричастность к поставленной задаче:

– Хотя, честно, вставать совсем не хотелось. Точно так же как и вчера. Ну что же вы молчите? – Речь ее становилась все более навязчивой. Ее желание поделиться своими мыслями, не замечая желаний других слушать эти реки слов наполненных и опустошенных смыслом, подводили Германа к первой догадке.

Лиц резко перебил собеседницу и сменил разговор на интересные его темы:

– Что вас беспокоит? Может, вам не хватает чего-то?

– Что беспокоит? Знаете, у меня нестерпимо болит всё тело. Какая-то смертельная болезнь поразила всю меня. Я умираю. А в этой больнице всем это абсолютно безразлично. Я не вижу людей, я вижу бездушных тварей. Простите доктор, но как можно сказать иначе, когда я говорю о болях, прошу дополнительных обследований, а мне нагло врут, что я здорова?

Герман взял в руки историю болезни пациента №233, прочитал ее и акцентировал свое внимание на записи: «Проведены обследования органов на наличие заболеваний. Все органы были тщательно изучены. Патологий не обнаружено. Пациент физически здоров». Далее шли результаты обследований. Герман их рассмотрел и согласился с вышеизложенной ремаркой.

– Очень странно. – Продолжил Риц. – Мы с этим обязательно разберемся. Ну а как вы спите? Удобно ли? Ничего не беспокоит?

– Молодой человек, сплю я очень плохо. Помимо болей в теле, тревога и грусть так сильны, что заполняют время сна своими проявлениями. Я часто чувствую из-за этого безысходность.

Герман покачал головой и задал последний вопрос:

– А для чего вы живёте?

Женщина удивилась вопросу.

– Я? Как вы... Я не знаю. Я не могу понять, хочу ли я

вообще жить. У меня нет цели. Я всё потеряла в своей жизни. Все возможности. Все человеческие связи. Я всегда одна. Меня не понимает семья, которая оставила меня здесь. И меня не понимают ваши врачи, врущие о моём состоянии здоровья. При этом я всегда в четырёх стенах. Мне не с кем поговорить. Некуда деть энергию, когда она есть. Мне не дают книг и красок. А, если честно, между грустью и нежеланием просыпаться, я всегда хочу быть занятой, хочу чувствовать, что ещё что-то могу сделать. – И на этих словах она опустила свою голову, погрузившись в меланхолию.

Герман Риц, поблагодарил пациента за общение и повернулся к Савелию Осначу, пораженному умением подопечного разговорить человека.

– Прошу, давайте обсудим мое решение не здесь. – И молодой психиатр глазами дал понять причину этого решения.

Оснач качнул молча головой и развернулся к выходу.

Уже на первом этаже, ступая ногами по последним ступеням у бело-черного «шахматного» пола, Риц заговорил.

– Однозначно могу сказать, что пред нами только что был случай инволюционной депрессии.

Савелий не решился показать своих эмоций, но зато потребовал аргументации.

– У пациента наблюдаются чувства никому ненужности, одиночества, «отсутствия цели жизни», безысходности. Частое ощущение грусти, наступление меланхолии свидетельствуют с вышеуказанным о наличии депрессии. Дальше, ко-

нечно, встает вопрос, какого вида депрессия? Именно наличие таких симптомов, как: наличие идеи о смертельном заболевании, обвинение всех в бездушности, суетливость, возбужденность и навязчивость в общении, являются отличительными признаками именно инволюционной депрессии.

Савелий Оснач замер. Он был восхищен.

– Bravo! Bravo, мой юный коллега. Абсолютно верно. Всё сказано точно, замечено абсолютно правильно. Честно, ещё утром я сомневался в вашем здравомыслии. Но сейчас! Сейчас у меня нет ни капли сомнения в вашей работоспособности. Итак, с возвращением, наш разумный Герман Риц.

Главврач хотел уже молча удалиться, но юный психиатр его остановил.

– Савелий Оснач, а можно ли, каким либо образом, обеспечить пациента №233 красками или книгами? Могу даже, если разрешите, самим присматривать, чтобы пациент не навредил данными предметами своему здоровью.

Оснач приподнял брови, то ли от раздумий, то ли от одобрения, и ответил:

– Обеспечим. Раз уж вы считаете, что это поможет в лечении, обеспечим. Но вы, вы мне пригодитесь в других вопросах, не стоит вам присматривать. Для этого у нас есть другие люди.

Так, Герман Риц прошел проверку и обеспечил пациента источниками культурного развития. Он был горд, доволен и крайне счастлив. Только одна мысль нагоняла тучи на его

юнюю голову...

«Значит грусть и отсутствие смысла жизни... одиночество... Кажется, меня ждёт что-то крайне печальное и мрачное».

Мысль не выходила из головы. Герман, понимая, что все события связываются каким-то образом с переживаниями пациентов, начал морально готовиться к величайшей грусти всей вселенной. Но возможно ли быть к этому готовым?

Оставшийся день прошёл странно. Неожиданным образом все люди, окружавшие Германа, как будто перестали его понимать и видеть. Его слова пролетали мимо их ушей. Его шутки были не смешны, пока другой не пошутит ими же. Он не видел, чтобы хоть кто-то за весь день посмотрел точно ему в глаза.

Время начало тянуться. Солнце медленно уходит за горизонт.

Наступило прекраснейшее время суток – сумерки. То время, когда свет не ослепляет тебя, а ночь еще не обрушилась своей темнотой на твое пугающееся всего воображение. Сумерки – это еще не ночь, но уже не вечер. Переходная зона, окутанная слабым светом и первыми блесками звезд. Тонкие линии плывущих облаков укрывают небо, придавая ему сказочный вид.

Свет фонарей, свежесть и прохлада, нежно потемневшее, но еще достаточно светлое небо создают атмосферу благоприятную для полного спокойствия. И именно в этой обста-

новке, Герман получил знак судьбы.

Неожиданно, с едва уловимым шумом, по лестнице тонкой струей посыпался золотистый песок. Никто, казалось, не видел его, никто, кроме Германа. Он поднял свою голову, устремив взгляд на потолок, и прислушавшись, пытался распознать источник.

Поднимаясь всё выше и выше по лестнице, он преследовал золотистый песчаный ручей в ожидании увидеть его источник. Оказавшись на злополучном этаже, он увидел дверь, тихо стоявшую и совсем не излучавшую всем своим видом и энергией ощущения опасности. Весь порог ее был засыпан песком, что от порыва ветра вздымался ввысь.

Не испытывая больше страха перед дверью, Герман сам открыл ее и вошёл в комнату. От сквозняка, дверь захлопнулась, заставив молодого врача слегка подпрыгнуть.

Риц осмотрел стены и углы, и остановил свой взгляд на тёмном плывущем по углу пятне. Юный психиатр подошёл к чёрному двигающемуся углу, медленно протянул к нему руку и коснулся ладонью переливающееся чёрное нечто.

Глава 12. Одиночество

Здесь была и будет пустая асфальтированная дорога с потрескавшимся покрытием. Здесь была и будет пустыня. Тут под ногами только земля, а вокруг поднятые ввысь неоощаемым ветром крупинки золотистого песка, что создают пелену и затуманенное пространство. Здесь так пусто, как пусто на душе у одинокого, и нет тут этому одиночеству ни края, ни конца. Тут нет даже плоского неба с монстром над головой, нет платформ и возможностей выбраться. Здесь нет ничего, кроме дороги, по которой приходится идти одному. И нет ничего, кроме их... силуэтов. Там и тут, словно миражи, появляются и пропадают люди, картинки с сюжетами. Шумные эпизоды и тихие встречи. Женщины и дети. Семьи и одинокие странники жизни.

Они проносятся мимо, не касаясь своими размытыми контурами. Их жизни, их истории – только для них.

Герман стоял по среди этого быстроменяющегося и обладающего иллюстрациями мира, и ощущал полное отсутствие физического существования. Всё в том мире напоминало чьё-то воображение или чью-то память. Но нет... это был мир полного и бесповоротного, круглого одиночества. Одиночества, наполненного пустотой. И здесь нет накапливающего осадка. Здесь есть только реальность и сражающее пси-

хику отчаяние.

Герман смотрел на сменяющиеся миражи, пролетающие мимо и исчезающие где-то впереди, сбоку и сзади. Он стоял долго, ему не приходила в голову ни одна хорошая или хотя бы какая-то идея. Он просто проживал этот момент, в надежде не быть замурованном в этом обделённом красками мире.

И хотя краски мира делали его обделённым, голоса же мира делали его насыщенным. Рицу неожиданно стрельнул в голову детский голос, выведший его из транса. Он оглянулся и увидел маленькую девочку, идущую с мамой за руки. Она громко обсуждала с женщиной какой-то вопрос, одновременно скача на двух ногах.

Герман помчался к этой паре сломя голову:

– Простите! Извините! Могу ли я к вам обратиться? – задыхаясь, проговорил Риц, почти крича, подбегая к матери с ребёнком.

Они взглянули на него испуганным взглядом, но промолчали.

Герман, подбежав, слегка коснулся кончиками пальцев женское плечо, в надежде ощутить материю и тепло настоящего человеческого тела, наполненного кровью и душой. Но коснувшись лишь одним пальцем, Риц исчез с дороги и оказался в саду. В саду загородного дома в тёплую летнюю ночь.

Герман стоял среди кустарных растений, напоминающих малину. Над его головой свисали темно-красные плоды, аро-

матом разжигая аппетит. Вдруг, увидев скромный, но уютный дом, он распознал в нем силуэты.

– Что такое звезды? – Послышался девичий детский тоненький голос, раздающийся откуда-то из дома.

– Сейчас увидишь. – Ответила девочке, видимо, мама.

Они вышли из дома, закутанные легкими белыми одеялами, обошли плодовые деревья и встали под чистым ночным небом.

В ночной темноте, встав посреди двора, мама с малышкой подняли головы, устремив свои сверкающие от теплого домашнего света глаза в бескрайние просторы черного неба. Там и тут сверкали сотни звезд, дополняя своим даже самым тусклым светом общую композицию. Глаза матери были устремлены на всё скопление звезд, она смотрела на них, как на единое целое, что всем своим существом наполняло человеческий мир ярким блеском. Малышка же крутила головой, выискивая самые яркие звёзды. Они располагались вдали друг от друга и, казалось, пытались избежать «шумной компании».

– Почему ты так крутишь головой? – улыбаясь, заговорила мама.

– Потому что хочу увидеть все самые большие и яркие звёзды. Они самые красивые!

– Но, дорогая, без всех других звёзд, небо не было бы таким красивым, каким ты видишь его сейчас. И твои большие звёзды чувствовали себя очень одиноко, передавая это оди-

ночество и нам – людям. – Мама говорила медленно, нежным голосом прекрасной женщины, заботливо и нежно обращающейся со своим ребенком.

Девочка не стала долго молчать:

– Одиночество? Звучит, будто кому-то очень плохо. Это так?

– Да. И вправду, одиночество приносит боль, грусть. Многие плачут, ощущая это. И у них болит тут, – и мама коснулась пальчиком левой стороны груди малышки, – В сердце.

На этих словах девочка сильно-сильно обняла маму, пытаясь укрыть свое лицо в её теплых объятиях.

Герман смотрел и слушал с широко раскрытыми глазами. Он впервые, попадая в другой мир, видит нечто не просто грустное, а нечто милое, но насыщенное чувством одиночества, что передается, как оказалось, из поколения в поколение.

Долго Герман стоял бы неподвижно на месте, если бы не яркий свет в небе. Падающая звезда пронеслась мимо этого сада и дома. Она будто бы мечтала, чтобы люди загадали желания. Юный психиатр закрыл глаза и прошептал:

«Желаю, что бы всё было хорошо. Желаю быть счастливым».

Но, когда он разомкнул веки, опять оказался на дороге, среди бескрайнего песка. Сухой безжизненный воздух пропитывал каждую часть путника, пытаясь иссушить его до своего подобия. Молчание здешних пустот было прервано

знакомым, но совсем не приятным звуком. Сыпучий песок, засасывая всё на своем пути, трением песчинок подавал сигналы угрозы.

Тонкие ручьи песка со всех сторон бежали куда-то за спину Германа Рица. Под ногами юного путника растекались сотни нитей, состоящих из миллионов песчаных крупинок. Герман прислушался. Звук шел откуда-то сбоку или сзади. Он повернул свою голову направо, но не увидел ничего, кроме скудного вида. Затем, повернув голову за левое плечо, Риц увидел на расстоянии более ста метров от себя огромную воронку в земле.

Герман развернулся лицом к разрастающемуся на глазах неизвестному. Дыры стали множиться, каждая воронка становилась все больше и больше, и каждая новая становилась все ближе к нашему юному врачу. Он понял, что что-то под землей создает воронки с целью захватить незваного гостя в свою власть. Риц принялся бежать. Песок создавал помехи, сопротивлялся и не собирался помогать пришельцу. Разгоняя свои тонкие длинные ноги, стараясь выработать скорость опытного гепарда, Герман хотел скрыться от приближающегося нечто.

В это время подозрительная асфальтированная дорога, которую стремился избегать ради эффекта неожиданности заблудившийся в мирах психиатр, вновь и вновь возникала под его ногами. Она преследовала его так же, как невидимый монстр, что хотел проглотить Германа Рица, используя при

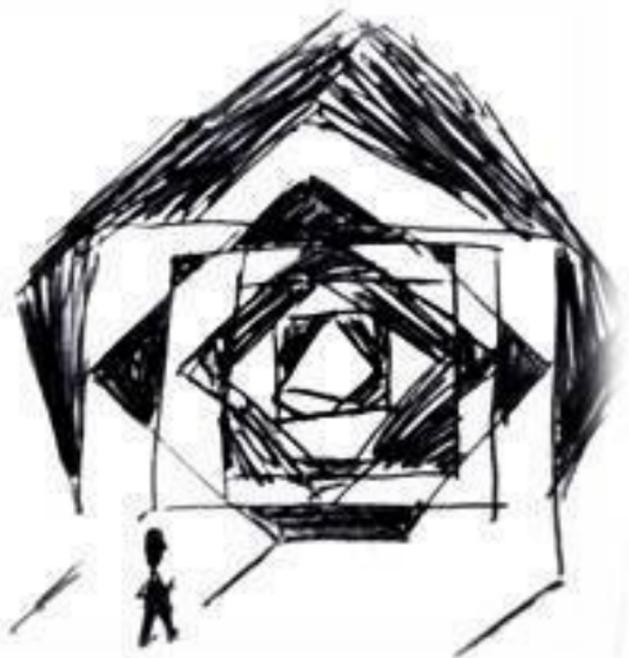
этом изобретательный метод в виде пугающих воронок. И подобно одиночеству, монстр был так же невидим и настроен на вечное заточение человека в своих горьких объятиях, засасывая его постепенно, наслаждаясь страданиями.

Воронки черными дырами приближались. Тем временем, дыхание и силы странника покидали его, унося в тяжелую отдышку и мечты о скорейшем своем спасении. (И пусть спасение не обойдет его психическое состояние).

В легких не хватало воздуха. Герману пришлось остановиться. В этот момент, он увидел силуэт грустно идущего в его сторону молодого человека, чей взор без желания видеть мир был устремлен в собственные ноги. Силуэт случайно коснулся Рица именно в тот момент, когда монстр создавал новую воронку прямо под ногами странника. Касание спровоцировало исчезновение Германа из мира, заполненного песком. И Риц оказался в мире пропитанном внутренним одиночеством незнакомца.

Голова шла кругом от образов и воспоминаний незнакомца, который случайно контурами своего силуэта секунду назад дотронулся до Рица.

Переливающиеся и удаляющиеся вдаль черно-белые квадраты или ромбы, подобно гипнотическому маятнику изобретательных психологов, уводили Германа куда-то вперед в галлюцинации.

Вакуум пространства разрывал пропитанный горем мужской голос. Он лился реками боли сверху. И при этом не было видно лица, рта или кого-то в едином целом организме. Нет. Был лишь голос, от которого все наполнялось черными красками.

Что это? Стих? Нет, песня. Плохо сложенная, но проходя в самое сердце, она отражала все внутренние переживания автора.

«Ты ушла, и нет конца дороги. Увижу ли тебя я снова?

Нет ответа.

Она ушла, потеряв любимых,

Она ушла, чтобы не потерять себя.

А одиночество, что всегда знает своё место,

Уже на её и моих плечах.

(Как часто одиночество на её и моих плечах)...»

Пытаясь найти источник звуков, Герман оглядывал окружающее его пространство. Незаметно женский тонкий силуэт появился перед ним. Девушка, совсем юная, с тонкой шеей и короткими волнистыми волосами принялась бежать вдаль. Она бежала туда, куда уходили переливающиеся черно-белые квадраты. Она бежала в неизвестность в попытке сбежать от самой себя и от своих мыслей. Она бежала от проблем и нарастающей самокритики. Бежала туда, где боль не найдет её. Каждый шаг вперед наполнял ее свободой, ощущением отстраненности ото всего, что сжимает сердце и вызывает слёзы.

Потеряв брата, не найдя поддержки среди родных, окруженная мрачными мыслями и обделенная пониманием общества, она стала тонуть в черных песках одиночества. Девушка, стремясь найти покой для себя и автора песни – бежала прочь.

Герман же принялся догонять незнакомку тут, в галлюцинациях незнакомца. Тем временем голос стал громче. Песня залила галлюцинации полностью, не допуская проникновения иных звуков.

«Слишком часто пишу о ней, слишком часто пою о ней.

Это, видимо всё, что держит меня на весу.

И пусть держит. Я не видел её давно»

Одиночество окутало не только выходящий за нормы рас-судок незнакомца, но и ту, которая стала

причиной галлюцинаций.

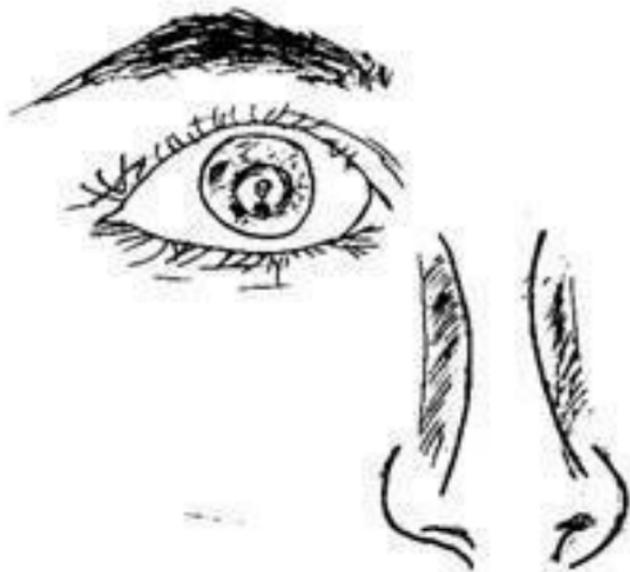
Как только слова песни закончились, и Герман почти до-
тронулся убегающей девушки, черное око, подобно расши-
ренному зрачку кошки, заполонило пространство и поглотило
странника, спрятав от него незнакомку.

Оставшись одним в черном пространстве в подвешенном
состоянии, Риц ощутил, как пустота отделяет его от всего
мира. Никто не слышал его. Никто не знал, где он. Он сам
не знал, где он.

«Что? Как такое может быть? Я не чувствую земли под
ногами и воздуха в легких. Я не вижу ничего, но вижу пусто-
ту. Где я и как отсюда выбраться?». Кричать было бесполез-
но. Юный врач знал это благодаря полученному опыту.

Поворачивая головой в разные стороны, Герман пытался
найти подсказку для своего спасения. Но ничего не было и
ничего не происходило пока... пока не были открыты гла-
за. Пустота затрепетала. Показалась тонкая полоса света, из-
решеченная черными гибкими линиями, идущими сверху и
снизу. Так, огромные ресницы открывающихся глаз пропус-
кали свет.

Герман был заточен в зрачке незнакомца.

Белый сплошной свет сменился на картинку. Двигающаяся и налитая красками, она показала Герману Рицу отрывок из жизни автора ранее услышанной песни.

В тот вечер было пасмурно. Прошел легкий дождь, и сильные порывы ветра сменились на штиль. Капающие с крыш капли разбивались об дорогу и растущие под окнами жилых домов листья лопухов. Свежий и чистый воздух с тонкой ноткой летней прохлады создавал едва видимый пар от дыхания. Под ногами хлюпала влажная земля с ползающими по ней в мелких лужах дождевыми червями.

Автор песни и владелец этого воспоминания смотрел всё

время на свои ботинки, иногда посматривая на наручные часы. Вдруг издалека послышались звуки идущего человека, и из-за угла вышла она – та, кому были посвящены грустные строки плохо сложенной песни.

Молча, она подошла к молодому человеку и с грустными дрожащими от боли глазами отдала ему письмо. А затем... она просто убежала.

Не понимая, что делать и не зная, нужно ли её догонять, ОН стоял на своих ногах, провожая возлюбленную взглядом полного недоумения. Холодной от волнения и сырости летнего вечера рукой он тут же вскрыл письмо. Текст был написан в спешку, строчки иногда сходили выше или ниже, а в нижней части листа было три пятна от соленых слёз, что капали бы чаще, если бы их не сдерживали сжимающиеся со всех сил глаза.

И прочитав текст, молодой человек захотел тут же догнать ту, что убежала, пообещав когда-то вернуться. Но было слишком поздно. Побежав по её следам и не найдя её, он потерял часть себя.

Автор воспоминаний, затаив в своем теле пустоту и тонущего в его зрачках Германа Рица, протянул левую руку к своему лицу. Отодвинув её, он увидел, как на его пальцах трепетали капли. И он закрыл глаза, дабы не видеть больше этот мир, лишившего его любимой.

«Ты ушла, и нет конца дороги...» – прошептал он.

Закрыв глаза, он дал Герману Рицу свободу.

Герман вновь чувствовал сухость воздуха и скудность мира одиночества, но пережитое не вызывало в нём волнений, по силе подобных тем, что он перенёс на себе в мире страха.

Рухнув мягким местом на обжигающий песок мира одиночества, Герман пополз спиной вперед, перебирая ногами, как сумасшедший. Перед его лицом, прорастая темнотой, росла воронка. Она стремилась захватить Германа и больше не отпускать. Так, по крайней мере, думал Риц. Не получая нужного момента для бегства, странник все полз по песку и полз, сопротивляясь засасывающему его песку. Руки соскакивали. Ноги почти уже провалились в воронку. Но тут, повернув голову, Риц увидел проходящий мимо силуэт. Он успел схватить за ногу девушку до того, как песок поглотил его лодыжку.

И вот Герман на верхней палубе корабля недалеко от берега холмистой степной местности в плавно волнующемся море. Ветер с морским бризом наполнял волосы воздухом, а теплые лучи солнца ласкали бледную кожу лица. Крики чаек пробуждали воспоминания о проведённых в далеком детстве каникулах на море.

Но где та, кому принадлежат воспоминания?

В воде на оторванном куске деревянной двери и на тихих волнах качалась девушка. Лёжа на спине и смотря в голубое небо, она мыслями погружалась в печальные мысли, в моменты из жизни, когда дорогой ей лучший друг покинул её. Не выдерживая внутреннего напряжения, сдавливания груд-

ной клетки и нарастания негативных мыслей, пожирающих слезами кожу вокруг глаз, она принялась кричать. Но это не были крики о помощи, это были крики души. Вся негативная энергия, скопившаяся в ней, выходила с каждым громко выпущенным из тела звуком.

Душа болела и требовала выговориться хотя бы таким бестолковым слушателем, как парящим над головой чайкам. И девушка, крича, говорила о своем одиночестве.

– Ты бросил меня так давно, но вернулся вновь, чтобы повторить это. Выкинув за борт нашей дружбы меня и мои чувства, ты оставил меня на гибель. И пусть акулы горя и страдания съедят мое тело, обожженное лучами солнца и твоими руками. Не надо больше возвращаться в мою жизнь! Слышишь?! Твое нахождение рядом со мной делает всё моё существование жалким. Если принял решение уйти, бросив все годы дружбы и поддержки, то делай это бесповоротно!

Уровень моря поднимался с каждой пролитой слезой девушки. (Воспоминания её, видимо, были искажены воздействиями отчаяния и залитых горем глаз).

Осматривая взглядом корабль, Герман был намерен спасти изливающего душу человека за бортом. Он крикнул её. Но она промолчала. Он крикнул ещё раз, и она сказала:

– Меня все бросают! Оставляют одну, выбирая друзей, выбирая других! И теперь одиночество растёт отдельно от меня и быстрее меня. Кажется, абсолютно любой рано или поздно захочет меня бросить. Я надоедаю и становлюсь

ненужной.

Из-за пролитых слез уже не было видно берега и холмистой местности, было лишь затапливающее мир море. И поднялась волна, забравшая на дно переживаний раненную лучшим другом в самое сердце девушку.

Риц прыгнул в море, чтобы спасти её, но коснувшись воды, опять оказался в песке. Песок продолжал пропадать в черных воронках, появлявшихся хаотично в разных местах и пытающихся предугадать место появления Германа. К его счастью, монстр не успел создать ловушку под его ногами в момент возвращения в мир одиночества. И, понимая свое счастье, Риц принялся бежать дальше.

Но вдруг он остановился. Ведь впереди появилось пять силуэтов знакомых ему людей. Пять молодых парней из парка шли по здешнему песку, обсуждая что-то между собой. Кто-то, постоянно поворачиваясь спиной по ходу движения, поддерживал разговор, разбавляя его шутками.

Видя знакомые лица, Риц принялся бежать к ним, и в последнюю секунду успел дотронуться до плеча верзилы Чарли.

В воспоминаниях Макс, Чарли, Лео, Тод и Уго сидели в тот день в своем излюбленном месте – в подъезде жилого дома, скрываясь от накрывшего город дождя. Вечер переходил в ночь, и луна, выходявшая изредка из-за туч, освещала бледно-синими лучами пустую улицу.

Парни сидели на полу лестничной площадке на самом

верхнем этаже, освещенные только идущим из окна с деревянными рамами и побитыми в нескольких местах стеклами светом. Если бы они не выкрутили все лампочки на всех этажах, чтобы было не так стыдно обжиматься с девчонками среди потрескавшихся стен сырого подъезда, воспоминания были бы более разборчивыми.

Хотя света было не много, Герман, стоя незамеченным рядом с ребятами, сумел рассмотреть молодых людей, черты которых он помнил смутно из-за выпитого в вечер их знакомства полусладкого вина.

Начнем с Макса. Будучи главарем этой «банды», Макс часто сдерживал свои эмоции и часто позволял себе улыбку лишь на одну сторону. У него были голубые глаза, всегда коротко подстриженные волосы темного цвета. Нос этого красивого и очаровательного молодого человека был с плавно переходящей в кончик перегородкой. Ростом Макс мог гордиться, все его 189 сантиметров внушали ему уверенность. И нежные и одновременно с тем мужественные черты лица вместе с голубыми глазами сводили девушек с ума.

Его правая рука и лучший друг Чарли был не хуже. Он был высоким двухметровым юношей с широкими плечами, зелёно-серыми глазами и носом с небольшой горбинкой. Волосы Чарли немного отращивал и зачесывал на бок. Всегда носил с собой в карманах стакашки для горячего.

Иным был Уго. Он отличался от всех своим хмурым бледным видом. Его острый нос и зеленые спокойные глаза по

непонятным причинам вызывали у противников ужас. Подстрижен Уго был всегда на лысо. Говорят, так его приучили подстригаться ещё в детстве, подготавливая к службе, о которой он сейчас и слышать ничего не хочет. Он был высоким, но самым низким из всех парней в «банде». Интересным в нём было то, что он никогда не занимался спортом, в отличие от других своих друзей, но всегда был незаменимым в уличных разборках. Накаченное, но худое тело Уго придавало ему шарма.

Забавнее всего среди молодых людей жилось Лео и Тоду. Они с детства не разлучались дольше, чем на сутки. Всегда, во всем вместе. Вместе находили неприятности на свои привлекательные пятые точки и вместе из них выбирались.

Лео обладал широкой светлой улыбкой. Коротко подстриженные светлые волосы на свету пропадали, и складывалось впечатление, что Лео совсем облысел. На его носу красовались веснушки. Серые глаза юноши привлекали взгляды дам. Губы его были пухлыми, но привлекательного сочного оттенка. Все знают, что Лео пользуется успехом у девушек за счет своего чувства юмора.

Тод внешне напоминал чем-то Лео, но при этом оставался личностью. Именно личностью, а не индивидом. Оскорбить таких людей с использованием данной терминологии было бы неправильным делом. Отличие Тода от Лео было в том, что он улыбался более сдержанно и не так широко. Нос не был покрыт веснушками, а волосы были слегка темнее,

но оставались светлыми. Губы были пропорциональны. Тод обладал нежными чертами лица в области подбородка. Его шикарные скулы были поводом для зависти других молодых людей города. Ростом они с Лео были около 180 сантиметров.

Молодые люди были увлечены беседой, во время которой Макс сидел на подоконнике, Чарли, Уго и Тод на полу, а активный Лео ни как не мог приземлить свою жопу хоть куда-нибудь. Лео вставал регулярно с пола, облакачивался на перила и через некоторое время снова садился рядом с Тодом.

– И они никогда меня не слышат. Я не могу им ничего сказать. Меня либо не замечают и перебивают, либо же они делают вид, что слушают, но по их безразличным глазам я понимаю, что слова пролетели мимо. Меня как будто не существует... и самое обидное то, что не существую я для своих родителей. – Чарли говорил меня часто интонацию от возбужденной, до спокойной, пропитанной грустью

– Понимаю, друг. Хотя у меня немного иначе. Мои родители имеют общие интересы, одну область работы, у них полно общих тем. И они всегда говорят именно на те, что понимают только они. Я же сижу рядом и молчу, потому что не могу ничего сказать или не могу сменить тему разговора. Получается, что все вокруг меня связаны общим делом, а я лишен такого. Сразу думаю, что не нужен им. – Тод поддерживал Чарли, и Чарли слышал его. Ведь именно тут, рядом

с друзьями, он был среди своих, среди тех, кто его слышит в ответ.

– Вот сколько бы раз мы с вами не говорили об этом, мы всё равно продолжаем ныть. – Макс говорил с чувством досады и злости. – И печально то, что я буду ныть. А как иначе? Мой отец вообще пытается стереть любое напоминание о моем присутствии в его жизни. Он полностью меняет сделанные мной ему подарки, не зовет на совместные прогулки и застолья. Он не слушает меня. И интересуется он всегда только моим младшим братом. Часто мне кажется, что, пытаясь изменить свою жизнь в своих же глазах, он делает всё для того, чтобы меня не было в его прошлом и настоящем. Мерзко и больно одновременно. Да ребят, хреново у нас с вами с пониманием родителями нас и наших чувств. – Макс посмотрел в окно на вышедшую из-за туч луну.

– Твой отец своим поведением мне мою мать напомнил. – Заговорил Лео. – Она считает меня несерьезным, вечно находящим неприятности дураком. Иногда, не стесняясь выражений, она называет меня придурком. При этом, если я начну противиться, то еще и руку поднимет. А как я могу ей ответить? Мать же... вот и получается, что я шучу, вечно пропадаю на улице, лишь бы не думать о ней.

Уго, молчавший до этого, решил заговорить:

– У вас тоже всё это вызывает чувство брошенности и отстраненности? Пустота, что приходит после переживаний и саморазъедания мыслями, не настигает вас? Я вот испыты-

ваю всё это, становясь жестче и бесчувственнее. Потому что чувства, вызванные людьми, приносящими боль и разочарование, разъедают изнутри. А пустота и безразличие это вроде бы даже сдерживают. Так и получается, что среди толпы, ребят, мы с вами совсем один и пусты. Одиночество, не правда ли, жестоко и подобно наркотику, засасывает, пока не умрешь?

– Если снова начинать говорить про одиночество, то скажу пару слов, что недавно жгучими метафорами появились у меня в голове перед сном. Думая об одиночестве, я испытываю жуткое желание вывернуться наизнанку так, чтобы вся моя наружность тут же спряталась во внутрь, а все мои органы предстали перед людьми, демонстрируя свое расположение, как в учебниках по анатомии. И пусть родственничков тошнит от увиденного! – Макс говорил грозно с расширенными ноздрями и опустившимися на глаза бровями.

– Какой специфичный вид самоубийства, Макс. – Уго, сосредоточив свой взгляд на дальний угол лестничной площадки, заговорил о том, что приходило на ум каждому из присутствующих. Каждому, кроме Германа Рица. – Лично я, когда решусь покончить жизнь самоубийством, сделаю это аристократичным способом. Не нужно новизны. Не нужны шумные группы и толпы. Хочу как раньше: тёплый, несущий тебе долгожданную смерть выстрел в голову. Можно было подумать, конечно, над порезом вен. Но по правде, это мерзко. Поэтому, на второе место я бы поставил полёт с обры-

ва в реку. Смерть так кажется красивой и счастливой. Это является неплохими аргументами в пользу того, чтобы скинуться с высоты. Но, моё условие – никакой новизны! Должен быть или обрыв, или старая постройка, которой более шестидесяти лет. Вот это я понимаю! На конец полетаешь и дело решишь. Bravo. Кроме новизны, не понимаю ещё записок предсмертных. Не хочу я шума и всех этих красивых речей. Записки, знаете, скорее нужны будут живим, чем нам. Она нужна им, чтобы они прочитали её, увидели слова «никто не виноват» и успокоились. Они, видите ли, чисты. Но так ли это? Могу сказать лишь одно: раз кто-то ушёл, убив себя, значит, есть виноватые в этом. А кто это, как его зовут и прочие ненужные вещи – это всё вторично.

– А никто тут не пробовал уже что-нибудь? А то атмосфера похоронная какая-то. – Смеясь, пошутил Лео.

– Лео, так может ты уже попробовал через подвешивание? Вот у тебя башка то сместилась и ты теперь тупой. – Тод смеялся вместе с Лео, а не над ним. И оба друга были счастливы.

Чарли дождался, пока Лео и Тод замолчат и прекратят разрушать стены дома своим громким смехом. Дождавшись, сказал то, о чём молчал, но думал пару раз:

– Я бы с радостью уехал на поезде в закат. Часто, понимаете, появляется желание уехать нахрен куда-нибудь. И уже не важно куда. Просто уехать. Я бы смотрел в окно поезда, слушал музыку и иногда показывал билетик кондукторше, что ходит в сопровождении охранника. А за окном были бы

закат, дорога, поля с болотами и невысокие маленькие деревянные домики и люди. И эти бескрайние просторы, озаряемые закатными лучами красного солнца. Один край сменялся бы другим, и казалось, что где-то в этом мире есть то место, где можно быть счастливым. И в случае, если я не найду это место, не буду счастлив, то угоню у незнакомца автомобиль и разобьюсь на нём об первый попавшийся огромный объект. И всё. Нет меня.

– Верзила Чарли не может разбиться, ты же огромный. Скорее объект, в который ты врежешься, умрет мучительной смертью, рассыпавшись на кусочки кирпичей. – Тод говорил с улыбкой на лице. Он посматривал на Лео, которому шутка понравилась и который пытался сдержать смех.

– Какие-то у вас слишком сентиментальные представления о настоящем самоубийстве. – Заговорил снова Макс, не вставая с подоконника. – Я бы вот нарвался специально на неприятности с бандой из соседнего района города и взял бы с собой на «стрелку» из оружия только свои перчатки для рук. И сдох бы во время самого любимого дела в моей жизни. А если тех, от чьих рук я погибну, ещё и посадят в тюрьму, так считайте, героем для вас буду. Брутально и по моей воле.

В это время Лео, осознав, что уже думал о своей смерти, выключил в себе все способности к юмору и заговорил тут же после Макса:

– Стих вспомнил, парни. Бывает же.

«А если бы я исчез,

исчез навсегда и никогда

я более не вернулся?

Если бы ушёл, избавил вас тогда от меня,

от тяжкой ноши?

Ушёл бы навсегда,

перестал чувствовать себя и слёзы, и боли внутри.

Я ушел бы навсегда с облегчением,

избавившись от груза на плечах,

Вы были бы счастливы тогда, не знали грусти и меня,
не знали обид и разочарования, не знали боли и печали.

И я могу уйти».

– Лео, это твой стих? – Спросил Макс.

– Да. – Ответил грустный Лео, которого было непривычно
видеть без улыбки.

И Тод, прекращая минутное молчание, сказал:

– У нас у всех с вами случаются моменты, когда мы чувствуем полное одиночество. И от того, что человек не один испытывает его, а одновременно с тысячами других – увеличивает одиночество в разы. И, порой, мы забываем, что мы есть друг у друга. Нужно чаще думать о нас, – Тод круговым движением руки указал на друзей, – и реже думать о одиночестве, что вселяет в нас чувство нунежности миру и желание умереть.

– Поддерживаю Тода. – Вставая с пола, заговорил Чарли. – Но, не обойтись нам без судьбы, от чего предлагаю схватить её за яйца и умолять быть благосклонной.

– И если уж и думать о самоубийстве, то только вместе. –
Заклучил Уго.

Молодые люди встали со своих мест и заключились в дружеские объятия.

Герман, прослушав истории, рассказанные коротко подстриженными парнями в подъезде, начал понимать, что такое истинное одиночество.

Воспоминания закружились, и Германа вновь выбросило в песок мира, лишённого красок, но не лишённого наличием монстра.

Как только ноги Германа Рица оказались на песке, невидимый подземный монстр создал под ними воронку сыпучего песка, что тут же начала затягивать странника в свою власть. Риц начал пытаться выбраться, отбиться от невидимого существа. Он уперся руками об землю и начал поднимать тело, пытаясь быстро переставить ноги. Но ничего не получалось. От каждого движения пески начинали покрываться волнами и накрывать новые части тела Германа.

Теряя самообладание, странник принялся кричать и подавать руками знаки, проходящим мимо силуэтам. Он пытался найти что-то, чтобы привлечь внимание, найти спасителя. Но всем он был безразличен. Некоторые силуэты людей останавливались, смотрели на происходящее и продолжали бездействовать.

Страдая всё больше от понимания безвыходности ситуации, и осознавая, что никто его не слышит, не видит, не про-

тягивает руку помощи, Герман ощутил одиночество, ощутил момент, когда никого нет рядом, хотя вокруг бесконечная толпа силуэтов.

Песок тем временем затянул Рица по самую шею, впитывая его пот и солёные слёзы прощания с жизнью.

Грудь прощающего с жизнью молодого человека ныла, содрогалась и была готова разорваться от боли. Его сознание было переполнено сожалениями, выводами самоанализа и приходящей агрессией на собственный счёт. В итоге, достигнув кульминации страданий и переходя на стадию спада переживаний, Герман Риц ощутил в себе пустоту. Он перестал чувствовать связь с жизнью, со всем живым и со всем обществом. Теперь для него был лишь он, его тело смертного человека и каменное лицо. Герман принял заточение в полном одиночестве. И воронка поглотила странника, продолжая засасывать песок.

Монстр, почувствовав достижение цели и понимание Рицом сущности одиночества, спас молодого человека, навсегда лишив его приглашения в Мир полного опустошающего и дарующего боль одиночества. Риц был спасён. Он снова был в мире живых, среди простых людей, в помещении для персонала психиатрической больницы.

Герман сидел на полу возле металлического стеллажа с формой работников. Он осматривал свои руки и ноги, покрытые песчаной пылью. Его глаза ощущали сухость и боль от мелких крупинок на глазных яблоках. В носу образова-

лась корочка из пыли и грязи. Легкие снова почувствовали влажный, пропитанный запахами воздух.

Осознав, что был спасён и доставлен мягким и безболезненным образом на работу, Герман моментально вскочил, чтобы выполнить свой долг: спасти человека.

Раскрыв дверь, и не боясь презрительных взглядов, подобно тому, как смотрят на умалишенных, молодой врач выбежал из помещения и из самого здания. Ноги несли его со скоростью, которую он никогда не развивал, даже убегая от невидимого монстра. Ветер бил в лицо, а мысли в сердце.

Показался знакомый городской парк. Пробегая по его тропинками, Риц осматривал каждого попавшегося человека. И вот, он увидел Чарли, запрокинувшего голову назад и жадно смотрящего в зелёные ветви на фоне голубого неба.

Молодой психиатр ринулся к нему и заметил остальных ребят. Пятеро молодых людей, увидев знакомого, но всё же, остающегося загадкой, Германа, встали в оборонительную позу.

Отдышка заставила Рица встать ненадолго в молчании, прерываемая хрипением.

– Здравствуйте. – Раздался тяжелый хрип, переводящего дыхание Германа.

– Чего тебе? Вина у тебя нет. Денег тоже. Видно сразу. Почему мы должны с тобой разговаривать? – С надменным тоном заговорил Макс. – Или у тебя настолько фикальное настроение, что ты решил заняться самоубийством? – сме-

ьясь, продолжил голубоглазый юнец.

– Нет, Макс. Он, наверно, решил придти, чтобы взять с нас плату, за выпитое вино. И, рассчитывая на отказ, получить по морде. От чего, после жалоб, нас тут же схватят и кинут за решетку. – Поддержал тон разговора Чарли.

Герман, получив дозу кислорода и нападок, продолжил:

– Я, в отличии от вас, о самоубийстве не думаю.

В этот момент пятеро молодых людей переглянулось.

– Да. Я знаю, почему вы тут. И знаю, что это из-за опустошающего и причиняющего боль одиночества.

– Кажется, ты по морде всё же хочешь. – Сказал Уго.

– Не могу сказать, что горю желанием, но если тебе от этого станет легче и ты передумаешь прыгать с обрыва в реку, чувствуя свободу полёта, то давай, Уго, бей.

От произнесённых слов глаза Уго раскрылись, отражая удивление и непонимание того, как этот незнакомец мог догадаться.

– Так что же? Бить будете или поговорим?

– Ты, – обращаясь к Рицу, заговорил Лео, – что-то толковое хочешь поведать? Может, как найти тут травку и тут же стать счастливым? Так ты не стесняйся, рассказывай.

– Я хотел сказать вам лишь одно: перед тем, как решиться на смерть, попробуйте познать этот мир, попутешествовать и найти для себя то, что даст вам ощущение наполненности светом и счастьем. Не могу обещать, но может, совместно проведенное время в веселой поездке изменит ваше пред-

ставление о жизни и окружении.

Макс задумался. Поняв, что главарь задумался над словами Германа Рица, молодые люди стали смотреть на него, ожидая вердикта. Все, кроме Уго, одобрительно качали головой. Уго же, воздержался от проявления эмоций вовсе.

Не дождавшись ответа, Риц молча ушёл, надеясь, что его предложение будет принято и силуэты пяти парней из городского парка навеки исчезнут из мира одиночества.

Часть 3. Эгоизм и самолюбие

Глава 1. Начало эгоизма

Утро нового рабочего дня Германа Рица было суматошным и слишком активным для его проснувшегося ранним часом тела.

Прибыв на работу и открыв дверь больницы легким движением обеих рук, Риц увидел, как Савелий Оснач, покраснев всем своим благородным лицом, кричал работникам больницы. Он сильно размахивал руками и часто выдыхал, будто стремился изгнать из себя всю злость.

– Отнять у пациента №233 краски и кисти! И больше никогда не выдавать! Слышите? Такая наглость. Такая пошлость! – кричал Оснач.

Риц, понимая, что речь идет о женщине средних лет, болеющей инволюционной депрессией и стремящейся найти способ быть нужной миру, вмешался в восклицания главврача.

– Как? Савелий Оснач, за что вы лишаете человека возможности чувствовать себя живым?!

– Риц! Не смейте в этой больнице повышать на меня голос! Не смейте! Заступник вы наш молодой, хотите знать, за что пациент №233 лишен красок? Так поднимитесь уже к больным, начните работать, снимите очки, делающие мир

прекрасным и посмотрите, что натворила эта женщина!

Риц, не теряя больше ни секунды, побежал по лестнице, перешагивая сразу по две ступени, растягивая длинные ноги практически до боли.

Бегом по коридору, Герман добрался до «палаты» пациента 233, болеющего инволюционной депрессией и являющегося женщиной средних лет, не видящей смысла в жизни, но видящей кругом опасность – даже в своем теле.

По всем стенам клетки больного, с самого пола и до потолка, были нарисованы огромные черные дыры, воронками уносящими изогнутые линии вглубь. Это были воронки мира одиночества.

Юный психиатр сделал шаг назад, не отводя глаз от «на-скальной» живописи пациента.

Женщина же сидела на кровати, смотря в пустые руки, лишенные баночек с краской.

Герман не сказал ни слова. Он понимал, что сейчас не лучшее время говорить с человеком, который явно ушел из этого мира, дабы побродить по одинокой асфальтированной дороге среди песков.

Юный врач стоял бы и дальше у палаты пациента №233, думая о том, как изменить ситуацию и мироощущение человека за решёткой, но его позвали, не объяснив причину.

Спустившись на первый этаж, Риц увидел, как Савелий Оснач рукой приглаживает оставшиеся волосы, испуская из ноздрей воздух покинувшего его тела гнева.

– Утро сегодня не было благоприятным для нас, мой юный коллега. Предлагаю продолжить день, не сходя с установленных рельсов. У нас новый пациент. Его прямо сейчас должны внести к нам. Прошу вас, будьте готовы. – Главврач говорил медленно, спокойно. Он избегал взгляда Германа.

Риц покачал головой и молча встал возле наставника. Все замерли. Персонал разбежался по этажам. Маргерет смотрела на дверь.

Вдруг, но совсем неожиданно, распахнулась дверь, и в здание вбежало три человека: два сотрудника больницы и пациент, которого сотрудники вели под руки.

– Будьте добры, проводите человека в его комнату. Этаж второй. Левая сторона. – Монотонно произнёс Оснач.

Пациент висел над землей, он держался несознательно за сотрудников больницы и поглядывал в потолок. Он был спокоен. Хитрый взгляд был отражением самоуверенности человека.

Сотрудники больницы вместе с повисшим на их руках пациентом скрылись на лестнице, ведущий на этажи выше, дав Савелию Осначу сигнал к началу работы с юным психиатром.

– Герман, – заговорил главврач, смотря собеседнику в глаза, – ваша задача сейчас подняться к новому пациенту и установить повторно диагноз. Первичный диагноз я от вас, естественно, скрою, дабы быть уверенным в том, что вы способны на самостоятельную работу.

Риц согласился, показав это взглядом.

На втором этаже, стоя у палаты нового пациента, Герман принялся использовать все свои знания и всё обаяние, дабы разговорить на вид полностью здорового молодого человека. Пациент был высоким юношей возрастом двадцати двух лет. Его лицо было наполнено веснушками, а голубые глаза серыми переливами. На подбородке виднелся шрам от травмы, полученной в детстве.

Вытянув из пациента лишь пару слов, понаблюдав за движениями его тела и поймав пару раз на себе высокомерный взгляд юноши, Герман принял решение. Он понял, какая болезнь соответствует таким симптомам, как эгоизм, нетерпимость к мнению других, самонадеянность, аффективная заряженность на борьбу, нетерпимость критики к своему поведению. Осталось понять разновидность. Но на данный момент Рицу не хватало информации для этого, поэтому он установил повторно лишь диагноз в общем виде: параноидное расстройство личности. Савелий Оснач качнул головой в знак одобрения и совершенно серьезно велел Герману спуститься на первый этаж, дабы найти пару пустых папок для документов.

Юный врач исполнил приказ и, поднявшись обратно, получил копии документов всех больных, осмотр которых был запланирован на тот день. Таким жестом, Савелий Оснач хотел мотивировать Германа и указать ему на его значимость и важность в стенах лечебницы. Юный психиатр принял жест

главврача со сдержанной улыбкой и полным восторгом в душе.

Среди документов, вложенных в папку, были документы девушки, не достигшей и тридцатилетнего возраста. Её состояние вызвало обеспокоенность среди членов семьи и членов районного суда. После чего, её с позором для всего обеспеченного и достаточно извозного рода отдали на «перевоспитание» в психиатрическую больницу. Герман, будучи поражен историей и состоянием девушки, сохранил воспоминания о той встрече, оставив запись в своем дневнике.

«... Подойдя к последнему пациенту, осмотр которого был запланирован на тот день, я заметил молодую девушку двадцати восьми лет, распутившую длинные слегка кучерявые волосы. Она, увидев меня, с неприсущим скромным дамам артистизмом начала вскарабкиваться по решётки своей комнаты. Различными движениями тела, свисая с железных прутьев, она попыталась привлечь как можно больше моего внимания. А ее попытки произвести на меня впечатление были ограничены странным кошачьим взглядом. Заметив, что я смотрю на происходящее без должного интереса и возбуждения, и озаботившись своим внешним видом, она спрыгнула на пол и пустилась в дальний угол комнаты поправлять волосы. Стало ясно, что она заостряет собственное внимание на своей внешности, относясь к ней с присущей дамам критикой. На этом моменте я принялся за разговор.

– Здравствуйте, я ваш врач, по крайней мере, на какое-то

время. Меня зовут Герман Риц. – Говорил я пациентке со свойственным мне спокойствием. – Вы сейчас, вот прямо сейчас, скрывшись в углу комнаты, почему так сделали? Почему просто не слезли с решётки и не встали? Не уж то я вас напугал?

– Нет. Меня не может напугать мужчина столь скудной внешности. Так, окутанная тьмой, я становлюсь столь же мрачной и серой, как вы. Моя вежливость способствует вашей привлекательности. Мое отступление, вашей красоте. И как только я выйду на свет, вы станете незаметны на моем фоне. – Пациентка говорила эти слова, задрав нос. В тот момент я вспомнил пятилетних девчонок с моего двора, что всегда воротили нос от мальчишек.

– Вы считаете себя неотразимой? Тогда для чего вы прячетесь, приводя волосы в «нужный» вид?

– Мой вид всегда должен быть в самом лучшем образе. И, посмотрев на вас, я поняла, что мое происхождение в совокупности с замечательной внешностью и богатым внутренним миром, уже составляет лучший образ этого заведения.

– Заведения? Вам неприятно говорить словосочетание «психиатрическая больница»?

Когда я произнёс эти слова, мой пациент раскрыл широко глаза, приподнял подбородок и отпустил волосы, что еще секунду назад держал тонкими руками.

– Не смейте! Не смейте меня приписывать к больным! Я вообще тут по ошибке.

Но она врала. Она сама понимала, что не было ни какой ошибки.

– Я, – продолжила пациентка, – вообще не понимаю, почему тут нахожусь. Подумаешь, какая-то патология. На сколько я осведомлена, я совершенно не больна. Просто нахожусь по психологическому состоянию между психологическим заболеванием и нормой. Но повторяю – я не понимаю, почему нахожусь тут!

Она начала повышать голос, и мне пришлось замолчать на пару секунд, дабы дать ей успокоиться. В это время меня озарило. Пришло понимание, какая патология в данном случае заставляет пациента быть таким, какой он есть. Уже тогда я заметил: хвастовство, желание произвести впечатление, привлечь внимание, во что бы то ни стало; завышенную самооценку, лживость и понимание своего состояния. Для установки окончательного диагноза не хватало лишь пару деталей. Маленьких, но значимых. И я принялся действовать. Я, подобно хирургу, стал вытягивать из пациента его же симптомы на свет.

– Вы говорите, что не понимаете, от чего вынуждены проводить свою жизнь тут. И я вас понимаю. Вы здоровы. Это факт. Но вы всё равно нуждаетесь в помощи. Почему? Да. Это вы и хотели спросить – Я говорил слова медленно, уверенно и, конечно, с добротой. Просто забыл, как она пыталась унижить меня. Просто иду дальше. – В этой папке, заполненной документами, есть история вашего появления в

стенах нашей клиники. И, замечу, что именно ваши документы, составляют большую часть всех материалов. Так, может, вы сами расскажете, что произошло?

– Герман, если хотите научиться читать, то прошу, пришло ваше время. Пора. Только знайте, каждое слово в вашей папке и в ваших документах обо мне – ложь. – И она села на кровать, сложив руки.

– Ложью будет и то, что вы оказались тут из-за нарушения закона?

Оказывается, мой пациент – дама, не достигшая и тридцатилетнего возраста, была осуждена. На ее имя было заведено дело об административном правонарушении, граничащее с возникновением уголовной ответственности. Причиной стало нарушение закона о конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни. Дело заключалось в следующем: мой пациент, будучи и в правду не дурной внешности, привлекала внимание молодых людей. Они же, одурманенные и оглупевшие от забушевавших гормонов, принялись писать письма возлюбленной. К письмам, с целью привлечения внимания, они прикрепляли фотокарточки. Естественно, снимки демонстрировали их сильные тела, к счастью, оголенные лишь на верхнюю часть. В итоге, скопив изрядную коллекцию писем и фотокарточек молодых людей, некоторое число из которых было давно женато, девушка распространила их, вывесив и разбросав по центральной площади. Поднялся небывалый шум. Шум был вызван скандалами и ее громким

смехом. На вопрос граждан, для чего она принялась афишировать столь интимные предметы и откровения, она лишь смеялась и отвечала «Мне их любви не надо. Я ею с вами делюсь».

Девушка и по совместительству мой пациент, проявила полное безразличие как к влюбившимся в неё юношам, так и к закону. Эгоистичность и насмешливость лишь подогрели желание граждан наказать её.

Толпа мужчин принялись обращаться в суд. Кто-то даже требовал моральной компенсации. В итоге, просмотрев в поступке девушки противозаконные действия и, сославшись на ее психологическое состояние, её помести в нашу психиатрическую больницу.

Получается, пособия по психиатрии и сотни учебников, прочитанных мною, оказались правы. Так, в случае психопатии люди оказываются в специализированных лечебницах либо при нарушении закона, либо при декомпенсациях их состояния.

– Да. Я и в правду раскрыла всем письма озабоченных мужчин. Но почему я тут? Не потому, что нарушила какой-то писанный закон. Нет. Я тут по несправедливости. От чего считаю, что я тут беспричинно. Ведь они там, все, посчитали возможным и позволительным, десяткам мужчин привлекать мое внимание при моем к ним безразличии. Они допустили справедливым позволять пошлости в мой адрес, исписывая страницы унижительной лестью и описания-

ми мечтаний о встрече. И совершенно не допустили справедливым дать мне им отпор, прилюдно отказавшись от их предложений. Почему я не могла в столь же пошлой манере, в какой они пачкали листы своими приторными словами, отстоять свою свободу? Моё безразличие к их чувствам, понимание мною, что я достойна большего просто ранило их. И дело тут не в нарушении закона. Дело в чужой обиде. Посудите теперь и вы. А я больше ничего не скажу.

Эгоизм. Самолюбие. Она была права. Все были виноваты в том, что она оказалась здесь – в больнице. Я заметил, что каждая из сторон виновата. Эгоизм и чрезмерное себялюбие породило обиды. Были разрушены семьи и чьи-то судьбы. К примеру, моей пациентки.

– Знаете, – сказал я ей в ответ, – ваша версия хороша. Но вы сильно утрируете чувство справедливости. И, увы, прочитанное, услышанное и увиденное поспособствовало установке диагноза. Окончательного.

Девушка встала с кровати. Она была напугана собственными мыслями.

– У вас, – продолжил я, – истерическое расстройство личности. Да, это не болезнь. Это психопатия. Отличием психопатии от психических заболеваний является её эволютивность, связанная не с болезненными процессами, а с «эволюцией» человеческой психики в реальной жизни. Основными симптомами истерической формы личностной патологии являются: чрезмерное самолюбие, эгоизм, лживость, утри-

рование чувства справедливости, завышенная самооценка, хвастовство и стремление привлечь внимание и проявить впечатление.

Девушка покачала головой, понимая, что установленный мной диагноз с перечислением симптомов полностью соответствует действительности. Она и сама замечала за собой некоторые странности.

– И как вы думаете меня лечить, Герман Риц? – спросила она, смотря в пол.

– В подобных случаях назначают курс психотерапии. А так же при проявлении возбудимости, приводящей к поведенческим нарушениям, пациенту дают нейролептические препараты.

– Ох. – И она закрыла руками лицо. – Я же только что перед вами по клетке, как животное ползала...

Стыдно стало и мне. Ведь я не сказал ей больше ни слова. Я лишь покачал головой и тихо ушёл, подумав, что так будет лучше, а за спиной в то время раздавался тихий плач девушки, которая не ожидала, что проведет свою молодость за решеткой психиатрической больницы, пропивая курс странных препаратов и общаясь с не менее подозрительными личностями. Ей нужна была поддержка. Но я ушёл...»

Глава 2. Эгоизм

«Для них есть только они сами, идеализированные собственными глазами»

Герман Риц хотел бы больше думать о новых пациентах, понимая их значимость в предстоящей встрече с комнатой и таинственным пятном, растекающимся по разным её углам. Но мысли о пациенте №233 заполнили все его размышления, не давая покоя. Он думал о несправедливости. О том, как легко нынче люди бросают других в их проблемах, думая о своем удобстве и только о своих желаниях. Герман Риц осознавал важность проявления внимания пациенту, учитывая, что этим пациентом являлась женщина с не свойственной мужчинам болезнью.

Вечерело. Солнце все ближе подходило к горизонту. Сотрудников больницы становилось всё меньше. И вот, остались лишь дежурные врачи и медсёстры. Взяв из подсобного помещения, спрятанные Савелием Осначем, краски с кистью и несколько листов бумаги, Герман направился к пациенту 233. Молодой психиатр протянул руки с предметами для творчества к грустно сидящей женщине и стал выжидать, пока она отреагирует. Пациентка с непонимающим взглядом приняла принесенные предметы и стала рисовать. Она начала рисовать под присмотром Германа Рица и про-

должала несколько десятков минут пока плавным движением не отложила в сторону краски с кистью. Вытянув руку вперед, она отдала листок своему лечащему врачу. Риц взглянул на него и почувствовал бег маленьких мурашек по своей спине. На листе бумаги, что вызвал такую реакцию, была нарисована дверь, та самая дверь, что, видимо, уже ждала Германа.

В эту минуту пол второго этажа стал нагреваться и обжигать ноги юного врача. Этаж заполнился теплом. Лучи закатного солнца просвечивали легкий и объемный пар, напоминающий кучевые облака.

Риц посмотрел на пол, затем на свои ноги и вдаль, туда, где снова появилась дверь. Она ждала странника, напоминая о себе.

Юный врач забрал у женщины с инволюционной депрессией краски с кистью, все рисунки и пустые листы. Откинув их в сторону, надеясь на их незаметность, он пошёл на встречу к новым приключениям, не понимая уже, рад он этому или глубоко сочувствует самому себе.

Проходя мимо нового пациента, принявшего на себе яркие признаки параноидного расстройства личности, Герман заметил, что тот не спит и здраво стоит у своей двери. Взгляд нового пациента был надменным, эгоистичным. В руках он сжимал и прокручивал кусок ткани от своей одежды, сдерживая свои мысли и слова. Он явно хотел что-то заявить, но предпочёл на этот раз промолчать, дабы насладиться зрели-

щем и муками врача.

В этот момент Риц понял, что новый пациент сильно напоминает ему его знакомого, что много лет назад считался ему одноклассником. Но, зная имя и фамилию «эгоиста», Риц отогнал идею прежнего знакомства с этой личностью.

Временно махнув рукой на своего пациента, эгоистично смотрящего в след юному врачу, Герман, наш милый друг, вошёл в комнату. Стул со сломанной ножкой всё так же стоял в центре комнаты, а поврежденные стены всё так же нагоняли тоску и страх, что с посещением последнего угла приобрел постоянный характер и особенно сильно проявлялся в темных помещениях и пространствах.

Черное, шевелящееся и растущее пятно, начало поглощать третий угол комнаты. Риц прикоснулся к углу и исчез из человеческого мира. В ту же секунду комната опустела, и её волею юный психиатр был заброшен в мир эгоизма.

Мир эгоизма предстал перед Германом хмурым местом, что напоминало старый, умирающий район, наполненный разваливающимися двухэтажными многоквартирными каменными домами. Весь мир был поглощён тёмными тонами, ведь тучи нависли над этим местом, преобразуя свет во тьму. В небе кружили полупрозрачные чёрные чайки, которым важнее всего в жизни было набить собственные желудки едой. Даже если едой станет бездыханное тело другой птицы. Вместо круглого солнца, лучами проходящего через полупрозрачные тела чаек, позвоночник и кишки которых были

отчетливо видны, среди серой пелены холодом светила четырехконечная звезда. Свет от этой звезды падал на скалы, окружившие по периметру мир эгоизма. Они были повсюду. С каждой стороны. Разные: высокие и низкие, заостренные и уже сточенные водой и ветром, они защищали другие миры от мрака здешних мест.

Земля была полностью занята лужами и грязью, что сменялись пожухлой темно-зеленой стоптанной травой. От влаги и холода здесь плохо распускалась листва на деревьях, и они стояли почти полностью оголив стволы.

Риц заметил, что вышеупомянутые двухэтажные многоквартирные каменные дома были выстроены странным образом. Подобно кирпичикам колодца, дома выстраивались вокруг центра, внутри которого была пока ещё неизвестная пустота.

Понимая, что нет другого выхода, Герман начал пробираться к центру местности, проходя через закоулки, образованные разваливающимися домами. Тропинки были усыпаны кусками металлических изделий и оторванными металлическими трубами. Брошенные каменные ограждения, перекрывавшие путь, вели по своим правилам странника к нужному месту.

Неожиданно, Риц услышал шаги справа от себя в нескольких метрах, и, повернув голову, заметил человеческий силуэт, быстро пробирающийся к центру, к той самой неизведанной пустоте.

Герман ускорил шаг и пустился преследовать незнакомца. Быстрее и быстрее пробегая по лужам и пачкая ноги, Риц вышел к тому месту, что было эпицентром мира эгоизма.

Теперь путник стоял среди выстроенных вокруг домов, за крышами которых виднелись огромные острые скалы. Оказалось, что пустота образованного домами колодца была заполнена площадкой с детской высокой горкой и заостренной башней-козырьком. Площадку заполняло множество людей. Они прибывали сюда, выходя из-за углов и закоулков домов, враждебно поглядывая друг на друга.

Люди, что стояли у самой горки, начали взбираться по ней, толкая своих, как оказалось, соперников. Пытаясь быстрее остальных подняться на вершину, они теряли лицо достойное уважения. Каждый стремился стать царем собственной горы под названием жизнь, сталкивая всех на своём пути ради собственных желаний и пренебрегая чувствами других. Для них есть только они сами, идеализированные собственными глазами.

Добравшись до вершины горы, став её «царём», у победителя есть лишь секунды до того, как он будет свержен другими участниками бессмысленной эгоистичной гонки. И так продолжается пока растёт число людей, приходящих с разных углов этого мира. Число участников игры множится. Их уже невозможно было сосчитать. Все испытывали попытку подняться, столкнуть другого, стать лучшим, стать победителем, исполнив своё желание. Горки не было видно из под

вскарабкивающих по ней бездушных эгоистичных людей. Казалось, что скоро они начнут поедать друг друга, дабы сократить свою численность. Но нет. Пришёл момент, который повторяется вновь и вновь, когда эгоизм достигает своего пика.

Из всех углов и закоулков стали появляться металлические трубы, изделия и каменные ограждения, что, пролетая над землёй, сбивали и убивали здешних людей. Куски их тел разбрасывало по всей площади, засеивая начало нового этапа.

Герман упал на землю, дабы не стать жертвой обезумевших развалин. Укрыв голову руками, он продолжал наблюдать за происходящим.

Всё, что прилетало из мира, вместе с человеческими останками разбившихся об развалины людей, потоками заполонило пространство, создавая вихрь. Мусор и части человеческих тел стали группироваться в нечто живое, огромных масштабов. Это нечто напоминало гигантское существо, из которого торчали железная арматура, куски бетона и багровые останки.

Монстр, окрепнув за счет человеческого эгоизма, стоял возле горки и наблюдал, как оставшиеся живыми люди продолжают соперничество за статус «царя горы». Но вдруг, он заметил лежащего и дышащего на земле юного странника, что руками прикрывал свою темноволосую голову.

– Встань. – Протяжно и громко, порождая эхо, сказал

Монстр. – Я хочу взглянуть на тебя!

Герман повиновался. Встав на ноги и отряхнув свое тело от пыли и травы, он посмотрел на формирующиеся глаза монстра. Тот наклонился и заговорил:

– Что ты хочешь?

Герман удивился вопросу.

– Я хочу выбраться отсюда. Не зачтите за оскорбление, но этот мир слишком... не знаю, пропитан человеческим эгоизмом. Это заставляет меня чувствовать разгорающееся желание отдалиться от всех. Люди тут потерянные. Они потерялись в эгоизме и не могут найти других людей или другие свои стороны. Одногранно тут, однако.

– Ты хочешь выбраться отсюда? А если я скажу тебе, что это невозможно? Если скажу, что эгоизм всегда был и будет неотъемлемой частью человека и всего того, к чему он прикасается? Куда бы ты ни пошёл, эгоизм найдет тебя там. И виной тому будешь ты сам. Ведь ты человек.

– Не каждый человек основывает свое поведение на личных интересах, забывая про доброту, взаимопомощь и поддержку. – Герман разгорячился. Его задевала мысль о том, что сам он может быть эгоистом.

– Ты говоришь то, во что не верят твои же сородичи с твоего же мира. Да, я монстр. Да, живу и работаю тут. Но я не глухой, мне не присуще слепота, и я знаю, что люди думают об эгоизме. И знаю, как поступают. Разве, ты не из того мира, где действует даже теория рационального выбора, что

применяют не только на уровне отдельного человека, но и на уровне политики? Ну давай же, Герман. Вспомни. Ты же образованный человек.

– Да, я понимаю, о чём ты говоришь. – И Герман посмотрел на землю, подняв левую бровь и опустив правую. Он не злился, он разочаровывался. – Теория есть. И по ней, каждый человек в жизни принимает решение исходя из личных интересов. И каждый стремится получить максимум из возможного. И да, пренебрегая интересами других. При этом, вы забываете про другие теории. А у нас, в мире людей, их много. И одна теория, объясняющая эгоизм, не может перекрыть остальные.

– Тогда, что ты скажешь на то, как я выгляжу?

Герман не понял вопроса монстра и переспросил.

– Как вы выглядите?

– Да. Видишь, из чего я состою? – подобно старому и ворчливому старику проговаривал Монстр. – Я состою из того, чего добивается человек своими эгоистичными поступками: из разрушений, грязи и гибели людей. Мой вид настолько мерзок, насколько мерзко ваше поведение.

– Из гибели... Почему? Как эгоизм может привести к гибели?

– Почему? Да потому что эгоизм человека может приводить к жертвам. К примеру, если коррупционер из власти забирает крупную часть денег, выделенных на строительство моста, который через короткое время после торжественного

открытия падает вместе с людьми. И вот, эгоист, жадностью погубивший в себе человечность, своим поступком лишает людей жизней. И таких примеров в вашем мире множество! – Поднялся ветер, что дул порывами изо рта монстра. – И не обязательно эти примеры искать во власти или политике. Падающий на землю старик, почувствовавший сердечную боль, сокрушившую его, не получает от проходящих мимо помощи. Все бегут от него, думая и желая думать, что он не нуждается в них. Все бегут, думая о себе. Думая о своей жизни, не пытаясь спасти умирающего старика. Неужели этих примеров тебе мало, Герман Риц, чтобы понять, как сокрушителен эгоизм в руках человека? Честно, нам – монстрам, не нужно ничего делать для того, чтобы уничтожить вас, ведь вы сами с этим справляетесь. Нам же остается только добиваться гармонии.

– Примеры твои, конечно, красочны и убедительны. Но одновременно с этим они полностью игнорируют те случаи, когда всё происходит иначе, когда люди, забывая о собственной жизни, рискуют собой ради других. И, видимо, как раз это приводит к балансу в нашем мире. Тут, в мире, где есть только эгоизм, да, нужен ты, нужен тот, кто принесет в мир баланс, избавит его от лишнего эгоизма.

Монстр замолчал. Он стоял и долго думал. И лишь голос Германа, который всё это время, потраченное монстром на раздумья, «разбудил» его.

– Герман Риц, ты веришь в то, что ты говоришь. Ты гово-

ришь здраво и ты говоришь от лица таких же, как ты сам. Я не буду более настаивать на своем. Не буду спорить. Но я попрошу тебя лишь об одном: уйди. Уйди из этого мира и больше не возвращайся! И никогда, слышишь? Никогда! Не пытайся обмануть меня и таких же, как я. Однажды ты поймёшь, почему. А пока – уходи.

– Поверь, я бы ушёл, но я не знаю, как это сделать.

– Посмотри на горку. На всех этих людей. Тебе придётся к ним присоединиться. Стань «царём» этой горы, и путь откроется тебе. – На этих словах монстр обернулся в поток из кусков развалин и человеческих тел, что по ветру растворился вдали, подобно реке в океане.

Герман выдохнул, сжал руки и ягодицы, и направился к горке, что на вершине таила не только башню-козырек, но и титул «царя».

Принимая свою судьбу, Герман двинулся в бушующую эгоизмом человеческую игру. Горка стояла в метрах пятнадцати, но даже столь небольшое расстояние показалось юному путнику большим путешествием с огромным тяжелейшим рюкзаком на спине, прибывающим к земле. С неба падал птичий помёт. Прозрачные чайки кружили над горкой, опустошая свои черные видные человеческим взором желудки для новой партии человеческих останков. Черные как пуговицы их глаза, блестели от холодного света звезды.

Разбавляя лужи и помёт, заморосил дождь. Его мелкие капли, создавая противные ощущения, падали на лицо психиатра, заставляя его морщиться. Вода размочила землю, от чего та набухла еще больше и превратилась в нечто напоминающее коровий навоз, гладко улегшийся в тридцатисантиметровый слой. Земля хлюпала и засасывала ноги путника. Шаги его делались медленно, а следы оставались надолго, заполняемые водой. В конечном счете, земля поглотила правую ногу Рица практически до колена.

Не хватало свойственного для коровьего навоза запаха, чтобы Риц ощутил себя в коровнике. Герман принялся вытаскивать свою нижнюю конечность, всячески дергая и пропихивая ее к свободе. И вот, он достал ее, к счастью, с обувью, не оставив зловещей черной массе никакого сладкого напоминания о своем присутствии в этом мире. В сию же минуту, спиной отшатываясь от места провала, Риц оказался на твердой поверхности. На этом твердом острове стояла грязная, высокая, могучая и сложно переплетенная горка.

Герман, промокнув, испачкавшись грязью и отходами переработки жизнедеятельности птиц, преисполнившись чувством ожидаемой свободы, взялся руками за железную, мокрую, покрытую серыми каплями дождя перегородку, и начал ползти вверх. Ползти всё выше и выше, иногда соскальзывая своими грязными ботинками с выступов и мелких ступенек промокнутого древесно-железного сооружения. С каждым подъемом, даже незначительным, мироощущение Германа менялось. В его ушах будто встали пробки, звуки перестали проникать в сознание, а картинка перед глазами помутилась по краям, предоставляя взору лишь гору и её вершину под козырьком.

Взгляд юного врача становился прозрачнее, все больше напоминая стекло. Опьяненный бурным кипением страстей и своим стремлением добраться до вершины, он стал забывать о других людях и даже о своей истинной цели.

Тем временем соперники прибывали. Некоторые вновь

прибывшие обгоняли Германа и применяли разные способы избавиться от него.

Так, в очередной раз уворачиваясь от летящего сверху молотка, явно скинутого соперником в целях устранения конкурентов, Герман посмотрел вниз. Там, у подножья горки, по земле бегало невиданное раннее Рицом существо. Маленький коричнево-красный, покрытый грязью монстр, напоминающий жирную свинью, бегал на задних лапах и имел свисающее пузо и висящие груди. Из рта торчало два коротких клыка, морда его была сплющена, а на голове виднелись стоячие уши с торчащими из них волосами. Жадный жирный свин, желавший легко заработать. Он обшаривал карманы погибших, издавая мерзкий писклявый смех, напоминающий скрип. Герман резко оторвал свой взор от мелкого монстра, когда мимо падал человек. Он схватил его и машинально забросил на ближайший выступ горки. Благодаря этому поступку, в глаза юного психиатра растворилась стеклянная пелена.

Герман Риц понял, что по мере продвижения по горке в мире эгоизма, глаза людей становятся стеклянными от затуманивания рассудка, потери здравого смысла, человеческого лица. Царь, тот самый игрок, победивший других, становится на вершине с полностью стеклянными глазами. Объективизм уступает субъективизму, и человек не видит происходящего – других людей, своего безумия.

Поэтому дальше Герман принимает решение, поднимать-

ся по горке, спасая падающих игроков. Он продолжил путь, обещая себе не трогать со злыми намерениями других участников этой схватки.

Путник пытался уворачиваться от своих соперников или ловить их, видя, что в обратном случае, их судьбой станет превращение в кровавую лепешку. Герман ловил игроков, поднимал или забрасывал их к какой-либо части горы. Он пытался не останавливаться, ведь из-за спасения неблагодарных эгоистов, он мог получить в лучшем случае по лицу.

Лишенный благодарности, но перенасытившийся пенками и угрозами, путник всё таки победил. Герман стал царем горы.

Победа принесла ему не радость, не гордость за себя, а лишь вид. Вид? Вид на толпу из сотен ослепленных людей, прорывающихся к вершине с жадной достижению цели – получения мнимой власти, мнимого статуса. Герман стал осматриваться, понимая, что попал в ловушку. Кажется, монстр обманул его, ловким образом затащив в эту схватку, игру, в этот поток эгоизма. Но вдруг, развернувшись на сто восемьдесят градусов, Риц увидел тропинку, ведущую в скалы. Единственную дорогу из этого места в неизвестное нечто другое.

И поднялся ветер. Чайки закружились над площадкой пуще прежнего. Тела их показывали бурлящие от голода желудки.

Глыбы камней, железная арматура и бетонные перегород-

ки взбушевались и начали нестись по просторам этого мира, сбивая местных людей и разбивая их хрупкие телка, как фарфор. Пролетающий вблизи Рица булыжник, сбил подкравшегося соперника, уже готовящегося столкнуть путника с высоты. Герман наклонился, обернувшись на разлетающиеся куски тела подкравшегося человека, и раскрыл свои глаза так, как не раскрывал никогда.

Когда бушующий ураган из потока тел, бетона, камней и железа стих, Монстр предстал перед Германом.

– Почему я не мог увидеть эту дорогу, забравшись, к примеру, на дом? Почему нужно было принимать в этом безумии участие? – спросил Герман у монстра.

– Потому что ее видно только с этого места. Только с этой вершины этой горы.

– Почему тогда другие не уходят?

– Они не видят дорогу, не видят свое спасение из этого мира. – Продолжил разъяснения Монстр. – Они видят только желания, борьбу и цель стать лучшим, несмотря ни на что.

– Получается, они бы могли уйти, но... не могут. А если я пойду по этой дороге, я выйду из этого мира?

– Герман, ты можешь попытаться это сделать, но я не могу гарантировать тебе возвращение в твой человеческий мир. Ведь, всё зависит от тебя и того, что тебя ждёт на пути.

На этих словах Монстр растворился в ветре. И вот, осталась горка и стоящий на её вершине Герман Риц, юный психиатр, путник и уставший душевно человек. Внизу же было

несколько уцелевших людей, множество остатков и питающихся плотью мерзкие чайки.

Герман спустился вниз, не дожидаясь прихода новых игроков, и пошёл к тропинке, идущей через горы.

На пути к тропе, психиатра охватили мысли.

«Не каждый «царь жизни» является эгоистом, но каждый эгоист хотел бы стать «царем». Кажется, вся его жизнь состоит в идеализации себя и своих способностей. Каждое движение эгоиста наполнено самолюбием, самовосхищением и пренебрежением чувствами других людей. Опьяняющая мысль превосходства застекляет взор, превращая мир вокруг в механизмы удовлетворения собственных потребностей. Наверное, каждый встречался в своей жизни с такими людьми, быть может, кому-то было дано проклятие полюбить такого человека, а кто-то может и является этим самым эгоистом».

Глава 3. Самолюбие

«Самовлюбленные люди – лживые люди, научившиеся хорошо изворачиваться в жизни и использовать свои положительные качества, просто не замечая плохих. Такие дураки, не более, могли бы быть хорошей задницей сине-красного оттенка африканского бабуина. И я бы с радостью привел их в такое состояние, но не имею на то способностей, ведь оцениваю себя здраво. Именно здравость мысли, самокритика, объективность помогают сдерживать чрезмерное себялюбие. Эти же компоненты совместно с социальными нормами, воспитанием и образованием придают человеку человеческое лицо, отводя подальше от первобытных простейших потребностей по типу безрассудного размножения»

Обычная тропа, пронизывающая обычные скалы. Ничего, кроме обычности, если бы не четырехконечная звезда и полумрак во все времена года и во все часы дня. Герман ощутил, что ветер, дующий в лицо, стал холодным, как каша в школьной столовой, которую повариха специально поставила под окно студеным зимним утром. Захотелось есть. Даже эта каша, которая, скорее всего, была обычной манкой, вызывала бурную реакцию в желудке психиатра. Кричащие чайки над головой в это время будто посмеивались, считая, что путник стоит на грани и готов «подняться в развитии»

до их уровня.

Позабыв о голоде, о холодном ветре, тьме, пытаясь не замечать каменное окружение, напоминающее тюрьму страшных прошлых снов, Герман пошел вперед. А разве был у него выбор? Конечно был! Остаться тут и ловить чаек голыми руками для дальнейшего приготовления в лучших традициях средневековой голодной и покрытой болезнями Европы. Нет уж! Уж лучше смерть и неизвестность впереди.

Свет от четырехконечной звезды проникал в пространство между скалами плохо. Было темно, тихо и очень неуютно. Вдруг, Риц услышал шорох, топот маленьких ног и детский смех, знакомый детский смех. Он остановился, прислушался и не поверил самому себе. Но он ждал, он ждал и надеялся, стоя на месте, что приближающийся смеющийся человек – не тот, о ком он подумал. Прошло пару секунд, смех стал громче, звуки доносились откуда-то совсем не далеко, появилась тень. Тень! И из-за угла вышел мальчик, кружащийся вокруг себя и ловящий маленькими ручками восьмилетнего человечка воображаемую бабочку. Черноволосый, задорный, в коричневых до колен шортах и милой слегка измятой рубашке, мальчик не замечал Германа. Молча, будто посылая невидимые волны, мысли, он звал Рица. А Риц стоял, смотрел и не понимал, как такое может быть. Как мальчик, которого нет вот уже более десяти лет, сейчас играет перед ним и смеется? Как маленький Герман оказался тут перед взрослым Германом Рицом? Да, да, да! Этот мальчик,

этот черноволосый мальчишка – наш юный психиатр, но в гораздо более юном возрасте.

«Я!» подумал Герман. И продолжал стоять, выпучивая глаза, которые, быть может, через пару секунд в таком состоянии, выпали бы из головы, подобно глазам уставшего от жизни мопса.

Придя в себя, Герман стал приглядываться к игравшемуся себе. Мальчик продолжал не замечать взрослого Рица, он продолжал играть и начал уходить. Смех стал отдаляться от ушей Германа Рица, и он принялся идти за собой. Идти туда, куда вел его он же сам в восьмилетнем возрасте.

Мальчишка шел впереди, иногда подпрыгивая и часто смеясь. Взрослый путник почти бесшумно шел сзади.

Света становилось больше, он становился теплее и ярче. Герман моргнул и не увидел больше перед собой мальчишку. На смену мальчишке появился цирковой красный шатер огромных размеров. Высокий, в диаметре больше пятнадцати метров, он ярко красными и оранжевыми красками разгонял тоску этого мира.

Риц зашел в шатер. И тут же встал. На манеже, на огромных деревянных ходулях передвигалось более двух десятков человек. Их лица были разукрашены геометрическими фигурами зелено-синими красками. На головах у великанов с деревянными «ногами» были разные, порой, забавные уборы: колпаки, цилиндры, шляпы, пиратские треуголки и даже перьевые подушки, примотанные шнурками к головам. Лю-

ди на ходулях бегали, кричали, пели детские песни и читали стихи, часто ссорились и пытались подставить «подножку».

Бум! Раздался хлопок от хлопушки. Бум! Взрыв от пушки! Бум! Порвался мяч. Бум! Упал трюкач. Энергия бушевавших трюкачей заполнила весь шатер. Зрители принялись бросать воздушную кукурузу в циркачей, смеясь и аплодируя.

Оторвав взор от картины, что могла присниться Босху в момент угасания воображения, Риц принялся рассматривать зрителей, и почти сразу же вновь заметил себя маленького, сидящего одним на деревянной скамье в третьем ряду. Он тряс ногами, медленно пожевывал воздушную кукурузу и смотрел не на манеж, где творилось что-то странное, смешное и напоминающее детские фантазии, а на проход между скамьями правой и левой стороны посадочных мест. Он смотрел, не отводя взгляда и тяжело глотая пищу. Улыбка исчезла с его лица. В проходе вместе с незнакомым мужчиной стоял отец Рица. Он разговаривал с мужиком в шляпе, жадно ел воздушную кукурузу и громко смеялся. Вдруг его лицо потеряло мимику, стало лишенным выражениями чувств. Он замолчал и уставился взглядом куда-то вправо. Он посмотрел на сына, а затем начал падать. Упав на пол, он пустился телом в конвульсии, и, ударяясь головой о землю несчетное количество раз, потерял сознание. В это время, восьмилетний Герман, видя происходящее, продолжил сидеть на скамье без страха и слез. Взрослый же Герман по-

смотрел на маленького себя, отстранено и одиноко сидящего на скамье, совершенно не переживающего за отца, а затем посмотрел на паникующего незнакомца в шляпе.

Подул сильный ветер, настолько сильный, что тот смог выдуть всей своей мощью Германа из красного шатра. Оказавшись снаружи, Риц увидел, как после выстрела пушки, шатер исчез маленькой вспышкой огня.

Вспышка была яркой, горячей. Она согрела на миг душу Германа, но дала повод для размышлений. Увиденное только что явно было не простым искаженным воспоминанием из детства. Чувствовался намек, предостережение.

Герман почесал нос, нахмурил брови и, стоя на тропинке, развернулся в противоположную сторону, от той, откуда пришел. Тропинка удалялась меж скал вперед, поднималась и резко обрывалась в небе на горизонте.

Риц побежал. Он почувствовал близость искомого, близость свободы и близость возможного разочарования. Скалы стали уменьшаться, тропинка подходила к своему концу. Остановившись у обрыва, взору Германа предстал мир Самолюбия, что пока выглядел, как огромная серая вертикальная стена, покрытая волнами туч и тумана. Благодаря отражению света, Риц смог разглядеть внутреннее разграничение мира на три составляющие.

Сердце Германа застучало быстрее, ладони покрылись потом, а руки, обдуваемые ветром, стали замерзать. Правой рукой путник потянулся к стене и, коснувшись, почувствовал

потоки влажного пара.

«Раз рука вернулась целой, то, быть может, голове повезет не меньше?» подумал Риц, вспомнив старую шутку.

Он просунул голову в эту серую и совершенно непривлекательную стену, а когда прошел через нее своей башкой, то, открыв глаза, увидел общую картину мира самолюбия, что был по структуре устроен тяжелее, нежели другие, пройденные миры.

Мир самолюбия состоял из трех миров или же трех уровней. Все уровни шли друг за другом, один ниже другого. Все они были насыщены существами, неподвижными объектами и своими уникальными «декорациями».

Верхний уровень предстал ярким, наполненным светом, бурными страстями, движениями, криками и смехом. Жизнь кипела в этом мире. Небо его было заостренным, как купол или вершина треугольника. В воздухе летали блески, что придавали этому уровню до боли неприятную разумным людям приторность. Существа здесь с заметной плавностью в теле передвигались по земле, которая подобно векам огибала что-то в центре. Путнику, точнее его торчащей из стены голове, этот уровень показался чрезмерно искусственным, притворным, сладким до тошноты.

Средний уровень был миром людей. Герман увидел психиатрическую больницу, свою старую добрую машину, зеленые деревья и газоны. Он был почти уверен в том, что почувствовал запах горячей румяной выпечки, но ему лишь пока-

залось.

Третий уровень мира самолюбия был самым темным и печальным. Зато настоящим, непритворным. Черная земля держала на себе старые деревянные скамьи, на которых медленно-медленно ползали еле дышащие местные существа. Они лежали повсюду, устремив взор в темно-синее небо. Люди? Едва ли. Они, так же как и в верхнем уровне, окружили что-то, находящееся в центре. Юному психиатру больше ничего не было видно с того расстояния, но он понимал, что мир Самолюбия таит в себе много интересного.

Посмотрев на все три уровня мира, Герман понял, что точно не хочет оставаться в верхнем и нижнем уровнях. Его целью было непонятным образом добраться до середины, сесть в свою машину и умчаться в закат, навеки позабыв о странностях здешних мест, особенно о маленьком себе, играющем с воображаемой бабочкой. Для реализации этой цели он должен был двигаться, и Герман принимает решение пройти всем своим телом через серую стену тумана и влажного пара. С той стороны появилась правая рука, прошедшая через стену. Потом левая рука, тело и ноги. Но на чем Герман стоял, полностью пройдя через стену? Посмотрев вниз, Риц увидел растекающийся под его ногами туман, что стал медленно исчезать. Герман запаниковал. Туман пропал полностью, и путник начал падать. Точнее... если не врать, его стало нести подобно листку по ветру нечто неизвестное. Плавно спуская человека вниз, неизвестное нечто, понесло Рица в

самый низкий уровень мира, в самый мрачный третий уровень.

Германа уносило спиной вперед. Серая стена отдалялась от него. Вдруг, толчок, небольшой удар и Риц падает на спину. Закрытые от страха смерти глаза открывшись, увидели темно-синее небо. Тревожность и одиночество захлестнули воспоминаниями на Германа, не желавшего поднимать голову.

«Вот полежать бы тут немного и встать в итоге в парке с пробитой головой. Верзила Чарли, ты кажешься мне сейчас более щадящей участью, чем этот мир».

Встать пришлось, ведь послышался шум. Будто кто-то тащил тело по земле, создавая шуршание листвы, звуки тупых ударов о камни и предсмертный шепот. Герман вскочил, он желал немедля оглянуться. Резко повернул голову вправо, затем влево, начал кружиться вокруг себя. Почувствовал тошноту. Остановился. Раскрыл пошире глаза и увидел местных людей. Они лежали повсюду, особенно на тех самых деревянных скамьях медленно передвигаясь, ползя по земле и тихо общаясь между собой избегая смешков. Люди напомнили трафарет. Такой трафарет, что состоит из внешнего контура и внутреннего контура, разделенных тонкой полосой и скрепленных тремя сплошными засечками. Внешний контур был широким -это был контур взрослого человека. Внутренний был почти невидим, но было понятно, что внутренняя часть – контур ребенка. Плоские, контуристые

люди посмотрели на путника вяло, почти не поменяв своего взгляда. Не было страха, заинтересованности. Ничего. Они лишь сильнее прижались к скамьям или земле, тише стали шептать еле слышные фразы. Дайте им уже камуфляжные вещи! Пусть не страдают, не испытывают стеснения от взглядов других лиц.

Вдруг, один местный житель обратил внимание на объемность Рица, его живость и отсутствие внутреннего контура.

– Ты кто? – спросил внимательный плоский человек.

Герман слышал звук, но не мог увидеть источник, пока не посмотрел на землю и чуть влево. Там лежал мужчина. Обычный такой, если не считать плоскость тела.

– Я – Герман Риц. Меня привело сюда желание выбраться отсюда.

– Выбраться...

– Вы мне поможете? – Опустив одну бровь, сказал Герман.

– Боюсь, я не могу. Ничего не могу.

На этих словах мужчина замолчал и попытался скрыть взгляд от пришельца.

Герман не понял логики начала разговора, но ощутил, что все тут стесняются. Стесняются самих себя.

Путник решил не беспокоить местных людей плоского вида и направился к центру уровня, что был виден еще от стены.

«Что находится в центре? Нужно посмотреть». Риц шел, шел, шел. Хотелось уже не идти, а просто лечь. Уверенность

в своих силах стала покидать Германа. Но вот, блеск! Блеск воды. Герман побежал и увидел огромное круглое озеро, окруженное большими каменными стражами. Стражи стояли через каждый метр, оснащенные щитами и копьями. Они были почти красно-коричневого цвета, лишенные лиц, но наделенные огромной мышечной массой. Грозный их вид остановил Рица. Настало молчание. Герман смотрел на стражей, пытался заглянуть за их спины, потом он посмотрел вниз, и... увидел женщину, тихо скрывающую свою натуру, себя.

– Извините, вы не подскажите мне, кто эти существа? – Риц обратился к незнакомке.

Женщина робко посмотрела на Германа и с огромным усилием, заикаясь и поправляя одежду, ответила:

– Это с-страж-жи. Они не пускают к Озеру Мира всех тех, кто хочет неоправданно подняться к тем. – И она показала вверх.

– Тем? – переспросил Риц.

– Да. Людям в-верхнего ур-ровня.

– Вы знаете об их существовании? – удивился Риц.

– К-конечно. – Женщина продолжала говорить робко, стесняясь себя, своего вида. – Но мы не хотим туда. Те – другие. Я знаю лишь одного человека, которому получилось пройти через озеро. Но он тоже был не местным.

«Не местным? Не местным!»

– Не местным? То есть, он тоже пришел из мира людей.

– Да. – Женщина встала с земли. – Он прошел, но лишь потому, что ему было не место здесь. Говорят, стражи пропустили его, но он так и не остался на верхнем уровне. Почему? Я не знаю.

– Спасибо! Спасибо за помощь. Вы великолепный человек. – И Герман, обрадовавшийся информации, помчался вперед.

Путник встал перед стражами. Не потому что пришло время, а потому что он захотел посмотреть назад, на ту женщину. Она стояла, широко раскрыв глаза, и удивлено смотря ими вслед Герману. По ее лицу побежала слеза. Ей было очень приятно услышать что-то хорошее. Но ее самооценка не позволяла ей принять слова юного психиатра. Отрицание было сильнее, и женщина ушла в печаль от мнимости собственной ничтожности.

И тут Герман понял, куда попал. Он понял, что попал на тот уровень мира самолюбия, где люди не любят себя.

Низкая самооценка является результатом отсутствия срединчатого самолюбия, такого себялюбия, что помогает ощущать в себе уверенность, но не дающее ложной мнимости собственного превосходства. Люди, которые неуверенны в себе – обладатели низкого самолюбия. Таким людям кажется, что остальные лица общества только и ждут момента, чтобы посмеяться над ними, принизить их, продемонстрировать им их ничтожность. Такие люди скрытны, неуклюжи, они постоянно следят за своими движениями, внеш-

ним видом в страхе оступиться. Самолюбие низкого уровня – это самопрезрение. Люди ненавидят, презирают себя, мучают себя мыслями о собственной никчемности и желанием спрятаться от других. Самопрезрение пробуждает страдание, приводящее к вялости. Поэтому-то на третьем – низком уровне мира самолюбия, на уровне самопрезрения, люди растекаются по земле, пытаясь слиться с местностью, став незаметными для людей и их насмешек, их мнений.

Осознание такой простой истины не дало ответа на вопрос, почему местные люди – трафареты, а внутренняя часть этого трафарета – ребенок?

Герман отвернулся от женщины, как тогда, в больнице от своей пациентки. «Опять отвернусь и уйду? Нет!».

Лиц развернулся обратно к женщине лицом, пошел к ней, удаляясь от стражей, и улыбался так, чтобы не спугнуть ее.

– Почему вы плачете? – Улыбаясь, с осторожной нежностью проговорил Лиц.

Женщина засмузилась и отвернулась. Герман же протянул руку и положил ладонь на ее плоское плечо.

– Вы можете со мной спокойно разговаривать. Я не считаю вас дурной собой или смешной. Правда. Прошу, не плачьте.

Женщина зарыдала еще сильнее. Герман выдохнул, и со словами «Простите за наглость», обнял даму, тихо проговаривая «тише, тише. Вы прекрасны». Не чувствуя больше содрогания ее тела, молодой человек обошел женщину, немного наклонился, посмотрел ей в глаза и улыбнулся. А она за-

смеялась. Женщина кивнула головой в знак признательности и взглядом показала «Идите». Герман повиновался, приговорив:

– Знайте, вы можете подняться вверх, и я с радостью покажу вам свой мир – мир людей!

Путник почувствовал облегчение от исправления ошибок и повернулся опять к стражам в предвкушении перемещения.

Герман подошел к озеру, оглядываясь на каменные изваяния, неподвижно стоявшие здесь с момента прихода последнего вошедшего в комнату человека. Уже через секунду стражи начали двигаться и быстрым тяжёлым шагом окружать Рица, беря его в кольцо. Каменные мускулистые изваяния сужали круг, все ближе и ближе подходя к путнику. Вдруг, они остановились, наклонили одновременно головы вправо. Настала тишина, секунды бездействия. Герман уже решил, что так они и будут стоять, пока он не умрет от голода, покрывши тонкой кожей свои кости. Но нет, стражи стали отступать, они разомкнули кольцо и двинулись по своим местам. Проход к озеру был закрыт для Германа. Он повернулся к женщине, и та, видящая все со стороны, молча покачала головой вправо и влево: "нет".

"И что дальше? Как остуда уйти?". Но был ли ответ у камней? Нет и смысла спрашивать их в ожидании ответа. Герман вернулся к женщине, не зная, что ещё делать, и задал ей один вопрос:

– Почему я не прошёл?

– Значит, ты другой, и стражи посчитали, что твоё место не там, – женщина опять показала пальцем ввысь, – твоё место здесь. – Она опустила голову в знак разделения с путником его грусти.

«Нет! Нет! Должен же быть выход». Герман схватился за голову обеими руками, вцепившись в волосы. Паника начала одолевать его и задерживать дыхание. Закружилась голова. Риц упал на землю, разложившись на ней пластом. Темно-синее небо, лишённое звезд и солнца было светлым и неизвестным образом подавало свет.

– Что делать? – слышался с земли голос юного путника.

Женщина опустила свою голову и, посмотрев на отчаявшегося незнакомца, предложила варианты:

– У вас всего три выхода: стать достаточно самовлюбленным, чтобы покинуть этот мир, или не менять себя и остаться тут, или... а впрочем, нет. Это опасно. Всё, пусть будет только два варианта.

Герман поднял голову, посмотрел своим заинтересованным взглядом на женщину, вскочил и сказал:

– Что опасно? Поймите, я не могу остаться тут, но и не хочу становиться более самовлюбленным, чтобы так выбраться отсюда. Какой третий выход? Скажите, прошу. Опасность для меня ничто, по сравнению с мыслью не вернуться домой. Уж лучше эта опасность и смерть.

– Вы можете попытаться обмануть стражей. Но я не пом-

ню, чтобы кто-то так делал. Не знаю даже, возможно ли это.
«Да! Попробовать стоит!».

Молча, Риц начал похаживать взад и вперед, тихо проговаривая что-то себе под нос. Он размышлял о побеге, но не мог найти такой вариант бегства, что гарантировал бы ему свободу.

Вдруг, молодой человек остановился. Он посмотрел на женщину и попросил об одном одолжении:

– Прошу вас, не могли бы вы попробовать отвлечь их? А в ту минуту, когда они окружат вас для проверки, я пробегу мимо и нырну с головой в Озеро. – И Риц показал пальцем левой руки на идеально круглое озеро.

Женщина колебалась, но взглянув на выпрашивающие глаза собеседника, согласилась. Однозначно, это был самый смелый поступок в ее жизни.

Трафаретная женщина двинулась к озеру, а Герман двинулся чуть правее, чтобы уйти от взгляда стражей, что уже быстрым шагом направились в сторону дамы.

Стражи окружили женщину. Ей стало страшно, она закрыла глаза, и дрожь пробежала по телу. Пока стражи наклоняли голову в последние секунды проверки, Герман двинулся вперед. Он побежал так быстро, как не бегал даже от невидимого монстра мира одиночества. Он бежал и уже видел линии отражающейся картины на поверхности воды, но вдруг, один каменный страж боком молниеносно «поплыл» по земле и, выставив вперед щит, остановил Германа, больно

столкнувшегося с преградой. Страж толкнул щитом человека, а затем сделал еще одно толкательное движение этим же щитом, явно на что-то намекая.

Герман попросил женщину, получившую от стражей отрицательный ответ, повторить трюк. Она согласилась. И снова Рица ждала неудача. Каменный страж с левой стороны так же быстро и скользя по земле встал перед Германом, выставив вперед щит. Им он толкнул путника, а затем выставил вперед копьё. Стало ясно: есть всего два предупреждения перед тем, как стражи применяют оружие и насмерть закалывают копьём неугомонных нарушителей местного порядка.

– Я истратил две попытки. На третью, стражи двинутся ко мне не с щитами, а с копьями. Получается, третья попытка дает мне либо свободу, либо смерть.

– Вы не должны рисковать. Нужно придумать план лучше или отказаться от затеи. Лучше, откажитесь. – Женщина говорила робко, почти не заикаясь, но всё еще испытывая стеснение.

– Нет, я не могу отказаться от мысли выбраться отсюда.

Герман сел на землю, обнял колени руками, внутренней частью локтя сдерживая ноги. Он немного покачивался в моменты обдумывания.

– Пока думаете, могли бы сесть на скамьи вон там! – И женщина показала рукой в направление тех самых деревянных скамей, рядом с которыми в этом мире появился юный психиатр.

«Точно!»— подумал Герман и вскочил с земли.

– Точно! Скамьи! – Риц побежал, зовя с собой женщину.

Добежав до скамей, пришелец посмотрел на жительницу этого мира и заулыбался.

– Что? – спросила она, не понимая причину улыбки того, кто стоит на грани смерти или психического заболевания.

– Ходули. Можно сделать из досок ходули и попытаться пройти над стражами. Им получалось меня остановить на земле, но что будет, если я буду в воздухе? Стоит попробовать.

Женщина робко улыбнулась, она захотела знать, не повелась ли общаться с ненормальным? Не отвечая себе на вопрос, она помогла Герману найти отломанные длинные деревянные куски скамей, пару ржавых гвоздей и толстых дровяшек, что должны были сдержать ноги путника.

– Отлично! Осталось сколотить из этого что-то, что можно было бы хотя бы в нетрезвом виде назвать ходулями. Надеюсь, всё получится.

Ползая по земле, пачкая белый медицинский халат, Герман из «грязи» и палок пытался смастерить спасательные палки размеров побольше. Он ворчал, покрикивал «ай», получая занозу, ругал кривые ржавые гвозди. Прошло больше часа, и ходули были готовы. Он попросил женщину подержать их возле скамей, чтобы, взобравшись по скамьям, с самого высокого яруса встать на изобретение и двинуться вперед к свободе.

Удивительно, но желание спасти свой... человеческий облик творит чудеса, и человек, ни разу не клоунского происхождения, встал на ходули и пошел вперед.

Герман крикнул с высоты женщине пару фраз на прощание, прося ее не идти за ним, ведь в случае смерти, он не хотел бы, чтобы она видела его кончину. «Спасибо за все!» было последним, что путник сказал женщине.

Герман пошел. Хорошо пошел! И вот оно – озеро, и вот они стражи, и вот она дрожь по телу от страха смерти. Герман приближался к каменным изваяниям и вдруг, они двинулись на него, они среагировали! Герман ожидал такого, но желал избежать. Каменные стражи начали бить щитами по ходулям, но Герман не останавливался, ведь до озера оставалось пару метров. Треск! Ходули сломались, покрывшись трещинами, и Риц начал падать, но падать вперед, в сторону воды и, о Боже, он упал в озеро, успев разглядеть отражение в нем. Герман упал в озеро, что на своей поверхности показывало отражаемый уровень самопрезрения, показывало мир чрезмерного самолюбия.

Всплеск воды, звук шлепка тела о гладь, звуки падающих обратно капель. Путник исчез из виду.

Глава 4. Чрезмерное самолюбие

Уровень чрезмерного самолюбия был уже виден Германом, а точнее его торчащей из стены головой. И вот теперь, он стоял здесь и мог разглядеть всё еще раз и более подробно.

Первым делом Герман попытался рассмотреть отражение в озере, но это было сложно сделать, потому что тела каменных изваяний перекрывали весь обзор, а подойти ближе Риц отказывался, побоявшись быть отправленным обратно на нижний уровень. Он заметил лишь то, что отражение было мрачным, темным, в то время, как этот уровень был ярким и чересчур приторным.

Герман какое-то время ещё вертел головой, привстав на носочки, но оторвал взор от Озера и увидел, как каменные стражи зашевелились. Они почувствовали, что Герман попал в этот мир не на законных основаниях, и его нужно немедленно вернуть туда, откуда он пришел. Стражники воинственно подняли щиты и копья с земли и двинулись на пришельца. Риц принялся бежать. Местные дороги были выложены крупным камнем, который время от времени моргал и поглядывал на идущих людей. Это были открывающиеся, моргающие и на какое-то время закрывающиеся огромные глаза, что передавали информацию о жителях другим жителям, играя роль вечного наблюдателя и доносчика. Под

ногами Германа был слышан хруст раздавленного панциря креветки.

Стражи пытались догнать молодого человека, но он начал петлить по задворкам местных разноцветных ярких зданий. На всех были странные вывески о стоимости часа «проживания», висели сердца и символы, означающие гениталии, а на окнах виднелись красные занавески.

Стражи разбросались по территории, их было не видно, и Риц стал замедлять ход. В какой-то момент он просто остановился рассмотреть, где находится. Помимо повсеместных гостиниц с почасовой оплатой, почти на каждом шагу стояли странные сцены, где местные «люди», напоминающие трафареты из двух частей, рассказывают о себе, демонстрируя лучшие качества. Внешний контур плоских трафаретных людей на этом уровне мира самолюбия был узким, почти незаметным, а внутренний, олицетворявший заикленность на себе и своей детской потребности во внимании взрослых, был большим, занимал почти всё человеческое существо.

Деревьев тут, как и нормальных дорог, не было. Вместо них стояли высокие деревянные указатели со стрелками, указывавшими на различные местные «достопримечательности».

Пробираясь дальше по уровню, избегая стражей, тяжелые шаги и шум щитов которых был слышен за пару метров, Герман наткнулся на площадку с качелями. Он оглянулся, никого не увидел и направился на карусель. Герман в детстве

обожал проводить время с друзьями на таких площадках. Он раскрутил карусельку, и она понесла его в детские воспоминания. Тогда ветер разбрасывал волосы в разные стороны, слышался смех, а кого-то даже тошнило в ближайших кустах. Чувство свободы и безмятежности. Изображение плыло, но улыбка друзей была чёткой и настоящей радостью. Но вот карусель остановилась, и повзрослевший Риц открыл произвольно закрывшиеся глаза. Голова кружилась, и он подумал: «И зачем люди пьют вино, если есть это!». Риц попытался встать на ноги, и ему даже сначала удалась эта тяжелая задача, но спустя секунду тяжелое взрослое объемное тело повело куда-то вправо, потом влево: «Оооой! Аааай!», раскрыв глаза, кричал в себя Герман.

Послышались тяжелые каменные шаги стражей, и пришелец пустился бежать дальше, вновь скрывшись из виду в узких маленьких улочках, идущих между домами.

Путник побежал к людям просить помощи, он надеялся, что кто-нибудь согласится его спрятать или сказать ему, где тут выход на срединчатый уровень мира.

В мире чрезмерного самолюбия Герману было не по себе, там все другие, еще хуже, чем в мире эгоизма, потому что там была реальность, а тут приторная искусственность. Все люди, или трафаретные подобию людей, скрывали искренность и свою сущность, они выкладывали на поверхность лишь то, что могло делать их лучшими в глазах других или что делало их богаче.

Подбежав к одному человеку местного мира и прося помощи, тот ответил «А что мне за это будет?». Герман вывернул карманы, посмотрел на отсутствие механических часов отца на руке и покачал головой. Незнакомец тут же отвернулся, дав понять, что без наживы он не собирается и пальцем пошевелить. Бросаясь в бега дальше, Герман просил помощи, спрашивая выход из этого мира у другого местного жителя – пожилой дамы, которая, увидев небрежный вид просящего, надменно рассмеялась и взмахнула рукой, приказывая пришельцу отойти. Он отошел и побежал дальше по круглым покрытым веками глазам. Вдруг он столкнулся под вывеской обувной мастерской с девушкой. Герман схватил её за руку и просил, почти вставая на колени, помощи, спрашивая, где в этом мире можно скрыться от стражей или найти выход. Но девушка вырвала со злобой свою руку обратно и, посмотрев сверху вниз, произнесла: «Ты просишь помощи, но ты ее не достоин, раз не замечаешь вещей важнее. Посмотри, как дурен по виду ты и как хорош я. Не замечать таких вещей тут не принято».

Упав на колени, Герман смотрел сквозь уходящую противную девушку на приближающихся стражей. Они вышли из-за угла и, направив копья вперед, двигались к Герману. Местные жители с радостью указывали стражам пальцами на Рица. Он запаниковал, но вскочил и побежал. «Нужен другой подход». Грохот от стражей почти перебивал внутренний голос странника, но он уловил суть своих слов и, свернув в

подворотню, принялся искать взглядом нового потенциального помощника. Впереди оказался мужчина. Он вышел из кирпичного дома и стоял, закрывал дверь, плоскими пальцами пытаясь не уронить ключи.

– Простите, уважаемый. Хотел заметить, что вы сегодня невероятно замечательно выглядите, я бы сказала: фантастично, невероятно, умопомрачительно, сногшибательно, головокружительно. – Торопясь заговорил Герман.

– Да? – Как бы удивленно, но совершенно не удивительно для себя, отреагировал местный житель.

– Да! Я бы очень хотел узнать у вас, как вам это удастся. Могу быть уверен в том, что этот дом полностью ваш, наверно, как и весь город. По вам сразу видно, что вы богатый и уверенный в себе мужчина. Но, как жаль, что я не могу быть хотя бы немного похожим на Вас. Эта моя объемность тела выдает мое нижайшее происхождение. Отсюда я бы хотел знать, как мне попытаться счастье и найти место, чтобы скрыть это невообразимое уродство от ваших прекраснейших глаз?

Трафаретный мужчина, внутренняя часть которого была значительно больше наружного контура, заулыбался и решил проявить милосердие, указав на гостиницу в пяти метрах от них.

– Там спросите Малышку. Так и скажите: где я могу найти Малышку. Они тут же вас проводят. Говорят, она знает всё, может, и вам подскажет, куда вам лучше деться.

Лиц обрадовался и тут же скрылся из виду. За его спиной

захлопнулась дверь гостиницы и растворился дым от пяток.

У регистрирующего посетителей молодого парня Герман спросил Малышку. Парень посмотрел на Германа, потом взял телефонную трубку, набрал номер и произнес: «К вам мужчина, он объемный. Ага, понял». Он положил трубку, посмотрела на пришельца.

– Пройдёмте, я вас провожу.

Вместе они поднялись на третий этаж, открыли деревянную дверь, повернули налево и прошли по коридору с дешевым красным ковром к двери №32. Юноша постучал и ушел. Риц остался стоять.

Через минуту медленно приоткрылась дверь. Показалось милое красивое личико молодой девушки. Она двумя руками резко схватила Рица за грудки и затащила его в номер, захлопнув за ним дверь и накинув цепочку, чтобы никто не смог им помешать.

Риц, увидев интимную обстановку и плотно задвинутые шторы, с дрожью в теле, но без возбуждения, посмотрел на девушку, которая уже расстегнула ему ремень и пыталась стянуть с него брюки. Он испугался и отбросил трафаретную даму. Она упала на кровать и тут же встала, но этих секунд хватило, чтобы Герман быстро поднял штаны и крепко-крепко затянул ремень. Ремень был туг, он давил, но и придавал чувство защищенности.

– Да что это с Вами? – закричал Риц. – Я пришел сюда не ради этого!

Она рассмеялась и хитро посмотрела на него.

– Милый, я знаю, но это сейчас не важно. – Она подмигнула и хитро улыбнулась одним концом рта. – Просто сначала мы сделаем то, что нужно мне, а потом решим твои человеческие проблемы. – Она говорила уверенно, так, как говорят знающие о своей власти и красоте. В речи не было надменности, дерзости. Нет, она заигрывала и подшучивала.

– Вы знаете, что я человек?

Она недовольно выдохнула, поняв, что её ждет долгий и нудный разговор. Сев на край кровати, она сложила руки на своих обнаженных коленях.

– Да. – Закатывая глаза, сказала девушка. – Я знаю, кто ты и откуда ты, но я отказываюсь тебе в чём-либо помогать, пока ты не опустишь свою объемную попку на эту кровать.

– Ты хочешь заставить меня сделать то, чего я сейчас не хочу? Интересно, как у тебя это получится? Риторический вопрос! Не отвечай... – Герман посмотрел на пол. – Пойми, я просто хочу получить немного информации.

– Ну а я хочу получить немного тебя. – Она опять это сделала – она опять улыбнулась, но теперь предварительно облизав губы языком.

– Почему это для тебя так важно? – прищуriv глаза, спросил Риц.

Она не хотела отвечать. Наступила тишина. Минута стала переходить в две, три, четыре... Герман ждал, и пока ожидание длилось, он рассматривал помещение. В комнате бы-

ло две одноразовые кровати, что достаточно странно, учитывая, чем тут обычно занимаются. У кроватей стояло по тумбочке, а на тумбочках по светильнику. Между ними на стене весела картина, покрывшаяся пылью. Окно было одно, но широкое, и Герман как раз стоял к нему лицом всё это время. Бархатные красные плотные занавески скрывали вид, но был слышан человеческий гул – рядом сцена для высказывания местными жителями своих наблюдений. При затишьи гула хорошо слышался стук настенных часов, стрелки которых шли неравномерно.

– Ты так и будешь молчать? – Герман начинал задумываться о ее предложении. Он пытался понять, будут ли у него еще шансы узнать где-то информацию, если этот шанс он упустит.

– Я бы не молчала, если бы твои вопросы были приятнее.

– Я бы не стал их задавать, если бы жизнь была приятнее.

Они друг другу улыбнулись. Она посмотрела на него после улыбки серьезно, не принимая своего же решения всё-таки рассказать ему то, что ему нужно.

– Тут считается удивительным и особенным, если кто-то вступает в отношения, пусть даже не долгие, с людьми по типу тебя. Сейчас тут таких не много. Я знаю лишь одну, но о других ходят вполне убедительные о их реальности легенды. Та, которая попытала удачу с прошлым странником, говорит, что такой случай выпадает не каждой.

– С прошлым?

– Да. Он был тут много лет назад. Моя знакомая, рассказывая историю их встречи, утверждала, что он успел ей рассказать о своих мечтах. Видите ли, он всегда хотел открыть свой бар. Дурак...

Германа пронзил удар стрелок настенных часов и, как из темного шкафа, на него выпрыгнуло воспоминание – он вспомнил бар в мире Зла, вспомнил того худого и подозрительного мужчину.

– Этот мужчина, который хотел открыть бар, он всё еще тут? – ожидая с потом в ладошках, произнес Риц

– Нет. – Недовольно произнесла девушка. – Я же говорю тебе, он дурак. Вместо того, чтобы остаться тут и не бояться по ночам засыпать без девушек, он попытался сбежать. Знакомая сказала, что сразу после их встречи он оделся и выбежал. Он что-то натворил, и его отсюда изгнали. Куда? – Девушка посмотрела по сторонам, прислушалась не подслушивают ли их посторонние, дыша в стену, и прошептала, – Говорят, он попал в мир, где люди, словно под гипнозом со злостью убивают друг друга. Не знаю, правда ли это, но звучит вполне убедительно.

Герман понял, что тот мерзкий мужик из мира Зла – тот, кто открывал комнату в прошлый раз.

Юноша почувствовал дрожь в ногах и присел на кровать, стоящую напротив кровати, где сидела девушка. Она увидела удивленное лицо красивого путника, и ей тут же захотелось его обнять. Девушка встала, медленно подошла к не

моргающему Герману и обняла, положив плоскую голову на его объемное плечо.

– Для тебя это шокирующая новость?

– Да. Видишь ли, мне довелось с ним пообщаться. – И Риц рассказал о нем, о его сложенном из досок баре, о мире зла и о том, как он от туда выбрался. Потом он посмотрел на девушку и сказал, – И теперь я хочу выбраться отсюда. Этот мир – не для меня.

– Я знаю многое тут, но только по слухам и легендам. Поверь, если бы хотя бы одна сплетня или хотя бы один отрывок одной жалкой легенды говорил о том, как отсюда выйти, я бы обязательно тебе рассказала. Но, увы. Мои знания исчерпываются на этом. Знаешь, давай поступим так: твоей платой за информацию будет информация о другом мире. Можешь идти, искать то, что тебе нужно, я тебя не могу и не хочу держать. Нет, хочу, но не просто держать. – Она опять улыбнулась и, заигрывая, взглянула на странника.

Герман Риц пробыл у девушки в номере еще некоторое время. Он решил рассказать ей больше, ведь, может, эта информация пригодится другим.

Выходя из номера 32, Герман смотрел в пол. Он чувствовал себя уставшим и обессиленным. Спустившись на первый этаж и пройдя мимо юноши, регистрирующего гостей, Риц вышел на улицу. Шума от тяжелых шагов стражей не было слышно, «камни» открывали веки и смотрели за пришельцем, а трафаретные люди смеялись и звали друг друга,

приглашая в отель. Впереди, рядом с дорогой на углу дома, трафаретный юноша обливал трафаретную девушку лживыми сладкими речами о вечной любви. Девушка в свою очередь делала вид, что ей интересно, иногда смеявшись и качая головой. Они были увлечены друг другом по настоящему, но лишь для одного, и вся эта прелюдия им была чужда. Риц прочувствовал всю лживость этого мира, себялюбивость здешних жителей и мерзость их отношений. Фальшь, игра на чувствах, удовлетворение своих потребностей.

Понимая, что всё начинает давить на него, Герман побежал к одной из уличных сцен, где каждый мог говорить для публики что-то актуальное, что-то о себе. Поднявшись по лестнице такой сцены, путник вытолкнул одной рукой трафаретного юношу, рассказывающего о своих желаниях быть всеми любимым и рассказывавшего о своих преимуществах, которые должны были быть причиной всенародной любви. Плоские люди заинтересовались смешным и необычным видом объемного человека, у которого даже не было внутренней части – части «ребенка». Толпа у сцены нарастала, люди смотрели на Рица. Он заговорил в громкоговоритель:

– Знаете, что я вам скажу? Все те взрослые люди, ставящие свои нужды и потребности, интересы выше других – в душе самые настоящие злые дети, которые привыкли, что взрослые всегда делают то, что им хочется. Что ещё для меня мир чрезмерного самолюбия? Помимо установленной детской зависимости от взрослых, их внимания и любви, само-

любие – огромный надутый пузырь, который хочется уничтожить. Люди, чрезмерно самовлюбленные, все время мешают спокойному существованию. Каждое их слово должно быть вставлено и принято людьми, не как затычка для уст других, а как единственная истина. От самовлюбленных веет не просто подвохом, а самым настоящим дерьмом. Потому, сами они выглядят внутри, как дерьмо. Они – сладкая обертка снаружи и горькое, вонючее, источающее зловонный пар нутро. Самовлюбленные люди – опасные люди. И их внутренний капризный ребенок требует слишком многого от общества, он – избалованное скупое на чувства к другим лицо нижайшего по морали человека. Чрезмерно самовлюбленные люди не верны, ведь им мало той любви, что дают люди в окружении, они ищут ее за пределами. Чрезмерно самовлюбленные люди грубы, ведь вечно обижены на мир за «несправедливое» обращение к ним. Чрезмерно самовлюбленные люди не спешат помогать, ведь в помощи нет источника наживы, нет прибыли, нет того, что будет полезно именно им. Чрезмерно самовлюбленные люди зациклены на своих сексуальных желаниях, игнорируют чувства тех, кого заставляют страдать от отношений с ними. Так, точно можно заметить, что чрезмерное самолюбие появляется, когда человек приходит к мысли «я обладаю явными преимуществами», развивает понимание своей красоты, сексуальности, материальной обеспеченности.

Разразился скандал. Плоские трафаретные люди начали

требовать извинений, признания. Они начали хватать в свои руки всё, что попадалось на глаз. Кто-то не постеснялся кинуть другого жителя в стоявшего на сцене Германа.

Люди прибывали со всех углов. Выбежала из за угла и Малышка. Она опечалено посмотрела на юношу и закрыла глаза руками, понимая, что добром происходящее может не кончиться.

Жители стали звать стражей. Все «камни» на дороге открыли свои веки и заморгали. Раздались тяжелые шаги, шум щитов. «Стражи! Стражи идут! Ну всё, ему конец».

Лиц смирился. Он бросил громкоговоритель на пол сцены и безучастно посмотрел вдаль, в никуда. Его больше не было в этом мире разумом, он был тут лишь телом. Он отключил мысли, он хотел отключить всего себя.

Вдруг задрожала земля. Стражи, подходившие к сцене, остановились и развернулись лицом в обратную сторону – к озеру. Местные жители запаниковали, они забыли о Германе и начали рассыпаться по сторонам. «Опять! Началось!» кричали многие.

Берег озера омыло брызгами озера, вода заволновалась. Поднялась волна и из воды показалась огромная круглая голова кораллового цвета. Когда нечто полностью вынуло тело из воды, оно одним шагом перешагнуло всё озеро своими огромными сильными ногами и встало вне трех уровней. Это оказался монстр Мира Самолюбия. Им был огромный великан с телом настоящего силача-атлета, но с лысой головой

и лицом недовольного ребенка. На оголенном торсе силача взрослой комплектации виднелось восемь «кубиков» пресса. Руки с внушительными мышцами и сильные ноги монстра были в напряжении. Злое детское лицо кораллового оттенка, смотрело на мир свысока. Монстр был явно недоволен происходящим. Морщинки на его лице прижимались к переносице, вены на руках и ногах вспухли, а шея пульсировала от ударов бешено колотящегося сердца.

Не разбираясь, что происходит и кто в чём виноват, Монстр раскрыл руки и, собрав в них крайние уровни мира, хлопком соединил их на миг, доведя до уровня умеренного самолюбия. В момент хлопка и образования огромной ударной волны, Герман Риц исчезает навсегда из мира самолюбия.

«Дневник, я понял простую истину -людям нельзя доверять, люди подводят, они ненадежны, пропитаны обманом. По сути, эгоисты, увлеченные собственными нуждами, и как показывает опыт, ничтожными первобытными нуждами»

Часть 4. Любовь и Счастье

Глава 1. Тот ли это дом?

Герман резко открыл испуганные глаза, разложившись на напряженным телом на мягкой кровати. Как только он узнал знакомую с детства обстановку родного родительского дома, то тут же расслабился и смог почувствовать всю мягкость и почти что невесомость свежего постельного белья.

Прошло три дня с тех пор, как Герман очнулся в клинике на втором этаже, в углу рядом с брошенными красками и листками бумаги. Уже три дня, как Риц, попросив короткий отпуск, собрал вещи и уехал в родительский дом, где провел лучшие годы. Находясь в пути и проезжая по каменистым и проселочным дорогам, он мечтал о покое, о быстром безмятежном забвении, о тепле близких и родных людей.

Три дня пролетело незаметно. Отпуск начинал подходить к концу, но два оставшихся дня давали надежду на лучшее, как минимум – на потерю мыслей, беспокоивших нашего юного врача. Ведь человеку так важно иногда отпустить печальющие его мысли, отпустить проблемы, перестать думать о путях решений. Иногда важно просто наслаждаться жизнью, не замечая плохого. Можно назвать это перерывом от реальности – погружением в идеальный мир, избавленным от страданий, боли и неприятностей.

С кухни раздался женский пожилой голос, звавший Гер-

мана на завтрак.

Мама Германа была милой, доброй женщиной пятидесяти шести лет. У нее был островатый нос, зеленые глаза, небольшие мешки под глазами и небольшие морщинки у глаз. Над розовыми губами вертикально располагались мелкие морщинки, а в черных волосах пряталась седина. Причесок она не любила, поэтому часто подстригалась коротко или прятала слегка вьющиеся локоны в хвостик. От рождения все замечали ее красоту, и потому назвали очаровательную новорожденную девочку подобающим именем – Линдой. Линда, зная о своей красоте, никогда ею не пользовалась. Она была за всю свою жизнь лишь в одних отношениях, подкрепляющихся близостью, и эти отношения были с отцом Германа – Бобом Рицом.

Боб был мертв вот уже более семи лет. Его погубило слабое сердце и склонность к авантюрам. Хотя, пожалуй, сейчас это не важно. Важно то, что он любил свою семью, любил всех троих своих детей, свою красивую жену и даже свою работу. Светловолосый, кареглазый, добрый и улыбчивый, знакомый с каждой шпаной и каждым уважаемым человеком, не предназначенный для ссор и драк, Боб был достойным человеком, покинувшим мир живых, когда его единственному сыну было всего шестнадцать лет. Внешность Герману перешла от мамы, а характер от отца. Смесь получилась замечательной.

Единственная фотография Боба Рица стояла в комнате

Линды. Иногда дети приходили посмотреть на нее, чтобы почувствовать присутствие отца и его влияние на их жизни.

Герман, вскочив тем утром с кровати, быстро оделся, забежал в соседнюю комнату – взглянул на фотографию и улыбнулся со скорбью в сердце, а затем помчался на кухню.

– Доброе утро, сынок. Давай, ешь скорее, пока не остыло. – С улыбкой сказала Линда.

– Доброе утро, – усаживаясь за стол, ответил Риц.

Линда поправила шерстяную шаль на плечах, поставила сыну тарелку с овсяной кашей, чашку чая и присела рядом на деревянную табуретку. Только Герман поднес ложку ко рту, как раздался женский серьезный голос, и захлопнулась входная дверь.

– Нет, ну это невозможно! Это категорически неправильно! Ох, мама, я закипаю! – Крича еще с коридора, возмущалась старшая сестра Германа – Рут. Она вбежала в родительскую комнату, никого не увидела и помчалась на кухню, пытаясь уgomонить гнев внутри себя. В руках Рут держала письмо.

– Что случилось? – испугавшись, спросила мама.

– Его, – Рут ударила правой рукой по раскрытому листку бумаги, исписанному сверху донизу, – опять призывают оставаться на базе, в этот раз минимум на два месяца! Нет, ну как так можно? Вызывают сначала на три месяца, потом продлевают срок службы еще на два, а затем еще на два. Сколько это будет продолжаться?

Муж Рут был военным человеком. Он часто бывал на сборах, которые продлевали по различным причинам. Во время военных сборов Рут оставалась ночевать и жить по нескольку дней у матери, хотя уже давно имеет вместе с мужем собственный дом, находящийся неподалеку. Она переживала каждый раз, как получала письмо, ведь боялась увидеть среди строк – «сборы решили продлить». В этот раз она не выдержала и показала свои эмоции. Всем своим телом и с дрожащими ногами она упала на стул, возле мамы, прикрыв лицо рукой.

Рут была старшим ребенком в семье. Она была сильной, смелой, умной и красивой женщиной двадцати восьми лет. Широкие ее плечи держали на себе тяжкий груз помощи маме, воспитания собственного ребенка и поддержки мужа – военного. Длинные русые волосы Рут завязывала в косу, подвязывая ее бархатной лентой. Глаза у нее были зелено-рыжими, брови темными, а губы пухлыми. Внешностью она больше напоминала бабушку Германа в юности. Ее, кстати, тоже уже не было на тот момент в живых. Она умерла от старости в той самой городской квартире, в которой жил Герман. Она досталась ему по наследству.

– Рут, – проглатывая последнюю ложку каши, сказал Герман, – может, тебе нужно отвлечься? Пойдем сегодня к заливу, пособираем камней разноцветных, ракушек, может, монеток. Потом будем друг перед другом хвастаться.

Рут подняла глаза, посмотрела на брата, как на дитя, и

ответила:

– Тебе сколько лет? Герман, мне уже не восемь, чтобы, как дурная, собирать камни на пляже.

Герман бросил ложку на стол.

– Вы посмотрите на неё! Не хочет камни собирать... Аврора уже Колю подговорила, он идет. И раз он идет, то и ты пойдешь. – Хитро играя бровями, сказал Риц.

– Заговорщики, – Улыбаясь, ответила Рут.

Вся семья собралась по хмурой дождливой погоде и вышла на прогулку к заливу. Ветра почти не было, серые тучи лениво плыли над головой, а солнце пыталось пробиться к людям, пуская свои лучи на плещущиеся об берег волны. Морской запах тонкими нотами окружал Германа, его маму, двух сестер и племянника.

Аврора, младшая из детей, сестра Германа возрастом восемнадцати лет, была жизнелюбивой, темноволосой, зеленоглазой девушкой с носом с горбинкой и сложным характером. Да, она была доброй, улыбчивой, но и своевольной. Поклонников била, девушек сторонилась, а учебу считала необходимым для женской самостоятельности атрибутом жизни. Племянника Колю Аврора обожала. Коля был шестилетним скромным светловолосым мальчиком, внешность которого часто напоминала внешность Боба Рица. Отец же Коли это отрицал.

Стоя у воды, смотря на свою семью, Герман был счастлив. На душе наконец-то был покой, в теле – тепло, а в голове

– пьянящая пустота. Два остающихся дня отпуска ему хотелось заполнить своей семьей, их улыбками, их счастьем, их любовью.

– Можно постоять рядом? – нежно проговорила Линда.

– Конечно. Я буду только рад. – Герман улыбнулся и обнял маму правой рукой за плечи.

– Не жалеешь, что приехал?

– Нет, мам. Я по вам очень скучал. Сейчас я жалею о том, что скоро вновь должен уехать.

– Ты можешь не уезжать. – Линда посмотрела на сына выпрашивающим взглядом глаз полных слез.

– Не могу не уехать, мам. Не могу сказать точнее, но я слишком далеко зашел и не могу остановиться, мне не позволят. – Герман стал поглядывать из стороны в сторону. Глаза забегали, губы сжались.

– Настолько злое начальство? – Улыбнувшись одним краем, спросила Линда.

– Ха, можно и так сказать.

– Честно, сынок, когда ты решил стать психиатром, то все были поражены. Я надеялась, что ты шутишь.

– Я знаю. Видел ваши взгляды. Но, мама, я пока не столько разочарован, сколько заинтересован своей работой. И пока оно так, я буду продолжать работать.

Линда замолчала на секунду, а потом продолжила разговор, задав один вопрос, на который Риц не захотел отвечать:

– Ты пошел в психиатры из-за Марлен?

Герман побледнел, зрачки его расширились, губы приоткрылись, а на нижних ресницах появились едва заметные дрожащие слезы.

Моргнув пару раз, Риц повернулся лицом к маме, робко улыбнулся и печально пошел к Коле и Авроре собирать камни.

Рут, увидев происходящее, подошла к матери поинтересоваться, что же произошло.

– Что случилось? От чего он побледнел?

– Я совершила ошибку из-за своего интереса, я упомянула Марлен.

– Ох, мама... – Рут покачала неодобрительно и с сожалением головой, потом посмотрела на младшего брата и молча уставилась в воду.

История о Марлен и Германе покрыта печальной, трагической пеленой, которую хотелось бы снять или забыть двум семействам.

Глава 2. Герман и Марлен

Герман учился в совмещенной для девушек и юношей школе. Будучи в десятом классе, он уже около трех лет был знаком с девятиклассницей по имени Марлен, но с ней не общался. Скромная девушка была почти невидимкой для всей школы. Она не привлекала внешностью, не была активной, не испытывала успех в учебе. Ее многие называли странной.

Однажды, когда были отменены занятия в зимнее утро, те школьники, что уже успели добраться до зданий учебного учреждения, мигом стали делиться на группы, готовясь к снежной битве. Марлен не была готова участвовать, в отличие от юного и веселого Германа. Схватив снежок, он кинул его со всей своей юношеской силой шестнадцатилетнего подростка в парнишку, но по ошибке попал в скромную девочку на год младше. Она упала и потеряла сознание. Напуганный Риц бросился к Марлен, лежавшей в снегу лицом к небу.

– Девочка, очнись! Очнись! – Приговаривал Герман, держа голову Марлен двумя руками.

Она медленно стала открывать глаза, когда над ее телом собралось около дюжины человек.

– Жива! – прокричал кто-то.

– Ура! – ответил другой.

Все, кроме Германа, разбежались продолжать битву, а он

остался смотреть на девочку и держать ее голову.

– Я – Герман. Узнаешь?

– Да. А я – Марлен – робко ответила она.

Риц поднял знакомую со снега и понес ее на руках до дома. У нее кружилась голова, замерзли ноги, а по телу шла дрожь от холодного ветра. Двумя слабыми руками Марлен обвила шею Германа, укуталась лицом в его воротник от куртки и пыталась выжить. Нет, всё было не так плохо, было не опасно, но ей казалось в тот момент, что вся жизнь терпит крутой поворот, способный привести к трагедии.

Марлен заболела. Говорили, ее сразила простуда, и она две недели провела в кровати. Домашнее задание из школы ей приносила классный руководитель. Риц почувствовал свою вину, ведь если бы не он, Марлен бы не пролежала в снегу около часа, не замерзла и не заболела. Он вызвался принести домашнее задание вместо учителя, и ему не отказали.

Какого же было удивление юного Рица, когда ему открыла дверь сама Марлен, которая не выглядела простуженной. Да, ее лицо было бледное, но оно было у нее такое всю ее жизнь. Белокурая, голубоглазая, с аккуратным носиком – пуговкой и нежными слегка пухлыми губами Марлен стояла в дверях, испугавшись прихода молодого человека.

– Здравствуй. – Сказал он. – Я принес тебе домашнее задание. – Герман протянул руку с тремя учебниками, в которых на разных страницах были вложены листки с пометками

учителя и указаниями для выполнения работ.

– Здравствуй. Спасибо. – Марлен качнула головой в знак признательности, покрылась красным румянцем от стеснения, взяла книги и хотела закрыть дверь.

– Постой! Я хотел еще раз извиниться, что тогда... ты пострадала из-за меня. А теперь ты еще и простудилась, и всё я.

– Герман, – наклонилась Марлен, поглядывая по сторонам, – ты никому не расскажешь?

– Нет. – Заинтересовавшись такой таинственностью, ответил он.

– Я не простыла. Моя мама так говорит учителям, чтобы они меньше знали. Поэтому, не вини себя в том, что я пропускаю занятия. Из-за тебя я только пропустила час жизни, лежа в снегу. – Марлен улыбнулась и быстро скрылась из виду в доме, оставив Герману лишь плотно закрытую перед его носом дверь.

Когда Марлен вышла на учебу вновь, Герман стал обращаться к ней всё чаще. Она удивлялась этому, периодически думала, что он здоровается не с ней. Бывало, после школы, Риц провожал Марлен, интересуясь, не обижается ли она на него. Прошли дни, и девушка перестала бояться юного Германа Рица. Его яркая внешность, веселый настрой и вежливое отношение пробудили в ней доверие к нему.

– Смотри, вон! Опять Марлен и Герман идут! Как по часам. – Стали раздаваться насмешки по всей школе.

Марлен перестала быть незаметной. Ее общение с актив-

ным и знакомым почти с каждым подростком города юношей сделали ее узнаваемой, пусть даже только в стенах школы. Давление начало расти. Появились недруги. Марлен стала испытывать на себе насмешки, злые взгляды только потому, что такова природа человека. И вот, она вновь «простыла». Она не появлялась в школе более двух недель. В эти четырнадцать дней, Герман сам приносил ей уроки.

Сидя как-то раз зимнем вечером на кухне в доме Марлен, попивая чай и слушая треск бревен в камине, Герман начал разговор.

– Пока тебя не было в школе, директор решил устроить бал. Всех юношей обязали надеть смокинги, а девочек платья. Мы уже два дня между уроками учим вальс. По мнению учителей, нельзя приходить на бал неподготовленным.

– Наверное, ты отдал все ноги бедной партнерше.

– Моей партнершей выступает твоя классная руководительница. На мне она показывает все имеющиеся в вальсе движения: от кружения до моего позорного падения.

Марлен засмеялась и быстро заморгала, пытаясь остановить слезы радости.

– Тогда я должна взять свои слова обратно и признать, что бедным партнером являешься ты. Все, наверное, ужасно смеялись над тобой в моменты падения и, особенно, кружения.

– Да, еще как. Но я их не замечал.

– Как тебе это удастся? – ставя кружку на стол, покрытый

скатертью, спросила Марлен.

– Что?

– Ну вот это, не замечать насмешек, взглядов людей? Неужели ты не видишь, что из-за общения со мной к тебе по-другому начинают относиться?

В тот момент Герман серьезно посмотрел на девушку перед собой, на ее голубые глаза, в которых отражались искры камины, выпрямил спину и серьезно проговорил:

– Потому что люди глупы. Зачем обращать внимание на глупость и безосновательную злость, ехидность? В моменты, когда надо мной хотят злобно пошутить, я просто начинаю думать о чем-то хорошем, отвлекаясь и не уподобляясь им. В последнее время, «чем-то хорошим» для меня стала ты.

Марлен увела взгляд от Германа, засмушалась и покрылась на лице опять легким румянцем.

Герман посмотрел на реакцию девушки и продолжил говорить:

– Пойдем вместе на бал? Обещаю, я научусь вальсировать так, что ни один не посмеет посмеяться.

Она согласилась.

О том, какой именно недуг заставлял Марлен неделями отсиживаться дома подальше от глаз людей, стало известно в день, когда состоялся школьный бал. Правда, состоялся он не для всех...

Одетый в нарядный дорогой смокинг, купленный отцом у знакомого итальянского городского портного, Герман в ме-

тель побежал к Марлен. Белые хлопья сыпались и кружились с неба, создавая свою интерпретацию вальса. Снежинки то ускорялись, то медленно кружились в воздухе, укладывались ровным слоем на ветви деревьев и крыши двухэтажных домов. Костюм Германа был уже почти весь бел, его лицо было мокрым и холодным, а улыбка сияла.

Он постучался в дверь. На пороге появилась Марлен. Она была одета по-домашнему и удивленно смотрела на юношу на пороге.

– Ты еще не оделась? Марлен, поторопись, а то опоздаем.

Она продолжала удивленно смотреть на Рица, а потом сказала:

– Куда опоздаем? Я никуда не иду.

И Марлен захлопнула дверь. Шокированный Герман стал кричать: «Марлен, что случилось? Я тебя чем-то обидел? Марлен! Марлен!».

Дверь распахнулась, из дома вышла укутанная в одеяло мама Марлен. Она закрыла за собой дверь, тихо спускаясь по лестнице и толкая нежно одной рукой Германа, начавшего движения спиной вперед.

– Герман, мой мальчик, я к тебе очень хорошо отношусь и я благодарна за то, что ты очень мил с моей дочерью. Но сейчас тебе лучше уйти.

– Я не уйду без Марлен. Если я чем-либо ее обидел, то стоит объясниться и решить все недоразумения. Если вы и вправду ко мне хорошо относитесь, прошу, разрешите с ней

поговорить.

На улице уже было темно, горел холодным светом один уличный фонарь, а снегопад усиливался.

– Марлен нет. – Серьезно проговорила мама девушки. – Сейчас ее нет.

– Как нет? Я же с ней только что говорил!

– Да пойми же ты, это не та Марлен, это совсем другая, и она тебя не помнит или помнит частично.

Герман вопросительно посмотрел на женщину, и она поведала ему тайну их семьи. Оказалось, что Марлен болела расщеплением личности. На тот момент психиатры и психотерапевты смогли установить сочетание двух личностей, но не исключали и появление третьей в ближайшее время.

Одна личность Марлен помнит и Германа, и его приглашение, и его любовь к ней. Другая же личность помнит лишь то, что они знакомы.

Герман Риц был поражен. Обычная простуда, как и говорила Марлен, была лишь прикрытием для сокрытия истинного заболевания.

– Иди на бал, Герман. Боюсь, сегодня она не придет к тебе. Если утром Марлен вернется, я ей передам, что ты заходил.

Герман не пошел на бал. Он вернулся домой, упал в костюме лицом в подушку и уснул с разбухшим от слез лицом.

Утром Марлен проснулась и начала собираться на бал. В момент, когда она вышла из комнаты, чтобы спросить, где ее выглаженное «прошлым» вечером платье, ее мама сообщи-

ла, что бал прошел.

– Прощел? – со слезами переспросила Марлен, руками поглаживая волосы.

– Прощел, доченька. Вчера вечером.

– А Герман приходил? – боясь ответа, поинтересовалась опечаленная девушка.

– Приходил. – Опустив голову, ответила мама.

– И?!

– Я всё ему рассказала. Боюсь, он должен был узнать.

Марлен вбежала обратно в свою комнату и хлопнула дверью. Раздался шум, скрип дверец шкафа, шорох. Через минуту она выбежала полностью одетой для зимнего студеного утра и двинулась к дому Рицов.

– Стучат, как сумасшедшие. – Сказала Линда, подходя к входной двери, в которую стучала Марлен.

– Здравствуйте, могу я увидеть Германа? – Торопясь произнесла девушка, дрожа от страха и внутренней боли.

Линда качнула головой с обеспокоенно сложенными на лице бровями и позвала сына.

Герман вышел с кухни, увидел Марлен и тут же понял, что она та самая – его дорогая и любимая Марлен. Он бросился к ней, обнял и прижался губами к ее белокурой макушке. Она же прижалась щекой к его теплой груди, скрытой за домашней рубахой по пояс, схватилась руками за спину и быстро-быстро стала объясняться.

– Я знаю, знаю! Но это не важно! Всё не важно! Главное,

что ты тут, ты со мной. А отдавить ноги я могу тебе не только во время школьного вальса. – Перебивая, говорил Герман.

Марлен и Герман любили друг друга так, как любят безнадежные романтики и взрослые реалисты одновременно. В дни ухудшения состояния Марлен, когда вторая личность брала верх над сознанием, Герман пытался аккуратно подобраться к девушке и завоевать доверие у второй личности.

Казалось, Риц мог справиться с Марлен, но это было не так.

Зима прошла быстро. Наступила весна. Расщепление личности Марлен стало проявляться всё активнее, голос второй личности мешал спать и общаться с Германом. Марлен начала уходить в депрессию, которая, казалось, отступила некогда, но вот вернулась вновь. Образовавшийся хаос в сознании Марлен привел к депрессии, которую на тот момент не были готовы «лечить» в домашних условиях.

Герман начал подозревать, что Марлен что-то от него скрывает.

Весной, когда Герману было шестнадцать лет, умер его отец. Остановка сердца – заявил врач. Тот миг, когда бледное и холодное тело отца в гробу опускали в сырую весеннюю землю, Риц принял решение, что должен стать врачом, но еще не знал, каким именно. Он резко почувствовал яростное желание спасти и помогать, делать из людей – здоровых и счастливых людей.

Траур на неделю обездвижил всю семью Рицов. Все толь-

ко плакали и молчали. Когда же неделя подходила к концу, а Герман был готов рассказать о случившемся Марлен, ожидая ее теплых рук в своих, он отправился к возлюбленной, на которой уже тогда мечтал жениться.

Марлен не было дома. У нее больше никогда не будет своего дома. Лечащие врачи установили, что депрессия вместе с расщеплением личности не дает возможности осуществлять лечение вне специализированных учреждений. Ее решили отправить в клинику, что находилась на юге страны. Марлен не могла больше жить там, где нет постоянного наблюдения и необходимого лечения.

Эту новость Герману рассказала мама Марлен, которая собирала оставшиеся вещи. На следующий день она вместе с отцом Марлен должны были выехать, чтобы переехать в дом рядом с клиникой, в которой до конца своей жизни или болезни должна оставаться их единственная дочь.

Герман был сражен. Еще один удар.

«Я бы мог за ней присматривать! Я бы мог ее лечить! Я могу быть рядом, я хочу быть рядом»... Думал и думала юноша про себя. И тогда-то он решил, что он станет не просто врачом, а психиатром и, когда он получит образование и опыт, он заберет свою Марлен, чтобы больше никогда не расставаться.

На момент разлуки они были знакомы три года, были друзьями, а потом и счастливой парой. Пусть, кто-то сейчас скажет, что это подростковая незрелая любовь, которая изна-

начально была обречена на провал, но это не правда. Возраст не определяют способность людей любить. В мире множество взрослых опытных женщин и мужчин, которые к своим сорока или пятидесяти годам так и не научились любить и быть любимыми.

Герману было шестнадцать. Марлен было пятнадцать. А их любовь будет вечной.

Глава 3. Болеют ли любовью

*«Любить я мог бы продолжать,
О тебе одной душой страдать.
Но путь мной выбран был иной,
И сейчас я весь пустой...»*

Закончился отпуск, и Герман вновь повернул ключ зажигания в своей старушке – машинке. Раздался грохот двигателя, и можно было трогаться. Герман Риц еще раз обнял маму, двух сестер и племянника перед тем, как, скрывая слезы, умчаться в город для продолжения работы в Психиатрической больнице.

Проселочные дороги опять вели по себе юного путника, но теперь казались вялыми и холодными к его судьбе. Когда же уже показался город с каменными многоэтажными домами, дорогами с твердым покрытием и маленьким парком, хмурое настроение усилилось, и Риц вновь впал в мысли о таинственной комнате. Четвертый угол ждал.

Герман Риц вышел на работу после короткого отпуска, надеясь на лучшее. За пару часов до выхода на смену, нервно сидя в квартире, он выразил надежду о своем возвращении, написав в дневнике пару строк:

«Дневник, я до сих пор не могу понять, почему именно мне комната решила показать свой секрет и почему именно я

должен нести тяжкий груз знаний. Но пусть будет так, такова судьба моя, и её, видимо, не изменить. Я надеюсь лишь об одном – вернуться. Каждый раз, касаясь своей худой рукой ручки двери этой страшной комнаты, я надеюсь и мечтаю вернуться домой»

Запись в дневнике Германа Рица была оборвана и начата вновь уже новым торопливым почерком. Чья-то иная рука продолжила начатое юным врачом изложение происходящих в его жизни событий.

Добравшись до работы, Герман около пяти минут стоял у входной деревянной двери, посматривая на окна второго этажа. Ему не хватало храбрости войти и начать очередную смену. Набравшись смелости и глотнув свежего воздуха, Риц вошел в здание.

Маргерет, как обычно, поздоровалась с Рицом и указала взглядом на лестницу. «Значит, Савелий Оснач уже на обходе» подумал юный врач. Он бегом зашел в помещение для персонала, надел свежий белый медицинский халат, схватил со стола Маргерет подготовленные ею для него документы и помчался вверх, на третий этаж.

Савелий Оснач уже час задумчиво стоял возле палаты одного больного. Разговор между врачом и «клиентом» не ладился, последний всё время молчал и плакал. Оснач же всё время хмурился и тяжело вздыхал.

– Здравствуйте, Савелий Оснач! – раздался с другого конца коридора голос Германа Рица.

Оснач повернулся на него и, молча, качнул головой в ответ. Добежав до главврача, юноша остановился и посмотрел на пациента.

– Что с ним? – поинтересовался Риц.

– Хм... Герман, я хотел спросить это у вас, потому что я в недоумении. Посмотрите, пожалуйста, в ваших руках результаты прошлых осмотров и встреч с данным пациентом. Попытайтесь сделать вывод и, хотя бы приблизительно, установить диагноз. Если у вас получится, то я дам больше свободы в лечении пациентов, сможете вырабатывать собственные тактики.

Герман изучил документы, пересмотрел их еще пару раз, а потом решил попытаться поговорить с мужчиной, который не переставал сторониться и рыдать с тех пор, как сюда попал.

– Доброе утро, – обратился к пациенту Риц, – меня зовут Герман Риц, я один из ваших лечащих врачей. Стена не так приятна в роли собеседника. Холодная и неотзывчивая, она не сможет вам посочувствовать. В моих же возможностях есть не только сочувствие, но и знания, благодаря которым я мог бы вам чем-либо даже незначительным помочь. Вам остается только сказать мне, что заставляет вас пускать слезы и молчать?

Но пациент так и не ответил. Мужчина лет тридцати пяти, среднего телосложения, с коротко постриженными темными волосами продолжал сидеть, уткнувшись лицом в стену, и

тихо плакать.

Как бы Герман не пытался идти на контакт, мужчина не отвечал и не поддавался. Он будто отстранился от мира, отрекся от людей и их слов, перестал существовать. Пациент был подавлен и разочарован.

– Герман, – заговорил Оснач, – вы можете сказать, что за болезнь в данном случае охватила разум и тело пациента? Подумайте хорошо, очень хорошо.

Юноша постоял, опять посмотрел на пациента за решеткой и ответил:

– Я не знаю. Я не могу сказать. Он не выглядит психически больным.

– Мой мальчик, и мы не знаем, что с ним. Но как врач с опытом, могу сказать, что он явно болен, болен чем-то разьедающим и тяжелым, чем-то, что затягивает и взамен на боль дает лишь редкие моменты спокойствия.

Савелий Оснач и Герман Риц задумчиво пожали плечами, разочаровавшись в самих себе, и ушли с этажа под звуки едва слышимого рыдания.

Когда главврач ушел домой после рабочего дня, Герман, не в состоянии смириться с утренней неудачей, поднялся к пациенту на третий этаж. В это время к пациенту пришло трое членов его семьи: две дамы, одна из которых была старшего возраста, а другая юного и один высокий пожилой мужчина с седыми усами. Они стояли возле комнаты больного и оживленно ему твердили, перебивая друг друга: «Пойдем!»,

«Хватит!», «Дома лучше», «Прекращай эти глупости». Две дамы говорили наклонившись вперед и активно размахивая руками. Мужчина же стоял сзади них прямо, но вытянув шею. Обе его руки были сложены на трость.

Спрятавшись за «комнатой» другого больного, Герман слушал разговоры издалека, иногда посматривая на пациента, который развернулся лицом к кричащим на него родным. Он покачивал грустно головой, соглашался со всем и ни с кем не спорил. Когда настала секундная тишина, мужчина в палате встал с кровати, подошел к, скорее всего, отцу с матерью и сестре, и попросил их уйти без него в этот раз.

«Когда ты образумишься?» закричала пожилая женщина.

«Так ты точно ничего не исправишь!» возмущалась девушка.

«Глупо, глупо» проговаривал под усы пожилой мужчина с тростью.

Споры продлились еще недлительное время, а затем наступила полная тишина – родственники пациента ушли.

Риц посмотрел вперед, прислушался, еще раз посмотрел, понял, что никого, кроме пациента не осталось, и направился к нему:

– Знаете, что мне кажется странным? – разгорячившись, еще издали закричал врач. – То, что ваши родственники вас убеждают вернуться домой. – У Рица дернулась левая бровь. – Как уже было сказано мной днем, я не считаю вас больным, у вас нет признаков именно психического заболе-

вания. Ваше состояние больше напоминает простую человеческую тоску или грусть. Казалось бы, «а почему не депрессия?». Но нет, и ее у вас нет. Может, скажете уже, хотя бы мне, что тут происходит?

Пациент, успевший сесть уже лицом к стене, развернулся посмотреть на юнца, назначенного ему в качестве врача:

– Герман, значит... Имя мама подбирала? – спокойно и даже нежно проговорил мужчина.

– Да, у нас в семье все имена мама подбирала, а отец просто доверял ее выбору. – Удивляясь происходящему, ответил Риц.

– Оно сразу и заметно. Отцы обычно выбирают что-то твердое по звучанию или грозное. Меня потому и назвали Дарвиком – в честь двух людей, нашедших силы и поддержку друг друга в жестоком обществе. – Пациент посмотрел в пол, а потом снова на врача разумными глазами здорового человека, страдающего душевно, но не болеющего душой.

– Мне стало больше о вас известно, но этого до сих пор мало, чтобы стало ясно, что вы тут делаете?

– А разве не ясно? Лечусь... – саркастично ответил Дарвик.

Герман замолчал, он, прищурившись, посматривал на пациента и глубоко в мыслях пытался найти способ, чтобы разговорить мужчину, но, в конце концов, сдался.

– Знаете, сейчас вечер, а впереди меня ждет **ОЧЕНЬ** долгая ночь. И она настолько долгая, что после неё вся моя

жизнь превращается в жизнь «до ночи» и жизнь «после ночи». Мне не хочется тратить силы, даже при всём моем желании знать, что с вами и желание помочь вам. Если вам не нужна моя бескорыстная помощь, если вы считаете, что игнорирование лучший выход – мне лучше удалиться. Ведь есть золотое правило: помогать в лечении должен тот врач, которому доверяет пациент. Мне жаль, что ваше доверие обходит меня стороной.

Герман развернулся и хотел уже уйти, но мужчина его остановил, схватив за халат:

– Постой. – сказал он.

Риц, повернув голову, посмотрел на пациента.

– Ты прав. Прав в том, что без доверия никуда. Могу сказать, что твое лицо и твои слова вызывают доверие. У меня даже проснулось желание тебе рассказать правду, но я этого не сделаю, если ты не пообещаешь ее сохранить в тайне.

Юноша кивнул головой:

– Обещаю молчать.

Пациент выдохнул, посмотрел по сторонам и рассказал правду:

– Вы правы – я не болен. У меня нет психического заболевания, и я нахожусь в здравом уме. Но правда в том, что я попал сюда по своей воле. Я подкупил одного из ваших врачей, чтобы он выбил мне тут место. Место, как видите, стандартное. Живу тут уже год и пока не собираюсь переезжать.

– Зачем всё это?

– Всё из-за счастья... Оно покинуло меня, став удушающей болью, когда любимая мной многими годами девушка вышла замуж за другого мужчину. Поймите, я желаю ей лишь счастья, и дабы не причинить ей и ее семье вреда, даже самого незначительного, я поместил себя в психиатрическую больницу. Уехать же из города или переехать было бы незначительным изменением. Расстояния были бы для меня слабой преградой. Уверяю вас, как только печалующие и настораживающие мысли покинут меня, эта палата опустеет.

Герман покачал головой. Он заметил сходство историй их с пациентом жизнью: оба были разбиты несчастной любовью и оба находили отдушину в психиатрической больнице.

– Дарвик, я вам сочувствую, но пора вернуться к жизни вне стен клиники и решеток. Надеюсь, вы будете готовы выйти отсюда в ближайшее время, потому что у вас хотя бы есть выбор, в отличие от меня.

«И что-то мне подсказывает, что что-то на втором этаже меня заждалось».

Герман Риц спустился на второй этаж в момент, когда ночь сменила вечер. Этаж окутала тьма, стены потрескались под напором вновь появившейся черной плесени, а за окном наступила могильная тишина, прерываемая криками диких птиц. Старичок с шизофренией стоял вне своей палаты и медленно помахивал правой рукой. Женщина с инволюционной депрессией стояла у «двери» комнаты изнутри, схватив толстые железные прутья решетки двумя руками и при-

жавшись к ним лицом. Мужчина с синдромом навязчивых состояний опять лишился своего страха и уверенно стоял возле палаты девушки, угадившей в психиатрическую больницу по решению суда. Все смотрели на Германа, покачивая головой и нежно улыбаясь.

Юный психиатр, молча, поздоровался с каждым пациентом легкими кивками, а потом направился к двери. Она ждала. Холод проносился сквозь щели в досках, мох и плесень спускались по ним, как захватчики по территориям, поглощая все больше и больше местностей, а ручка неподвижно ждала руку, готовую обхватить ее и запустить тело юноши в очередное приключение.

Когда Герман протягивал правую руку к двери, он думал о здоровом постояльце больницы и о его жизни, его бегстве от любви. Голос внутри Рица говорил ему: «Я бы не убежал от Марлен, даже если бы она решила выйти замуж за мою сестру». Но вот, рука прикоснулась к ручке, дверь открылась, и юноша вошел в комнату. Черное пятно медленно, растягивая свою черную массу, перемещалось при Германе на новый угол. Достигнув его, пятно стало простираться все ближе к потолку и расти вширь. Юноша наблюдал за этим, чувствуя беспокойство и нетерпение.

«Я пройду этот угол со всеми его ждущими меня мирами и буду дома уже утром. Уже утром буду пить чай с тонной лаванды и засыпать после долгого и тяжелого путешествия» — уверял себя Герман Риц.

Наш герой закрыл глаза, протягивая правую руку вперед, и коснулся кончиком указательного пальца черной двигающейся по четвертому углу массе. Пятно затянуло в себя тело юноши и отправило его в Мир любви и счастья.

Герман Риц, юный человек из мира людей, открыв глаза, увидел фантастический мир, захвативший радостным удивлением его сердце. Под ногами путника проросла ярко-зеленая трава с темными прожилками внутри, напоминая мармелад. Могучие деревья с пышными зелеными кронами, заполонившие этот мир, скрывали своими ветвями переливающееся разными цветами небо. В воздухе парила золотая пыльца с лепестками цветов, что своим светом и блеском могли бы заменить солнце в здешнем мире. Многочисленные озера соединялись природными мостами из переплетенных ветвей и наброшенных местными существами камней.

Наслаждаясь этим видом и наконец-то приобретенным спокойствием, Герман не заметил, как к нему кто-то подошел. Лишь повернувшись случайно и подпрыгнув от резко промелькнувшего пятна перед глазами, он почувствовал, как был близок к живому незнакомому существу. Этот кто-то, к удивлению Рица, был напуган встречей еще сильнее и, ускользнув за широкие деревья, начал перепрыгивать с одного места на другое. Одежда незнакомца слегка развивалась на ветру и всячески выдавала этого «талантливого» маскировщика.

Герман, почувствовав неловкость, начал винить себя. «И

зачем я так дернулся? Испугал явно дружелюбное существо».

Не было смысла бежать за испуганным незнакомцем. Таким способом вряд ли докажешь, что не хочешь причинить вреда. И Герман просто отпустил все мысли и свое тело. Лёжа на траве, тихо дыша и нежно смотря в небо, молодой человек следил глазами за переливами. Он почувствовал наслаждение, усилившееся теплыми порывами ароматного ветра.

Вдруг раздались звуки приближающегося существа. Шорох и шаги побудили Германа медленно приподняться и посмотреть по сторонам.

– Вы живы? – раздался приятный женский голос.

– Я? Ох! Да, я жив и живее не бывает. Я не ощущал себя настолько счастливым с тех пор, как переехал из родительского дома. – И повернувшись, Риц увидел существо, убежавшее пару минут назад. Им оказалась местная жительница не совсем человеческого облика.

Присутствие дамы побудило Германа встать. Он стряхнул с себя пыль, боясь показать неуважение. Но, к огромному нашему удивлению, Герман позабыл, что резкость пугает дружелюбное существо. Она испугалась его быстрого движения, и ей пришлось под силой осторожности и здравомыслия слегка шагнуть назад, наклонившись в ту сторону, в которую уже думала бежать.

– Нет, нет, не убегайте от меня. – Поторопился объяснить-

ся Риц. – Я не сделаю вам ничего того, что может принести вам вред. – Он раскрыл руки в знак дружелюбия.

Но она как будто не заметила этих слов и ласково произнесла:

– Вы счастливы? От чего же?

Герман, удивившись вопросу, ответил.

– Я восхищен красотой этого места, его необычностью и волшебной загадочностью. Тут я чувствую спокойствие и умиротворение. Это место удивительно. Этот мир – удивителен. – И молодой человек сделал вдох всей грудью в попытке захватить как можно больше сладкого воздуха с цветочным ароматом.

Они молчали. Стояли напротив друг друга и думали, что предвещала их встреча. Он – человек из мира людей, с любопытным взглядом и приятной внешностью. Она – женщина этого мира, необычная и спокойная.

– Вы всё еще меня боитесь. Но уверяю вас, это лишнее. Если вас испугали мои резкие движения, то я должен объясниться. Я вскочил по той причине, что не хотел перед вами предстать в одежде, покрытой пылью. Мне показалось, что это было бы неуважительно по отношению к вам. Я так думаю. Простите еще раз. Не хотел вас пугать.

Кажется, объяснение помогло растопить «лёд», и поза напуганной жительницы этого мира сменилась обычной человеческой позой стоящей прямо девушки.

– Я бы и не заметила пыли на вашем костюме.

Она говорила всегда спокойно, равномерно, без тех ярких эмоций, что всегда указывают на то или иное настроение.

Их общение переставало с каждой фразой быть напряженным. И, в конечном счете, и Её облик перестал казаться необычным.

Она была непростым человеком. Ее и человеком было сложно назвать. Ее синяя кожа была покрыта множеством золотых татуировок. Голова не была покрыта волосами, а глаза казались неземного цвета – ярко песчаного, почти рыжего, как самая красивая пустыня, хранящая в себе прекрасные озера, являющиеся здесь зрочками. Ее острый нос украшал мягкое лицо, лишённое складочек хмури или раздражения. Гладкая кожа, добрые глаза и очаровательные золотые татуировки создавали сказочный женский образ. Тело незнакомки было закрыто от глаз легким коричневым платьем длиной чуть ниже колен и без рукавов. Слегка приталенное, оно превращало её в целый мир сочетаний цветов и фигур.

– Только сейчас я понял, что забыл представиться. Меня зовут Герман. А как зовут Вас?

– Меня зовут – Окала.

– Окала... – деликатно повторил Герман. – Окала, могли вас попросить, показать мне ваш мир?

Окала медленно опустила голову и глаза в знак согласия.

– Герман, по правде говоря, я тут как раз для этого.

Лицо засветилось от радости и от пыльцы, успевшей его

окружить.

Окала могла показать столько всего в этом мире, меняющемся локации по щелчку и маху стрекозых крыльев. Но первое, что попало на глаза путнику и его гиду это земля. Из под нее вырывались голоса, и Герман припал ухом к мокрой от росы траве.

– Что это? – Спросил он, – Почему я слышу голоса, которые, кажется, наполнены грустью?

– Не стоит падать на колени и подслушивать. Посмотри, раз интересно. – И Окала движением обеих рук раздвинула землю, образовав глубокую вытянутую яму. На дне ее стояла женщина, не обращавшая внимание на рыхлые темные стены и холод, идущий от глины и песка. Она судорожно сжимала блокнот и ручку, говорила быстро, гневно и болезненно для своего сердца и своей души:

– Я возьму и нарисую шакалов, и повешу эту картину в центре зала. Отправлю копии каждому по почте, чтобы смогли увидеть вы свои морды. А у тебя, мой милый, есть даже кольцо на пальце, что символизирует вечность нашей любви. Вечность... какое ужасное слово. Лживое, как и ты. Я ведь, – женщина посмотрела в зеркало, – появилась на свет человеком от матери своей, но стала этим мерзким существом от вас. Ужас... Что за лицо? Красные, набухшие глаза и опечаленный пустой взгляд, омытый слезами по вашу душу.

Герман пытался понять, о чем или о ком говорит незнакомка и видит ли она его. Окала, будто прочитав мысли пут-

ника, произнесла:

– Она не видит нас. Она ничего не видит, кроме своего несчастья. Она не чувствует нашего присутствия, но чувствует сжимающую грудь боль. Задыхаясь, она отдает всю себя любви и потерянному счастью, растворяясь в темноте собственных мрачных мыслей.

– Но я думал, что этот мир наполнен добром, чем-то светлым...

– Так и есть. Только с одной пометкой: счастье и свет, точно так же как и любовь, даются нелегко. И только тот, кто может побороть в себе мрак, только тот, кто сможет ощутить прелесть счастья, может быть поистине счастлив. Потому что счастье – это выбор. Выбор, за который нужно бороться. И у каждого из них есть возможность выбраться, нужно только захотеть. – Окала вновь развела руки, и задрожала земля, открыв взору Германа сотню скрывающихся в ямах людей. Они были повсюду – через каждый метр земля осыпалась, показывая новые лица и головы. Поднялся шум голосов и шёпотов, Риц схватился за голову, прикрывая уши. Но гром людских страданий по несчастной любви был сильнее.

– Хватит, хватит! Прошу. Слишком громко. – зажмурившись прокричал молодой человек. – Окала, сделай что-нибудь.

И всё затихло.

Герман открыл лишь один глаз, продолжая закрывать уши. «Всё», подумал он и расслабил руки.

– Откуда ты знаешь, что всё так просто? Вот взял, захотел и выбрался? А если человек не может, но очень старается и хочет быть по-настоящему счастливым? Если он хочет, чтобы жизнь снова его интересовала, давала поводы для размышлений и переживаний, улыбок и вдохновения, хочет, но никак не получает желаемого?

– Знаю, потому что сама выбралась из такой же ямы.

– Выбралась? Как?

– Моя история не начинается одним днем или моментом, нет, начало ее длинное и уходит за многие года назад, оставляя уже потертости в воспоминаниях. И именно этими воспоминаниями я поделюсь с тобой. – Окала протянула правую руку и ладонью взялась за внутреннюю часть левого локтя Германа Рица. Её вены заблестели золотистыми реками, что начали растекаться ближе к пальцам и вот-вот собирались настигнуть руки путника.

Золотом разлились воспоминания Окалы, пройдя паутиной через кожу человека, и унесли его в другое место мыслями, но не телом.

Окала и Риц стояли на месте, закрыв глаза и схватившись руками, всё так же неподвижно. Мысли же их переместились в прошлое жизни Окалы, в те времена, когда она любила всем сердцем.

Риц видел смену картинок и эпизодов, уход и появление лиц, он чувствовал перепады настроения. Это как увидеть всю свою жизнь на огромнейшей скорости, которая не дает

тебе узреть всё в мельчайших подробностях, но дает шанс почувствовать всё вновь. Риц ощутил, как размытое мужское лицо приводит Окалу в восторг, а потом через секунду, в которую уложилось множество событий, это же лицо разочаровывает её, оставляя в трудные минуты и не показывая нежности. Этот незнакомец пренебрегал Окалой, забывая про её чувства, пользуясь её телом и требуя от неё всё больше и больше, не давая в ответ ничего.

– Он взял мое сердце и оставил его у себя, забыв дать взамен и пару слов. – Открыв глаза и убрав от Германа ладонь, проговорила Окала, медленно опуская голову. – Я не могла понять люблю ли его или уже ненавижу, не могла, ведь сердце мое было не под моей властью. Он держал его и не отдавал, пуская меня в горькие мысли. Я чувствовала себя одинокой, жалкой и никому ненужной... – Слеза, подобно тающему солнцу, скатилась с щеки и рухнула на зеленую траву.

– И что ты сделала? – Боясь ответа, спросил путник.

– Я не могла расстаться с ним, но могла расстаться с сердцем, что держало меня в плену. И я рассталась. – И из груди Окалы потекла кровь, медленно пропитывая одежду и выступая перед взором Германа.

– То есть, у тебя нет больше сердца? – смотря на происходящее, спросил человек.

– Нет. – Окала повернула по очереди голову вправо и влево, давая понять, что в ее груди больше ничего не бьется.

Герман подошел ещё ближе к ней и обнял за плечи.

– Ты больше не любишь?

– Люблю, но не сердцем.

– Тогда это не любовь. – Почти шёпотом сказал Герман.

– Возможно, но мне хочется думать, что я всё ещё могу любить.

Риц взялся левой рукой за подбородок, кончиками пальцев пригладил нижнюю губу и спросил Окалу:

– А если бы ты полюбила меня, как бы ты это почувствовала? – Робко спросил юный путник, опустив одну бровь и подняв другую, пытаясь попутно не сжевать все ногти уже на правой руке.

– Я бы окружила тебя всем только самым лучшим. Пыталась бы сделать тебя счастливым. В этом же и есть смысл любви – делать кого-то счастливее. А при встречах я бы обнимала тебя и тайно желала поглотить целиком и полностью, как сладкий нектар. Ведь, когда любишь, не хочешь отпустить. Гуляя, я бы чувствовала боль, произнося шутку и не слыша в ответ твоего смеха. Потому что, когда любишь, ответный смех превращается в ответную любовь. Придя же домой, я бы вновь и вновь прокручивала в голове часы, проведенные вместе, чтобы снова пережить такие сладостные моменты, как объятия, неловкие случайные и теплые прикосновения рук. И лежа с закрытыми глазами, я бы пыталась почувствовать всем сердцем запах твоего тела и твоих духов.

Герман почувствовал в груди давно забытое чувство, напоминающее боль и наслаждение одновременно. На лице еле

пробивалась улыбка, а тело перестало реагировать на и так отсутствующие команды отнявшегося мозга. Счастье, хоть и навеянное искусственно, активированное лишь мечтаниями о любви, теплом раздалось во всем Германе.

Закатное солнце красно-оранжевыми лучами озарило тающее от наслаждения и слегка уловимой печали лицо молодого человека. Свет играл со зрачками прищельца и превращал его волосы в огненный неподвижный костер.

Окала медленно повела Германа дальше, стараясь показать как можно больше мест здешнего мира до наступления темноты. Взявшись рукой за руку Рица, она быстро зашагала между блестящими от солнца озерами, что порождали спокойными волнами блики и бегающие «солнечные зайчики». Прохладная трава слегка поскрипывала от шагов, теплый ветер шевелил волосы, а корни деревьев создавали новые мосты прямо по ходу движения идущих. Герман смотрел на все, отключив способность к размышлениям, он просто наслаждался видом и беспечным путешествием к чему-то прекрасному. Вода успокоила его, лишив тревожных мыслей, лучи солнца подарили надежду на наступление красочной ночи, а ветер показался знакомым и опьяняющим своей добротой.

– Всё. Дошли. – произнесла Окала. – Одно из самых красивых мест, с которых открывается замечательный вид.

Герман оторвался от таяния в наслаждениях и осмотрелся. Он стоял на холме среди полевых цветов, превращенных

солнцем в золотой шевелящийся от ветерка ковер. Почувствовались динамика, движение каждого листочка, шевеление каждого крылышка стрекозы или пчелообразного паука трехцветника. И в этой динамике скрывался покой. Кому нужны наркотики, когда есть аромат полевых цветов, морского воздуха при отсутствии моря на горизонте, медленно плывущие облака и проглядывающее уже уставшее, но еще синеватое небо, местами покрашенное разгоряченным солнцем? И тут всё это было, точно так же как и счастье. А впереди, там, где цветы обрывались озерами, Герман увидел еще и возможности в виде меняющихся локаций. Виднелись красные каменные башни с металлическими петухами на крышах, горы с пещерами, белизной сияющие просторы, тонущие в свете фонарей и мерцающих огней, одиноко стоящие домики из бревен и дороги среди полей и вод. Столько всего ждало его, столько всего он должен был увидеть до прихода монстра мира любви и счастья. И он увидит.

– Окала, посмотри! Посмотри, какой вид, какие места и возможности узнать что-то новое! Мы можем отправиться туда? – указывая пальцем вдаль, спросил Герман.

– Только скажи, куда тебе велит идти твое сердце, и мы сразу же отправимся туда.

Герман с улыбкой и задумчивостью всмотрелся вдаль, а потом спокойно повернулся, чтобы посмотреть на Окалу, и упал в щекочущие листками цветы.

– Присоединяйся. – Снизу раздался голос.

Окала аккуратно присела среди цветов, взявшись руками за колени, и начала смотреть вдаль перед собой.

– Смотри! Окала, – схватив ее за руку, закричал молодой человек, подобно ребенку. – смотри, облако похоже на котика. Надеюсь, ты знаешь, кто такие котики? – вдруг со страхом спросил Риц, боясь отрицательного ответа.

Окала пожалала плечами, а потом всмотрелась в небо, закинув голову.

– Не так, Окала. Ты лучше ляг, так будет лучше видно. Тем более, когда еще ты сможешь полежать в цветах, вкисить свежий и сладкий запах, смотря в облака, напоминающие котиков и слушая мои бредни? Ложись, пока еще облака видны, будем рассматривать их и говорить, что в них видим. Я вот уже нашел облако, напоминающее котика и крокодила, пытающегося съесть другое облако.

Окала легла в траву, поерзала плечами и немного улыбнулась. Облака же плыли себе дальше, гонимые ветром и надвигающимися тучами.

– Вот то, – сказала Окала, – похоже на цветок. Только одного лепестка не хватает.

– Да, точно. Похож. Молодец. А вот то, посмотри чуть правее, похоже на лодочку из листка бумаги.

Герман и Окала продолжали рассматривать облака, угадывая, на что они похожи пока не стемнело. Лежать в траве стало холодно, а облака были невидны. Приподнявшись, молодой человек увидел среди темноты впереди огонек.

– Окала, что это?

Она встала на ноги и ответила:

– Кто-то разжѐг огонь в пещере Инфаро.

– Кажется, что он так далеко.

– На самом деле нет. Если пойдем сейчас, то успеем до начала глубокой ночи и ливневого дождя.

– Дождя? Но ведь... – и только Герман собирался сказать, что на дождь и намѐка не было, заморосил дождик. – А знаешь, забудь. Пойдем.

Пробираться ночью и в небольшой, но всё же прохладный дождь, Герману было непросто. Сказывалось незнание мест, темнота и голод. Окала же чувствовала себя прекрасно, она с легкостью обходила любое мелкое препятствие, указывала Герману на нужную трапу и часто останавливала его перед обрывом у берегов озер.

Почувствовался дым от костра, запах чего-то жаренного и вкусного. Раздался смех и... погодите, да, смех и хрюканье. Чей-то уставший от жизни голос и топот. Свет от костра начал пробираться сквозь ночную тьму и окутывать камни, стоявшие перед Германом и его синекожей подругой. Окала взглянула на резко ставшего серьезным Рица. Вдруг, слышались шаги слева, показался маленький огонек, потом рука в перчатке, несшая этот огонек в стеклянном с металлическими переплетами куполе, а затем шляпа и вытянутое вперед, подобно вороньему клюву лицо. Тело незнакомца было прикрыто свободной верхней одежде, напоминающей длин-

ное черное пончо.

Незнакомец медленно протянул левую руку к своему лицу и снял с него маску – наклеивник, применяющийся при нырянии на большие глубины. Маска снята, а клюв остался. Своими черными и блестящими от костра и огонька глазами, незнакомец всмотрелся в два лица, спокойно поглядывающих на него. Одна сторона лица преобразилась улыбкой, другая оставалась неподвижной. Видимо, клюволицый узнал кого-то из присутствующих.

– Окала, ты не бывала так прекрасна с тех пор, как пропала из моей жизни. Рад тебя снова видеть.

Окала молча качнула головой, прикрыв глаза, а потом заговорила, обратившись к Герману:

– Герман, познакомься, Чудок. Чудок, – посмотрев на клюволицего, сказала Окала, – познакомьтесь, Герман.

– Раз мы теперь хорошие знакомые, а возможно, скорые лучшие друзья, то прошу вас присоединиться к нашему ужину. Мы остановились с друзьями в пещере Инфаро, и там достаточно мест на всех, чтобы спрятаться от надвигающейся грозы.

Договорив, Чудок не стал ждать ответа. Он протянул высь руку, сложил ее в виде лающей собаки, прокричал «Выходим!», а затем перепрыгнул через камни, нагретые и окутанные костром. Перепрыгнув через преграду, Чудок протянул руку Окале, стараясь помочь ей. Но помощь ей была не нужна, Герман уже проскочил на ту сторону, сразу же

после Чудока, и уже вытянул Окалу к себе. Чудоку только оставалось смотреть, как Герман ставит со своих рук Окалу на землю.

– Прыткий Герман! Молодец. – Одобрительно и серьезно, подобно отцу на пенсии, проговорил клюволицый. – Друзья, смотрите, кого привела к нам судьба.

У входа в пещеру Инфаро горел костер высотой в полтора метра, огнем сжигающий мясо на вертеле, а возле костра сидело двое. Человекоподобный кабан в соломенной шляпе притопывал капотами, испуская из своего свинячьего рта одну глупую шутку за другой. Он сидел как человек на бревне, придерживал шляпу левой верхней конечностью и выпускал всем своим мохнатым телом, подобно оркестру, сочетание звуков, порожденное голодом, метеоризмом и шутливым настроением. Рядом с этим забавным, но отпугивающим излишней активностью кабаном, уныло сидела светлая с золотистыми прядями лама. Меланхоличная по своей натуре, она сидела вблизи кабана, игнорируя шутки и остроты, иногда проговаривала несколько предложений почти неслышно, а затем вновь замолкала.

– Хорошо тобой быть, Кабачок. Извилины хватает на то, чтобы шутить, сил на то, чтобы жить, а меня вот ни на что не хватает. А так хотелось бы сказать, как скучаю по ней, как хочу встретиться, поговорить, пошутить хотя бы о самом глупом. – Печально говорила лама.

Будучи не услышанным Кабачком в шляпе, продолжаю-

щим себе хрюкать под вытянутый свиной нос, лама заметила протянутую ввысь руку Чудока и тыкнула копытом в Кабачка. Из за камней показался незнакомый молодой человек и Окала. До них заползло и тело Чудока.

– Друзья, смотрите, кого привела к нам судьба. Холман, Кабачок, смотрите, кого я встретил у входа к нашему временному жилью! – Чудок показала на Окалу.

Завизжал Кабачок, затопал он копытами еще яростнее, от радости свистел ушами. Холман же приободрился и вновь впал в меланхолию.

– Окала, поберегись, у тебя человеческий нарост! – Смехом чуть не подавившись, завыл Кабачок.

– Давно не виделись. – Проговорил робко Холман.

Чудок взял за плечи Германа, подвел его к своим друзьям и представил.

– Он теперь один из нас. Герман, присаживайся, не стой столбом.

Риц посмотрела на Окалу, она пожала плечами, показала взглядом на небо, покрытое тучами, и кивнула головой. Раздался гром. Вспыхнула молния, и заторопился ливень, огромными каплями пробивая пыль и создавая воронки в песчаной земле. Все: Чудок, Кабачок, Холман и Окала с Германом успели спрятаться в пещере, собравшись вокруг теплого костра. Что может быть прекраснее ощущения безопасности, тепла и покоя в холодную и дождливую погоду? Прохладный сырой ветер, задуваемый в пещеру, контрастировал

с пышущим жаром костра, бросая Рица в океан противоречивых, но дающих чувство жизни, ощущений. А когда кусок жаренного просоленного мяса был в руках человека, горячим паром обдающее его лицо, Герман ощутил, как покидает тело настороженность. Расслабление полностью вступило на трон, пробудив затем энергию и дав силы для общения. Конечно, все ели молча. Хотелось набить животы, вкусить еды и снова стать полноценным, а не угасающим существом. Подзарядившись, у всех присутствующих развязались языки. Боюсь представить, каков бы был Кабачок после стаканчика красного полусладкого вина. Ох, какие похабные шутки могли бы литься из его рта, и какое желание капать картошку могло в нем проснуться!

– Герман, – заговорил Чудок, – я вот смотрю на тебя и понимаю, что ты не с этого мира. Не похож ты на наших. Так, как ты тут оказался и откуда ты?

Захрюкал Кабачок:

– Да! Да, Герман, расскажи. Не стесняйся нас, мы привыкли к странным существам, вот к Холману привыкли, и к тебе привыкнем. – затоптал, смеясь, кабанчик.

– Ха, да, по мне сразу видно, что я не отсюда. Меня занесло к вам из мира людей. Даже не знаю, как объяснить...

– Мир людей? Ты хочешь сказать, что существует два мира? – Заинтересовавшись, но всё же печально переспросил

Холман.

– Нет, не два. А значительно больше. Я уже бывал в мире ненависти, зла, одиночества, страха и вот теперь меня занесло сюда. В ваш мир.

– Подожди, – наклонив голову, сказал Чудок, – Занесло?

И Герман решил, что проще будет не отвечать на отдельные вопросы, а рассказать всю историю целиком. Его слушали затаив дыхание и вздрагивая в моменты прошедших опасностей, когда жизнь Германа, казалось, висела на волоске. Подкрадываясь историей к миру любви и счастья, он заговорил о Марлен и тут же остановился.

– Кажется, дождь кончился. Пойду, посмотрю, какой вид открывается отсюда. – Герман встал, стряхнул пыль и медленно направился к выходу.

– Но сейчас же ночь, ты ничего не увидишь. – В тишине проговорил Кабачок, утратив на секунду навыки постоянного шутовства.

Окала хотела уже отправится следом за Рицом, но Чудок остановил ее, схватив за конец платья. Он покачала головой вправо и влево, а потом сам поднялся с места.

– Я схожу. А ты отдохни, думаю, ты и так сегодня многое пережила. – И клюволицый взглянул на руки Окалы, покрытые следами от разбуженных воспоминаний, которыми она недавно поделилась с человеком.

Чудок вышел из пещеры, за его спиной остался свет, три тени и смех с разговорами, перебиваемые хрюканьем. Он

еще не дошел до Германа, он смотрел издали в паре шагов от него, пытаясь понять, что новый знакомый делает и какие чувства его переполняют. Человек смотрел вдаль, в темное, покрытое ночью пространство, не различая предметов и еще недавно видимых им башен и других объектов. Он просто смотрел для того, чтобы смотреть, а не видеть. Выдыхая тяжелый воздух и создавая тем самым пар, пришелец пытался успокоить в себе разбушевавшиеся давно подавленные и забитые в углы разума и души чувства, годами трепавших его изнутри. «Всё, всё, хватит», проговаривал он себе в уме, «мы не можем быть с ней вместе сейчас, может, когда-то будем, но не сейчас. Если же нам суждено быть вместе, мы будем, куда бы нас ни занесло». Уговоры почти помогали. Одна часть Германа была разумна, она способствовала пониманию ситуации и утишала, подавляла боль. Другая же его часть кричала, изнывала и ругалась диким и безграничным матом. Ком подступил к горлу, человек взялся рукой за лицо, зажимая нос и пытаясь притвориться мертвым для своих же мыслей и чувств. Герман сдерживал себя как мог, но вдруг закинул голову назад и тихо прокричал в небо. Устремив взгляд в ночное небо, которое, по ожиданиям Рица, должно было быть заполнено тучами, он увидел тысячи сияющих звезд и сложенный из них уплывающий путь. Глаза человека наполнились блеском множества сияющих светил, а зрачки расширились.

– Ты тоже любишь смотреть на звезды? – Подойдя к Гер-

ману, сказал Чудок.

– Да, и ведь это даже не объясняется. Я мог бы сказать, что, смотря в небо и разглядывая блеск каждой даже самой маленькой звезды, меня переполняют мысли или эмоции, но тогда бы я соврал. На самом деле, смотреть на звезды приятно именно по той причине, что посмотрев на них, забываешь про всё, даже про собственное существование. Растворившись в мире, становишься частью этого мира и становишься ничем, ничем не связанным с этим миром одновременно.

– И именно пустота дает чувство безграничного одиночества или делает тебя счастливым в такие минуты. Пустота от мыслей, пустота от чувств и переживаний. Наступает секундное чувство свободы от всего мирского.

– Именно. – Не отрывая взора от неба, без эмоций подтвердил Риц.

– Но зачем тебе эта пустота?

– Чудок, я не умею говорить о своих чувствах. Могу сказать лишь то, что люди часто страдают, сучая по другим людям. – И на этих словах пришелец вытянул шею прямо, вернув голову в обычное положение. Но он продолжал смотреть в небо, в далекое и звездами горящее небо.

Чудок покивал своей головой с клювом на лице, и решил на откровения.

– Скучать по человеку, который очень нравится или даже которого любишь, кажется мукой подобной пытке раскольной смолой, прожигающей тело до костей. Но есть же в этой

скуке и что-то сладкое, что-то окрыляющее и дающее повод для мечтаний о любимом. Соскучившись, легко представляется момент встречи, пылкий разговор и страстный поцелуй где-нибудь в парке у пирамиды. От скуки наливается горячее кровью нутро, начинающее жаждать приключений и новых ощущений. Сердце открывается новой музыке, душа начинает подпевать в ритм, а голова кружиться, как после нескольких бокалов вина. Скучать по возлюбленному человеку, отдавая себя мыслям, полезно так же для творчества. Любить и скучать по любимому сложно, больно, но именно эта боль дает чувство жизни и желание жить. И я уверен, что именно по этой причине, ты оказался тут и именно по этой причине лучше не подпускать к себе пустоту.

Герман молчал. Он положил свою руку на плечо Чудока и мысленно благодарил, что тот дал ему вновь почувствовать в себе надежду на счастье.

Человек и клюволиций вернулись в пещеру к остальным друзьям после небольшого молчаливого осмотра звёзд и тут же приступили к болтовне. Все, кроме уже спящей Окалы, принимали участие в диалоге. Герман ощутил зарождающуюся крепкую связь между ним и Чудоком. Понял, что Кабачок нравится ему, как тот, кто всегда насмешит. А Холман привлекал готовностью всегда поддержать разговор о грустном или тревожном.

– Я говорил Холману, что он ни за что не обыграет меня в каменушки! Но этот упертый ламообразный брехун, врет,

что меня обыграет даже одноногий скрипун, потому что у меня копыта. – Наигранно злился Кабачок.

– Не хочу обижать тебя, мой кабанчатый друг, но ты и вправду не можешь претендовать на звание лучшего или хотя бы хорошего игрока каменушек. Все знают, что лучший игрок я – Чудок великолепный, титан и непобежденный воин!

Кабачок рассмеялся, хрюкая и надрывая лохматый животик. Холман улыбнулся, скучно подняв брови. И Герман ничего не понимал.

– Что такое каменушки? – Наконец спросил человек. И вправду, что это?

Кабан в шляпе растолковал Герману, что каменушками у них называют игру. Она заключалась в том, что игрокам нужно в несколько разных раундов, каждый из которых знаменуется увеличением дистанции, закинуть вспахивающиеся камни в костер. Уловка в том, что вспыхалки для каменушек отскакивают, приземлившись, и не каждый сгорает именно в костре. Игра опасная, детей к ней не подпускают, но они рвутся в игру сами.

– Раз у нас появились сомнения, то их нужно развеять. Вперед! На улицу, играть в каменушки! – и Кабачок достал из за спины сумочку. Нет, не женскую, а льняную, заполненную чем-то, что стучит. – Вспыхалки у меня с собой.

– Пока дождь не начался вновь, поторопимся! – разгорячившись, заторопил всех Чудок. Ему не терпелось победить

ВНОВЬ.

Чудок схватил одно из бревен из костра, полыхающее огнем, и вынес его на улицу, накидав на него еще множество веток. Вспыхнул костер не хуже того, на котором жарили ужин. Все четверо участников каменушек встали по одну сторону, выстраиваясь чуть ли не в очередь. Первым хотел кинуть вспыхалку Чудок, но Кабачок его остановил.

– Почему ты? Я хочу первым кинуть!

– Ну нет, глупости не говори. – Чудок замахнулся, чтобы кинуть камень, но Кабачок бросился на его руку, повис на ней и завизжал.

– Холман, Холман, забери у него вспыхалку! Он не честно играет.

– Ну нет, я в это не полезу. – Спокойно ответил Холман. – Сам разбирайся. – И сел на зад.

– Давайте посчитаемся! – закричал Риц.

Чудок перестал отрывать от себя Кабачка, все замерли и вопросительно посмотрели на пришельца.

– Посчитаться – это решить поговоркой или короткой игрой, кто начнет игру. Смотрите, – и Риц вспомнил детскую считалочку и пальцем указал на Холмана. – Холман начинает.

– Но! – и Кабачок хотел что-то сказать, но остановился, поняв, что Чудоку это не нравится еще больше. – Хе, хрю, Холман начинай.

У Холмана вообще нет рук, а на копытах он ходит, как

настоящая лама. Не то что этот Кабачок, что ходит на задних копытах. Чем кидать вспыхалку Холману? Он кидал их ртом. Взял камень, встал за начертанную на песке линию и плюнул. Камень упал совсем рядом с костром, но отскочил и вылетел за пределы площадки у пещеры. Вспыхнуло где-то внизу, вдали.

– Ха, смотри, как надо! – Кабан кидал вторым вспыхалку. Он прицелился, покачал камень и случайно уронил его рядом с собой. Раздался визг испуганного поросенка. И бух! Вспыхалка вспыхнула в воздухе, пока отскакивала в сторону костра. Очков за такое присуждают меньше, чем в случае у Холмана.

Чудок бросал камень третьим. Он молчаливо и сосредоточенно встал за линию, прицелился, попал левее костра, но камень отскочил и угодил прямо в пламя. Чудок лидировал. Наступила очередь Рица. Молодой человек размял руки, плечи, сунул руку в сумку Кабачка. Достал вспыхалку и бросил ее дальше костра. Казалось, всё проиграно. Но нет! Вспыхалка вспыхнула и камень угодил прямо в костер.

– Кажется, у нас новый претендент на звание титана. Да, Чудок? – издеваясь, сказал Кабачок, желая разозлить друга.

– Ну какой же Герман титан? Так, титанчик.

С этой фразы началась борьба Чудока и Германа за звание титана. Человек уступал опыту, но подкупал уверенностью и точностью бросков. Удача была на его стороне.

Вернулся дождь. С каждой минутой он усиливался, и ко-

стру было все сложнее поддерживать огонь. Из игры выбыли Холман и Кабачок, которые уже умоляли двух азартных друзей, промокших до нитки, вернуться в пещеру.

– Костер сейчас потухнет! Нет смысла играть. Чудок, Герман, пойдете! – Кричал Кабачок из пещеры, пытаясь пробить голосом звуки разбивающихся о землю капель, шум которых заволок всё вокруг.

Но Чудок и Герман не останавливались. Они отошли от костра уже на десять метров в темноту ночи. Последний раунд. Чудок бросает вспышку, она падает далеко от костра, будучи сбита дождем, затем вспыхивает и улетает прочь. Если Герман сможет справиться с волнением и обстоятельствами, он может избежать такого же неудачного броска. Человек прицелился и бросил вспышку. Она упала возле тех камней, через которых перелезали они с Окалой, потом вспыхнула, и камень прилетел прямо в костер. Победа! Герман Риц выиграл Чудока великолепного.

– Титан! Я новый титан! – Герман прыгал от радости и счастья. Почти детская забава вернула забытое отстранение от взрослой жизни.

Чудок был побежден, но не сломлен.

– В следующий раз ты проиграешь и вернешь мне мой титул.

Ветер подбрасывал волосы Германа вверх, превращая их в самостоятельные фантастические существа, исполняющих какой-то свой непонятно смешной танец. А дождь уже намо-

чил и одежду и ноги, но ему было все равно. Он шел в сторону пещеры, хлюпал ступнями и глупо улыбался. И если бы он был в мире людей сейчас, ему было бы всё равно, что это кому-то не по душе и ему было бы хорошо, если кому-то стало бы легче от его улыбки. Да, он улыбался в непогоду, весь мокрый от дождя, с растрёпанными волосами! И что? Просто он почувствовал себя ребёнком, который напрыгался в луже, побрызгался водой и стоит довольный, не зная, будет его ругать или над ним смеяться мама.

Обогревшись у костра и уснув, Герман проснулся утром сухим, свеженьким, почти чистым и счастливым. Он сразу посмотрел в небо и пробивающиеся сквозь дождливые тучи лучи солнца.

– Хорошо, что ты уже проснулся. Чудок не хотел уходить не попрощавшись. – Сидя на бревне, сказала Окала.

Герман потер лицо кулаками, зевнул и удивленно, но сонно спросил:

– Прощаться?

Герману дали несколько минут, чтобы он умылся, окончательно проснулся и выпил горячего сока, заменяющего, по видимому, чай мира людей.

– Герман, я был рад познакомиться с тобой. Уверен, наши дороги еще переплетутся. Но сейчас я ухожу, моя жизнь – путь. И этот путь точно приведет меня к тебе в скором времени. Не прощаюсь, но желаю лучшего.

– До встречи, Чудок. – Герман и Чудок обнялись на про-

щание, и клюволиций в своем черном длинном пончо отправился вдаль, прикрыв голову чем-то, напоминающим зонт.

Дождь заволок всё вокруг: дороги, ноги Германа и его сердце. Чудок уходил весь в черном с таким же цветом «зонтом» над головой, и его силуэт искажала дождливая погода. Вдруг стало немного грустно и даже одиноко, не мог Риц и подумать, что такое глубокое впечатление произведет на него тот, с кем он никогда не виделся и с кем будет редко видеться впредь. Печально всё это, но становится легче от одной мысли: «но он же вернётся через год, два или три, но вернётся. И тогда станет ясно, кто истинный титан, а кто всего лишь титанчик». Уже тогда Герман чувствовал, что знакомство с Чудокком не ограничится одной встречей, но размышления на эту тему не возникли.

Окала коснулась пальцами правой руки ладонь левой руки Германа и взглядом указала влево. Нужно было двигаться дальше, посмотреть другие места мира любви и счастья, понять, что каждая из локаций – самостоятельна. И если тут сейчас тепло и встает солнце, то в другом месте всегда ночь и идет снег. Контрасты природных особенностей и построек выдают в этом мире его стремление к гармонии, стабилизации неровностей, приносящих людям неудобства. Если в одной локации тебе жарко, то в другой будет прохлада или даже зимний холод. Не любишь затянувшийся дождь? Ступай в другое место, где светит солнце, лучами прожигаящее траву. Мир любви и счастья дает шанс почувствовать себя в

«своей тарелке» благодаря внутреннему многообразию.

Герман опечалено шагал за Окалой, смотря себе в ноги. За спиной у них осталась опустевшая пещера Инфаро, в которую Кабачок и Холман намерены были вернуться не раньше, чем через несколько дней. Что происходило вокруг во время движения, Герман не видел и не ощущал, пока не почувствовал наступающую прохладу. Студеный ветер насыщал кожу человека холодными мурашками, на руки начали медленно приземляться замершие капельки воды, а затем и мельчайшие крупинки снега. Герман поднял голову и увидел, как чистое голубое небо плавно переходит в тучами покрытое ночное пространство. Вдруг, послышался хруст под ногами. Снег под тяжелым весом человека терял свою воздушность и приминался, издавая звуки. Риц заулыбался.

– Хрустит! Окала! Это же снег! Он хрустит! – смеявшись, прокричал впереди идущей Окале Герман. Он начал кружиться, медленно переставляя ноги и вслушиваясь в снежные хрусты.

Потемнело. Молодой человек отвлекся от забавы и направил свой взор вперед, там была ночь, осыпаемая белыми крупными хлопьями снега. «Интересненько». И Риц решил посмотреть за спину. «Везде ли настала ночь? Не могли же мы так долго идти сюда». Обернувшись, пришелец увидел вдалеке сияющее теплым светом солнце.

– Окала! Окала! Ты это видела? Тут ночь и снег, а там лето и солнце! Поразительно. – Герман встал с удивлением,

проговорив это и не закрывая рот от восхищения.

– Да, Герман. Видела. – Окала остановилась, дабы дать человеку насладиться противоречивостью и сочетаемостью локаций этого мира.

Повертев голову назад и вперед, осматривая мельком то снег в ночи, то дневное солнце, пришелец издал радостное «Эх!» и двинулся к Окале.

– Можем идти дальше.

– Точно? Мы можем еще постоять.

– Точно. Если я удивлен этому, то представляешь, как могу еще удивиться? Жду с нетерпением. Отправимся же в путь дальше. – Позабыв о недавней печали, направился к собственному счастью радостный Риц.

Ночь совсем поглотила Окалу и пришельца. Герману стало сложно различать предметы, ему не хватало хотя бы небольшого источника света. И вдруг по обе стороны от тропинки зажглись уличные фонари, лампочки которых были накрыты стеклянными ажурными плафонами, окруженными металлическими извивающимися прутьями в форме ветвей лиственных деревьев. Крупно падающие белые хлопьями снега, блестящие от света стоявших через каждые два метра фонарей, посыпались еще быстрее. Ветер подхватывал их и нёс по воздуху, кружа и сея повсюду.

– Вот бы ветер дул не так сильно! – закричал Герман Окале, морщась от порывов ветров и быстро разбивающихся об лицо снежинок.

И ветер затих.

Снежинки медленно сыпались сверху в низ, мерцая от огней фонарей разными красками. Заблестело все пространство вокруг. Земля сияла, пополняясь свежим белоснежным снегом, а воздух прорезал блеск еще не упавших замерзших кристаллических капель. Из рта Германа выходит густой хорошо видимый пар, его тело ощущало приятный освежающий холод, а голова покрылась снежной «шапкой». Из под ног продолжался издаваться хруст.

– Стой, Окала! Я хочу кое-что сделать. – Герман встал на месте, дождался, пока его спутница услышит его слова и, повернувшись к нему, посмотрит на него.

Риц сошел с тропинки, прокладываемой впереди идущей Окалой, и зашагал в левую сторону, обходя фонари. Зайдя за фонари, Герман встал лицом к Окале и упал спиной на воздушный и мягкий снег. Человек почувствовал, как лежит в облаке, прохладой обнимающем спину. Риц развел руки по сторонам, раздвинул ноги и начал делать «снежного ангела». Раздался человеческий смех.

– Ещё снега! Больше снега! – вознеся руки к небу, прокричал Риц.

Окала засмеялась в ответ.

– Сейчас бы еще встать, чтобы не повредить мое творенье! – Где-то из под снега, закрываемым впереди стоящими сугробами, прозвучал голос юноши.

Герман вскочил на две свои ноги, посмотрел вниз влево,

вниз вправо, поднял голову и шагнул аккуратно вперед.

– Окала, подойди, посмотри!

Не собираясь противостоять, Окала подошла к пришельцу. Он гордо смотрел вниз, показывая правой рукой на снежного ангела.

– Я тоже могу так сделать? – восхитившись, спросила си-некожая спутница нашего героя.

– Конечно! Просто нужно лечь в снег, развести ноги и руки в стороны и махать ими. Вот так. – И дурачась, человек вновь упал на спину в снег, собравшись сотворить еще одного «ангела».

Окала взяла пример со своего человека и рухнула в снег, подняв за собой маленькую метель из гонимых ветром ввысь подлетевших снежинок. Через пару секунд она встала, сделала шаг вперед и позвала Германа. Он посмотрел вниз и увидел самого прекрасного тонкого, аккуратного снежного «ангела» в своей жизни.

– Прекрасно. В шутку хочу сказать, что не так прекрасно, как мое творенье, но не могу.

Окала и Герман вернулись на тропинку, идущую между фонарей, и продолжили путь. Через пару минут впереди показались разноцветные огни гирлянд, колокольчики и блестящие подвешенные на ниточках маленькие стеклянные игрушки. Гирлянды пускались по голым, но окутанным снежными покрывалами деревьям. Ветви блестели разными цветами от мерцающих снежинок, на которых падал свет разно-

цветных гирлянд. Игрушки и колокольчики свисали с балок деревянной решетчатой крыши небольшой постройки, стоящей в центре идущих по кругу деревьев. Из постройки, а точнее её трубы, шёл дым. Откуда-то раздавался запах свежей горячей выпечки и сладкого чая, какао или кофе. Под той самой решетчатой крышей стоял столик с двумя стульями. Окала предложила присесть.

Войдя на площадь с блестящими от фонарных огней и огней гирлянд деревьями, окутанными снежным покровом, Герман всмотрелся в переплетающиеся над головой ветви. В них он увидел сразу нечто восхитительное в блеске упавшего на них снега и нечто печальное в темноте пустующих участков. Он закрыл глаза, вдыхая морозный воздух и выдыхая теплый пар. Ветерок покусывал покрасневшие щеки, создавая приятные совсем не болезненные ощущения. И в этот момент, когда человек сомкнув веки, пытался насладиться чувством свободы и умиротворения, возник призрак из прошлого. Риц резко открыл будто обезумевшие глаза и сжался всем своим нутром, не давая боли бить в самое сердце. Окала, повернувшись в сторону сзади стоящего Германа, заметила изменения в настроении человека и мягким голосом предложила горячего хрустящего хлеба и чая с ягодным вареньем. Она взяла всё перечисленное из небольшой постройки и поставила на столик под решетчатой крышей. Пошевелив стулья, она сбила с них снежные подушки.

Герман смотрел на Окалу и не давал ответа, он просто ка-

чал головой и медленно приближался к ней, пока она ставила яства на стол. Сев на один из стульев, Риц взял чашку ароматного чая, слегка источающего сладковатый запах. Он немного отпил и взялся за хлеб. Кусок свежего мягкого хлеба в хрустящей корочке растаял во рту человека, и он издал лишь немногословное «мммм». Было ясно, что он готов плакать от восторга. Молчание продолжалось, и вокруг царил бы полная тишина, если бы не звон колокольчиков и тонкое звучание бьющихся друг об друга стеклянных игрушек. Риц приподнял голову, жуя очередной кусочек выпечки, и посмотрел в небо, где расходящиеся белые снежные тучи открыли взору блестящие звезды. Окала посмотрела на человека и слегка наклонила голову, пытаясь понять, откуда столько романтики в новом знакомом. Она решила для себя, что ночью люди становятся привлекательнее. Видимо, приглушенный свет скрывает недостатки внешности почти так же хорошо, как недостатки характера.

Прошло немного времени, Герман успел пресытиться и насытиться для того, чтобы заговорить.

– Вкуснее я еще ничего не ел. Казалось бы, просто свежий хлеб и чай, да варенье самое обычное, но столько наслаждения! Наверно, я очень замерз и проголодался. Кстати, а почему тут есть чай, а в другом месте мы пили нектар?

– В Инфарно нет такого чудесного сарайчика, готовящего всё, что только душе угодно, но в пределах простоты и вкуса. Там еду готовил Кабачок своими копытами. – Окала говори-

ла, в прочем как и всегда, медленно, спокойно, но в данную секунду со слегка уловимой улыбкой.

– Точно, точно. – Улыбнувшись, ответил Риц.

Окала взглянула на свои синеватые по природе, а не от холода руки и решила спросить, что всё же случилось с Германом пару минут назад и почему он стоял обездумевши смотря перед собой. Молодой человек, обычно не желавший отвечать на подобные вопросы, решил открыться Окале и рассказать про Марлен и про то, что потерял её. Завершая ответ, Герман сказал:

– И когда я увидел ее сейчас в кромешной тьме закрытых глаза, то почувствовал только одно: желание любоваться ею и притронуться к ней. Весь остальной мир с переплетением чувств перестал существовать. В голове раздался собственный голос: «не думал, что смогу увидеть тебя снова»... а дальше незаметно подступили слезы к глазам, пускаясь вниз по лицу и к ушам, удушливо причиняя боль.

Окала молча встала из за стола, зашла в постройку и принесла оттуда тарелку полную мармелада. Она опечалено посмотрела на неё и проговорила:

– Мне жаль, что я заставила тебя пережить боль заново. Надеюсь, что мармелад из самого сладкого нектара и самых вкусных фруктов поможет забыть мой поступок и сделать жизнь чуть слаще.

Герман улыбнулся Окале и предложил съесть всё вместе. Удивительно, но мармелад был даже не сладким, а прекрас-

но сочетающим кислинку и сладость и раскрывающим естественный фруктовый вкус. Опять зазвучало «мммм».

Пытаясь дышать с набитым едой животом, Риц покручивал голову по сторонам, пытаясь рассмотреть окрестности. Выдохнув, он спросил у Окалы, что находится чуть сзади них по правую сторону и так привлекательно блестит ровной поверхностью. Она ответила, что это покрытый льдом плавный спуск.

– Да? – заинтересовавшись, риторически спросил человек, уже пошаливая своими бровями. – А может это? Скажемся на нем?

– Да ты сумасшедший. Я не знаю, куда он ведет. – Улыбаясь с досадой проговорила Окала.

– Не знаю, как твоя, но моя жизнь в последнее время только и состоит из неизвестных дорог, которые ведут меня туда, куда я не знаю. Так почему бы не продолжить это? Тем более, мы же в мире любви и счастья, так что, нам нечего опасаться.

Собеседница покачала головой. На нее сработали уговоры молодого человека, и они вместе вскочили из за стола и побежали к склону.

– Стой, стой, стой! А на чем мы съедем, у нас нет даже простой доски. – Остановившись возле блестящего льдом спуска, удаляющегося в темнотой окутанную неизвестность, произнесла Окала.

– Как на чем? А, прости за выражение, попы нам зачем? На них и съедем вниз. – И заулыбавшись, предвкушая осу-

ществление сомнительной забавы, ответил человек.

Окале эта идея показалась безумной, но заманчивой и сулящей веселье. Пара напоследок посмотрела на заснеженную площадь, снегом окутанные деревья и блестящие снежинками улицы, на гирлянды и фонари, освещающие падающие с неба и отражающие мерцанием свет кристаллы льда. Герман взглянул на спутницу, она на него, и оба сели на начало спуска. Окала держалась за спину человека, пытаясь успокоить себя хорошими мыслями. В человеке же закипела кровь и проснулся азарт.

– Поехали! – прокричал Герман.

Сначала медленно, а затем ускоряясь начали съезжать по спуску прямо на полах, как с горки, Риц и Окала. Скорость увеличивалась, и нашим весельчакам становилось всё смешнее и интереснее. Всё вокруг слилось в одну быстро меняющуюся картинку. Спуск начал плавно поворачивать, а потом вести ввысь, поднимая человека и синекожую женщину всё выше к небу на большой скорости. И вдруг, трамплин, спуск обрывается и Риц с Окалой летят прямо над заснеженными улицами и фонарями, смотря вниз и видя, как всё это удаляется, оставаясь позади. Высота начала снижаться и в это время начал уже ощущаться теплый ветер, приносящий запах свежей травы. Выглянуло солнце. Герман и Окала рухнули с неба в мягкий зеленый куст. Из куста первой выглянула головы Германа со взъерошенными волосами, безумным и довольным взглядом глаз и улыбкой на всё лицо.

– Да! Это было невероятно! Чувство полета и небывалой свободы! – выпрыгнув из куста ураганом сносящим печаль, закричал подпрыгивая и размахивая руками Риц. – Окала! Окала? – остановившись и перестав радоваться, забеспокоился человек. – Ты где, Окала?

Герман подошел к кусту обратно в надежде не увидеть чего-то страшного. И только человек наклонился посмотреть, нет ли в ветвях бездыханного синего тела, из куста показалось улыбающееся лицо Окалы. Она моргала и посматривала в небо. Услышав всё таки звуки голоса пришельца, она резко встала и радостно ответила:

– Да, да, я тут.

Герман отшатнулся.

– Ты как? – ожидая чего угодно, спросил Риц.

– Замечательно! Ты видел, как всё вокруг плыло, превращаясь в одну большую размазанную кляксу? А потом всё стало таким маленьким и далеким?

Рассказывая свои ощущения на протяжении получаса, человек и синеккожая женщина не замечали, где они находятся. Остановив поток речей, Герман посмотрел на окружающее его пространство и узнал уже знакомую мармеладноподобную траву, деревья с широкими и распушенными светло зелеными кронами и будто живыедвигающиеся корни. Всё было как в изначально описанном мире любви и счастья, кроме стоявшей квадратной башни в готическом стиле из красного кирпича. На её вершине формой четырехгранной

пирамиды от ветерка покачивался металлический флигель – петушок. Идущие по фасаду широкие кверху закругленные окна были заполнены разноцветными стеклами. Башня имела в половину своей высоты широкую арку с левой стороны, соединяющую капеллу со второй уже разрушенной башней. Над аркой на плоской крыше располагалась смотровая площадка, пол которой покрывали деревянные доски. Каменная лестница к площадке находилась с другой стороны сооружения, скрываясь от взора Германа. К ней можно было пройти через туннель арки, обрамленной белым кирпичом. Перед башней из земли тянулись полуразрушенные колонны, одни из которых были выше или ниже других.

Окала показала рукой на башню и сказала, что местные давно прозвали ее Адиной.

– В нее можно зайти, только поднявшись на смотровую площадку.

Герман и его спутница зашагали вперед, прошли под высокой аркой, внутри которой хорошо звучало эхо, и вышли к лестнице из белого камня, ведущей к площадке. Взявшись рукой об железный поручень, человек пытался не смотреть под ноги и не думать о том, что можно легко соскользнуть. Наступив наконец-то на деревянный пол смотровой площадки, Риц выдохнула. Первое, что ему бросилось в глаза, так это нарисованные «готические» окна со стороны входа в башню. Другие были настоящие, а эти нет, они были лишь имитирующими наличие настоящих окон, занавешен-

ных светлой тканью. По правую и левую сторону человеку открылись красоты мира. Окала подошла к железной перегородке справа от входа на смотровую площадку, положила руки и начала смотреть вперед. Герман принялся похаживать по деревянному полу от одной стороны к другой, сравнивая пейзажи. С левой стороны открывался вид на озера с их блестящими от солнца водными гладями, пускающими солнечных зайчиков и покачивающимися вялыми волнами. С правой стороны можно было хорошо рассмотреть среди зазеленевших «с приходом весны» деревьев тропинки и сложенный искусственно здешними жителями лабиринт из камней. Человек понял, что его больше завораживает вид с озерами. Он встал, как Окала, и принялся рассматривать маленькие фигурки, находящиеся на водной гладе озер. Приглядевшись, Риц понял, что никакие это не фигурки, а живые существа, плывущие на маленьких деревянных лодочках. Существа сидели по парам, медленно плыли, почти не прибегая к веслам. В каждом из шести озер плыло от трех до пяти парочек.

– Окала, а что это за озера? – крикнул человека спутнице, стоявшей на другой стороне площадки. Она, услышав обращение к себе, решила подойти к человеку и ответить на его вопросы.

– Каждый называет их по-разному. Кто-то озерами мудрости, кто-то озерами старшин, а кто-то озерами стариков. Видишь пары, что плывут в деревянных лодках? Все они в

преклонном возрасте и влюблены в свою вторую половинку большую часть жизни. Они плывут в тихих водах годами пока не... – и Окала замолчала, боясь говорить правду. Она надеялась, что Герман не заметит недосказанности и не узнает, что является тем самым «пока не».

– Пока не что? – Напряженно спросил Риц.

Окала покачала головой, показывая тем самым, что не хочет говорить.

Но, как бы ни старалась Окала, правда всё равно вышла на поверхность, разбивая водную гладь в летящие в разные стороны брызги. Из самой глубины одного из шести озер вдруг начали подниматься разъяренные подвороморы.

– Что это? – крикнул Риц.

Огромные, мохнатые, темные, с гигантскими лапами и мордами, на которых виднелись черные пустые глаза, широкие пасти, надутые ноздри и свирепый оскал, они чем-то напоминали горилл.

Окала поняла, что чем быстрее она скажет правду, тем легче будет Герману пережить то, что он увидит дальше.

– Подвороморы. Они выглядят свирепыми существами, но внутри они добрые, поверь мне. У них, как и у всех нас, есть своя роль. Их роль... их роль забирать на дно одного из сидящих в лодке пожилых существ. Один из стариков будет выбран подвороморами и утащен в воду. А потом...

Но Окала не успела договорить. Подвороморы, поднявшись со дна и заполонив почти всё водное пространство од-

ного из озер, быстро перебирая лапами, двинулись на одну из лодок. Мило и спокойно беседующие в ней старики не замечали приближающейся опасности. Вдруг, подвороморы набросились на лодку и начали хватать старичка. Он до конца пытался держать свою старушку. Но конец пришел слишком быстро. Подвороморы зацепили старика и потащили вниз, под воду. Старушка кричала, бросалась на край лодки, где еще секунду назад сидел её любимые многими годами старик, но было слишком поздно. Будто закипев, вода бурлила, пряча в себе всех гориллоподобных существ и несчастного старичка, время жизни которого подошло к концу. Затем озеро успокоилось, и водная гладь вернулась. Всё успокоилось, и наступила тишина. Лишь в одном месте начала качаться судьба, как лодка и жизнь та, которая в ней была. Старушка, оставшись без своего любимого, не могла найти баланс, лодка качалась из стороны в сторону и, в конечном счете, перевернулась. Старушка скрылась под лодкой, а затем и под водой, умирая следом за своей любовью.

– Ей нужно помочь! – И Герман хотел уже бежать, спасти бедную пожилую даму, но Окала схватила его и обняла, проговорив:

– Ей уже не помочь.

Оставшись одними в старости без любимого многими годами, не можешь найти больше покоя и баланса в жизни.

– Окала, это ужасно. А если в это озеро упадет кто-то? Или захочет искупаться в жаркий день, как этот? Вдруг эти

подвороморы и их затынут?

– Нет. Они никого не трогают. Можешь не бояться за жизни других. Подвороморы лишь забирают тех, кто к этому уже готов, тех, чья лодка должна перевернуться.

Герман больше не хотел смотреть на озера, что казались ему спокойными и идеальными для отдыха еще пару минут назад. Он взялся руками за голову, принялся глубоко дышать и похаживать по площадке. Окала отвлеклась всего на секунду, а когда повернулся, Германа уже не было. Она обеспокоилась, начала смотреть по сторонам, всмотрелась в озера, чтобы убедиться, что Риц не принялся спасать старушку, а потом, убедившись, что его там нет, зашла в капеллу. Там то Герман и нашелся вновь. Он всматривался в потолок с веерным сводом. Сквозь широкие окна с разноцветными стеклами пробирался свет, разукрашивая башню изнутри и освещая скульптуру спокойно стоявшего существа, напоминающего сложившего перед собой ладони человека. Каменное изваяние находилось напротив настоящих окон и озарялось лучами солнца, создавая впечатление, что именно оно является источником света.

Риц, улавливая тепло лучей на своем лице и засматриваясь на потолок, начал влюбляться в Адину, признавая ее одним из самых романтических мест, в которых он побывал. Бросив взгляд на скульптуру, он, заинтересовавшись, приблизился к ней. Герман всё больше и больше вглядывался, пока вдруг скульптура не зашевелилась и не заставила че-

ловека сделать пару шагов назад, приготовившись схватить Окалу и бежать. Окала уловила настороженность Германа и положила правую руку на плечо приблизившегося юноши, закрывающего левой рукой тело спутницы.

– Всё хорошо. – Произнесла Окала.

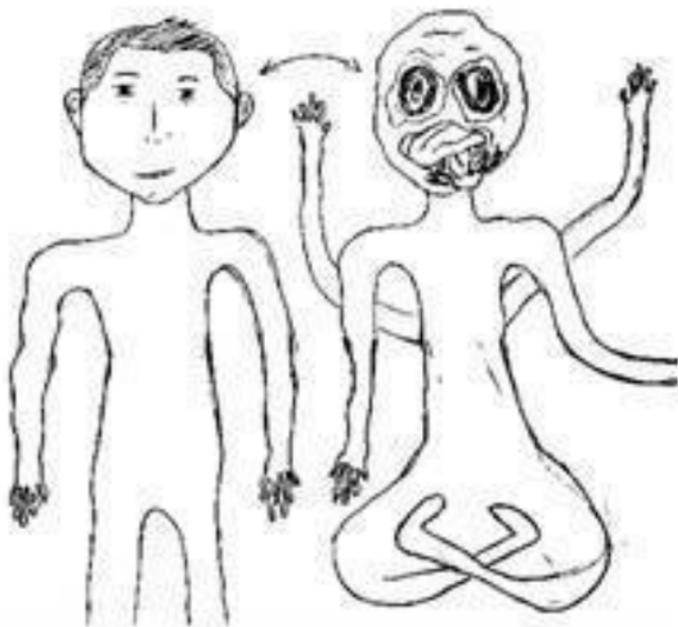
– Беру от тебя плохие привычки. – Ответил с улыбкой Риц и гордо выпрямился.

Скульптура зашевелилась пуще прежнего и, в итоге, совсем ожила. Спрыгнув с пьедестала, ожившее существо взглянуло дружелюбно на Германа и Окалу, продолжая едва заметно разминать плечи.

– Прошу дать мне минуту. Застоялся, нужно немного размяться. – приятным мужским голосом проговорила ожившая статуя человеческого облика. Худой, многорукий, высокий «человек» тощей наружности с короткой стрижкой начал деформироваться. Появилось другое лицо – совсем нечеловеческое. Голова перестала быть ровной, она покрылась бугорками и складками, стала походить на вялый лимон с твердой волнистой коркой. Глаза увеличились в десятки раз и выглядели как кратеры вулканов, наполненные лавой, извергающей в самом центре самую тьму. Рот уродливо украшали торчащие в разные стороны тонкие, как вытянутые лезвия, зубы. При этом нижняя челюсть была заметно меньше верхней. Это уже совсем не человеческое лицо появилось еще чуднее, чем оно выглядело. Оно появилось через перемещение головы сверху в низ и её разворотом на сто восемь-

десять градусов. Так, верх стал низом, а низ верхом. Конечности и остальные части тела терпели трансформацию следом за головой, после чего незнакомец с уже новым лицом переворачивался, вставая на перемещенные ноги.

Узрев происходящее, Герман почувствовал, что перед ним не простой местный житель. Он начал подозревать, что сейчас наблюдает за «разминкой» монстра мира любви и счастья.

Вернувшись в почти человеческий облик, перемещая конечности и голову на их первоначальные места, существо

всмотрелось в пришельца и Окалу.

– Ты вовремя его привела. Я начал бояться, что вы где-нибудь потерялись. А ты же знаешь, как я не люблю нервничать. – Обращаясь к Окале, вежливо, без намеков о насилии, проговорило существо. – Герман, здравствуй! Рад тебя видеть. Не обращай внимания, прошу, на мой вялый вид. Давно мечтал что-то исправить, может, вес набрать, но ни одна из моих четырех рук до этого не доходит. – Засмеявшись, с трудом договорил монстр. – Но оставим эту пустую болтовню. Еще успеем наговориться. А сейчас нам пора! Пройдемте, друзья, нас ждет транспорт.

Уверенной походкой расслабленного весельчака, Монстр направился к выходу из капеллы и ускоренным шагом заторопился спуститься по белой каменной лестнице.

– Вперед! – дружелюбно прокричало существо уже где-то на последних ступенях вставшему на месте без движений Рицу, вопросительно смотревшему на Окалу. Она качнула головой и последовала за монстром.

Риц спустился на землю со смотровой площадки следом за Окалой, уже спокойно разговаривающей с монстром тихим голосом. Увидев, что человек присоединился к ним, они замолчали и стали посматривать друг на друга, подозрительно моргая. Герман прищурил правый глаз и пристально посмотрел на Окалу и Монстра. Молчание продлилось незначительное количество времени и прервалось начатым разговором двуликого:

– Так, Герман, Окала, отойдите пока на пару метров назад, мне нужно место посадки. – И Монстр всеми руками махнул назад, показывая необходимость Рицу и синеконьке женщине встать за его спиной.

Монстр замолчал, вытянут перед собой руки, а затем сложил их ладони у своей груди. Послышалось монотонное мычание и бормотание. Где-то издали зашуршала листва деревьев, слышался свист и звук проносимого по воздуху тяжелого объекта. Корни деревьев затрепетали и начали ускоренно ползти, переплетаться и создавать в лесных невидимых человеческим взглядом просторах мосты и дороги. И вдруг, в воздухе, прямо над головой, человек увидел мчащийся на огромной скорости по сложным из корней деревьев рельсам и дорогам каменный вагон. Он вытворял невиданные ранее виражи и несся прямо на наших героев. Риц приготовился схватить Окалу и бежать, но в последний момент, момент, когда каменный вагон был уже на расстоянии пяти метров от Германа, транспорт остановился, повиснув неподвижно в воздухе, а затем рухнул на землю, подняв пыльное облако. Когда пыль улеглась и можно было вновь видеть что-то, кроме затемненной пелены взлетевших ввысь ничтожных частичек грязи, пришелец увидел Монстра мира любви и счастья, стоявшего у окна изнутри вагона.

– Заходите, не стойте! – кричал монстр, двумя правыми руками приглашая к себе.

Окала легонько подтолкнула Рица, и они оба присоеди-

лись к двуликому.

Монстр слегка приподнял голову, задрал подбородок, и каменный вагон вновь поднялся над землей. Герман зашатался и чуть бы не упал, но схватился за стену и устоял. Двуликий сосредоточился, его глаза закатились зрачками вовнутрь, оставив лишь белые глазные яблоки, рот же был неподвижен, но приоткрыт. Резко вагон поднялся еще на пять метров над землей, повиснув высоко над кронами деревьев. К нему со всех сторон мира начали тянуться корни, готовые прокладывать путь и нести на себе каменное вытянутое местное транспортное средство, ведя его по заданным монстром координатам.

Глаза двуликого вернулись в привычное нами положение, рот расслабился и вытянулся в человеческую улыбку. После этих очередных трансформаций, вагон как будто получил приказ и на всех порах полетел по корням в облаках вперед. Герман смотрел в окно и видел, как одна партия корней, тянувшихся с земли до самого неба, до их вагона, уступала другой. Внизу менялись виды. Огромные поля, засеянные цветами, плодовыми кустами и наполненные озерами мелькали, меняясь с каждой секундой. На крутых поворотах вагона, пришелец прижимался к стене, еще сильнее всматриваясь в пейзаж и насыщая легкие кислородом, нежно отнятым его эритроцитами у поглощенного прохладного воздуха. Голова закружилась на третьей мертвой петле, парадировав алкогольное опьянение. Но только Герман начал полностью полу-

чать удовольствие от «поездки», как вагон снизил скорость и стал медленно опускаться на землю среди раннее не видимых прищельцем домов, стоявших удаленно друг от друга и на разных холмах и в низинах.

Все трое вышли из вагона и начали осматриваться. Они находились на пригорке среди деревьев у невысокого дома. Вокруг здания была ровно скошена трава, высажены плодовые деревья, установлено несколько фонарей. У входа на крыльцо стоял чистый холст на подставке, а рядом с ним столик с красками. По небу разлетались стрекозы, небольшие разноцветные насекомые, похожие на божьих коровок. Создавая своими крошечным лапками еле уловимое шуршание, передвигались по ягодным кустам пауки трехцветники. Воздух пах недавно прошедшим дождем и свежескошенной травой. Присмотревшись к дому, Риц понял, что тот похож в мельчайших деталях на дома, в котором он вырос. С начала эта мысль теплом раздалась по телу, вызывая согревающую ностальгию, а затем посеяла зерно настороженности.

Уходили черные тучи, появилось голубое небо с окрашенными от заката облаками. И красные лучи падали на соседский дом, отблескивая от окон. В это время капли прошедшего дождя падали с крыш, добавляя настроение полного спокойствия.

– Как тебе? – спокойным тоном и с улыбкой на лице, проговорил двуликий. – Мы постарались сделать всё, чтобы это место тебе понравилось.

В этот момент, Герман почувствовал, что не может больше просто отвечать на подобные вопросы, он сам ждал ответов, и он решил их заполнить.

– Хорошо, очень хорошо. Но знаете, что было бы лучше?

– Что? – заинтересовавшись спросил двуликий в то время, когда Окала уже поняла, к чему ведет человек, и уже ощутила подкрадывающийся скандал.

– Если бы вы сразу сказали, кто вы. Если бы представились, сразу сказав, что вы монстр этого мира. И если бы ваш мир не был обманчивым. Вот вы говорите, что этот мир – мир любви и счастья, но пока никакой счастливой любви я не видел. Видел только то, как подвороморы, которые являются вашими прихвостнями, губят своими действиями по очереди влюбленных стариков. – Повышая голос, заговорил Риц. – Где счастливая любовь? – разозлившись и разочаровавшись в самом себе и в этом мире, сжимая зубы, протянул человек.

– Герман, счастливую любовь сложной найти, до неё нужно добираться, проделать к ней тяжкий путь. И ты сможешь это сделать тут, точно сможешь.

– Что вы хотите этим сказать? – посматривая на Окалу, спросил Герман Риц, широко раскрыв глаза.

– Герман, ты не вернешься больше в человеческий мир, не вернешься к себе домой. Ты остаешься здесь навсегда, теперь это, – и монстр левыми руками указал на здание, – твой дом.

– Нет! Нет! Окала, это же шутка?

Но Окала покачала головой, печально и нежно посматривая на изнывающего изнутри Германа.

Двуликий продолжил говорить, пытаясь успокоить человека:

– Герман, когда-то ты загадал у падающей звезды желание быть счастливым. Твоя мечта наконец-то сбывается, тут ты будешь счастлив, здесь ты будешь на своем месте. – Протяжно проговорил монстр, пытаясь мягче поднести мысль вечного заточения в этом мире.

– Нет. – Жестко ответил Герман, выпрямив спину и бесстрашно смотря в лицо монстру. – Я спасался раньше и спасу себя и сейчас, найдя дорогу в мой истинный дом. Слышите, я смогу выбраться отсюда.

Монстр начал менять лицо. Нечеловеческое, страшное второе лицо на неровной голове появилось в сопровождении деформации всего тела и яростно взглянуло на Рица, а затем открыло рот и искаженным гневом голосом, звеня своими длинными острыми зубами, произнесло:

– Ты мог выбраться лишь по той причине, что мы оставляли тебе дорогу. Теперь же её не будет.

Монстр вернул человеческий облик и спокойно посмотрел на медленно плывущие серые тучи.

Любовь выражается во многом и всегда по-разному. Согласитесь, нельзя уравнивать любовь матери к ребенку и любовь юноши к девушке. Любовь имеет свойство делиться на виды, меняться с годами и проявляться в мелочах. Лю-

бовь многогранна, неуловима, а если поймана, то во многом несчастна. Несчастье растворяется в любви, а любовь порождает несчастье как и счастье. Замкнутость или развитие по спирали? Слишком много мыслей. А как мог убедиться каждый, почувствовавший учащенное сердцебиение, дрожь в теле и пыл, любовь не терпит разумности. Повторять это нельзя устать, как нельзя устать от проглядывающего сквозь тучи голубого неба и солнца. Точно. Любовь, как голубое небо среди туч – дает тебе повод для мечтаний, восхищения и чувства умиротворения или возбуждения, но, *в конечном счете, наступит момент, когда серые тучи заволочут все небо и пойдет дождь, в котором прекрасно прячутся слезы.*

Глава 4. Мосты должны быть сожжены

Полная луна ярким белым светом озаряла психиатрическую больницу №1, в стенах которой начал раздаваться последний куплет игры спрятанной в стенах второго этажа двери.

Старик с шизофренией в лунном свете и в темноте ночи приложил ухо к стене в своей камере и услышал, как где-то раздался звук захлопнувшейся и защелкнувшейся изнутри двери. «Мальчик, ты больше не с нами» подумал он и закричал дежурившему врачу:

– Тревога! Тревога! Спасайтесь!

Дежурный подскочил со своего места, прервав сон, и недовольно заговорил с пациентом на повышенных тонах:

– Что ты разорался, сумасшедший?! Ночь же! Спать нужно. Либо спи, либо я дам тебе волшебную таблетку.

Врач не успел договорить, как все лечащиеся второго этажа присоединились к крикам старика.

– Нужно бежать!

– Открывайте двери, нужно спастись!

Дежурный врач направился к выходу, позвать подмогу, не заметив отсутствие Германа. Он отвлекся лишь на секунду, дабы крикнуть на первый этаж и запросить помощи, но повернувшись обратно, увидел дым и стремительно разгора-

ющийся огонь. Поднялась пожарная тревога. Пожар, заметая следы преступлений двери, начал поглощать и обугливать стены больницы, всё ближе подбираясь к больным. Врачи сбежались со всей лечебницы на первый этаж, оставляя в своих покоях пациентов. «Скоро приедут спасатели, нужно выбраться самим, другим помогут» думали они. Где-то на улице зазвучала сирена противопожарной службы, уже едущий на срочной вызов. Из больницы выбежал персонал, над крышей в небо улетали черные клубы дыма, из окна на втором этаже вырывались языки пламени, были слышны крики оставленных пациентов. В какой-то момент, на всех этажах разбились и вылетели стекла, что осыпали осколками всю землю у здания и звонким треском весь город.

Кроме пожарных, к психиатрической больнице приехали службы правопорядка, журналисты, родственники больных. Поднялся ужасный шум и плачь.

Всё здание было сожжено и потушено одновременно к утру. Пожарные, прибывшие на борьбу с огнем, вынесли из здания всех оставленных на гибель врачами пациентов. С рассветом досчитались всех людей, кроме одного человека – Германа Рица. Его начали искать под завалами, у родственников и в ближайших населенных пунктах, но в результате тщетных поисков его признали погибшим во время пожара.

Газетчики, получив информацию от своих тайных осведомителей из органов правопорядка, молниеносно распространили новость о гибели Германа Рица, устанавливая при-

чины смерти, личные факты из жизни и комментарии близких и родных.

Вышедшая статья одной из самых популярных газет города поместила на весь разворот выпуска студенческую черно-белую фотографию юного Германа, молодого и перспективного психиатра. И в отличие от его кошмарного «сна», в этот раз он был признан жертвой, а не убийцей.

Всё, что осталось от Германа Рица в мире людей, было его дневником и стареньким автомобилем.

***

Макс, Чарли, Лео, Тод и Уго прочли в газете о смерти им знакомого Германа, однажды поделившегося с ребятами вином и не побоявшегося общения с ними. Вспомнив его напутствие и поняв, как скоротечна жизнь, друзья решились на последнее для их пятерки путешествие.

Ночью старенькая машинка Германа Рица скрылась в неизвестном направлении, поднимая свист колес и облака дыма.